

ВТОРЫЕ
ВОСКРЕСЕНСКИЕ
ЧТЕНИЯ

«ИСТРИНСКАЯ ЗЕМЛЯ: ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ДЕЯТЕЛИ»

Сборник
материалов
научно-
практической
конференции
13 декабря
2018 года

Министерство культуры Московской области
Администрация городского округа Истра Московской области
Управление по культуре, спорту и работе с молодежью
Администрации городского округа Истра Московской области
Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля
Музейно-выставочный комплекс «Новый Иерусалим»
Союз краеведов России
Московское краеведческое общество
Центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)

ВТОРЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ «ИСТРИНСКАЯ ЗЕМЛЯ: ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ДЕЯТЕЛИ»

**Сборник материалов
Научно-практической конференции
13 декабря 2018 года**

Истра
2019

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Р-4Мо)
В 87

В 87 Вторые Воскресенские чтения. Истринская земля: История. Культура. Деятели: сборник материалов научно-практической конференции. 13 декабря 2018 г. [Текст] /Центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т.В. Вартановой. – Истра; Издательство «Современные информационные системы», 2019. – 160 с.

Вторые Воскресенские чтения «Истринская земля: История. Культура. Деятели» отражают историю и культуру края в исследованиях местных краеведов и посвящены деятелям Истринской земли, их вкладу в историю и культуру края. Особое внимание было уделено опыту развития краеведения в общеобразовательных учреждениях Истринского городского округа и краеведению как важной части работы библиотек. Традиционно прозвучала чеховская тема. В научно-практической конференции приняли участие краеведы, исследователи, сотрудники библиотек и музеев.

Составитель
О.И. Дудолодова
Общая редакция
Т.В. Вартанова
Редакторы
С.Ю. Олексюк
Е.А. Зорина

ISBN 978-5-6043645-0-5

© Центральная библиотека имени А.П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В. Вартанова	Вступление	4
	Приветствия	7
Н.В. Молодцова	Колония посемейного призрения душевнобольных в Воскресенске. Малоизвестные страницы дореволюционной истории города	11
В.А. Логинов	После Чехова. Медицинский факультет Московского университета. В 1917-1924 гг.	14
Н.Н. Бутлерова, М.Н. Кнутова	Чеховская энциклопедия. Семья Маевских	35
Е.А. Лебедева	Чехов и Маевские. Поиски Маевских	49
Е.Н. Фадичева	М.Ю. Лермонтов и А.П. Чехов	63
Л.Н. Шаталова	М.Ю. Лермонтов в портретах	78
С.Ю. Мамаев	Протоиерей Руф Поляков	82
С.П. Носиков	Анна Сергеевна Цурикова и дворянский род Мингалевых	92
В.Б. Маслова	Школьное краеведение: поиск и находки, перспективы и проблемы (из опыта работы)	112
О.С. Андрюхина	Вклад дедовчан в культуру нашего края	118
О.В. Анискина	Л.Н. Шаталова во времени и пространстве	125
В.В. Королевич	Солженицын на Истринской земле	130
Е.Н. Золотарева	История Павло-Слободской библиотеки	132
В.Ю. Муравьева	Александра Григорьевна Коваленская, детская писательница Истринской земли	139
В.В. Лобацевич	Две чайки – две судьбы	150
В.Г. Викторова	Ярославская Чеховка – региональный центр информации о жизни и творчестве А.П. Чехова	155
	Список участников конференции	158

Т.В. Варганова
Директор МУК «Истринская ЦБС»

Прошел ровно год со дня Первых Воскресенских чтений (13 декабря 2017 г.), и 13 декабря 2018 г. в Центральной библиотеке имени А.П. Чехова состоялись Вторые Воскресенские чтения «Истринская земля: История. Культура. Деятели». Научно-практическая конференция прошла при поддержке Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Государственный литературный музей), Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим», Союза краеведов России и Московского краеведческого общества.

Доклады Первых Воскресенских чтений «Краеведческие традиции Истринской земли» вошли в сборник материалов конференции, который был издан в 2018 г. и презентован на Вторых Воскресенских чтениях. Впервые в своей истории Центральная библиотека имени А.П. Чехова издала сборник краеведческих материалов, что является весомым достижением и началом нового этапа краеведческой деятельности местного сообщества. Авторы статей и участники Вторых Воскресенских чтений получили сборник в подарок. Сборник пополнил краеведческий фонд библиотеки, все читатели имеют возможность с ним познакомиться.

На Вторых Воскресенских чтениях Библиотека выступила в новом, очень важном и почетном статусе отделения Московского краеведческого общества. 16 октября 2018 года в Центральной библиотеке имени А.П. Чехова состоялось организационное собрание краеведческого объединения городского округа Истра Московской области с целью учреждения Отделения Московского краеведческого общества (МКО). В собрании приняли участие сотрудники библиотеки и истринские краеведы, был избран руководящий состав объединения. Истринское краеведческое объединение обратилось с ходатайством в Совет МКО о признании краеведческого объединения отделением Московского краеведческого общества. 26 октября 2018 года Совет МКО одобрил обращение Истринского кра-

ведческого объединения и принял решение поддерживать тесные научно-информационные и организационные контакты с Истринским отделением, а также наметить план совместных мероприятий. Это важный шаг не только для самой библиотеки, это значимое событие для всего краеведческого движения в округе, конечно, это большая ответственность и новые задачи. Истринское краеведческое отделение Московского краеведческого общества призывает всех заинтересованных лиц к объединению усилий, укреплению связей и совместной деятельности. Истринское отделение открыто для диалога и действия.

Краеведение входит в число приоритетных направлений работы библиотек городского округа Истра Московской области. Миссия библиотек состоит в изучении и сохранении культуры, развитии краеведения и просветительской деятельности в широком понимании. Библиотечное краеведение, с одной стороны, подпитывается потребностью людей в самоидентификации, поиске своих корней, в изучении истории края, интересом к культурным ценностям, с другой стороны, библиотечное краеведение развивается благодаря расширению профессиональных и творческих связей с музеями, образовательными учреждениями и установлению взаимодействия с Московским краеведческим обществом.

Среди почетных гостей и участников Вторых Воскресенских чтений была Анна Филипповна Грушина, кандидат исторических наук, председатель Союза краеведов России, главный редактор «Московского журнала», член Совета Московского краеведческого общества, Заслуженный работник культуры РФ. В приветственном слове Анна Филипповна пожелала участникам конференции интересной работы, ярких событий, успешного продвижения краеведческих знаний. Анна Филипповна зачитала приветственное письмо Владимира Фотиевича Козлова, Председателя Московского краеведческого общества, руководителя Центра историко-культурного краеведения и москвоведения Института Наследия, кандидата исторических наук, доцента, и преподнесла в подарок библиотеке Ретроспективный свод публикаций «Московского журнала. История государства Российского» за 1991-2016 гг., выпущенного к 25-летию издания и занявшего достойное место в краеведческом фонде Центральной библиотеки имени А.П. Чехова.

Участников конференции приветствовала Елена Вячеславовна Бузлаева, заместитель Главы администрации городского округа Истра Московской области, она отметила, что именно Центральная библиотека имени А.П. Чехова координирует краеведческую работу в округе. Елена Вячеславовна выразила надежду, что выпуск сборников материалов конференций станет традицией на долгие годы.

И, самое главное, что Елена Вячеславовна не просто высоко оценивает значимость события, она оказывает деятельную поддержку инициатив библиотеки. Администрация округа выделяет необходимое финансирование, что позволяет осуществлять задуманные проекты.

Деятельность библиотеки заметна не только на уровне городского округа Истра, библиотеку знают и библиотечное сообщество, и писательские организации. Центральная библиотека имени А.П. Чехова была удостоена чести поздравить Союз писателей России с 60-летием на юбилейном вечере по приглашению Сергея Александровича Шаргунова, писателя, депутата Государственной Думы Российской Федерации, сопредседателя Союза писателей России. В Приветственном письме участникам Вторых Воскресенских чтений Сергей Александрович призвал беречь малую родину, свято хранить память о ее истории и пожелал плодотворной работы.

От имени Чеховской комиссии Российской академии наук Владимир Борисович Катаев, председатель комиссии, в приветственном письме пожелал библиотеке оставаться яркой точкой на Чеховской карте России.

Центральная библиотека имени А.П. Чехова сохраняет традиции общедоступного, открытого, универсального института, ориентированного на изучение, сохранение, продвижение культурного наследия и вовлечение в этот процесс широкой общественности. Целью библиотечного краеведения является восстановление культурной среды территории, традиций, исторической связи поколений. Библиотека создавалась в честь увековечения памяти Чехова на Истринской земле, и, следуя завету наших предшественников, библиотека должна оставаться хранителем культурной памяти, чтобы давать возможность людям чувствовать личную причастность к культуре родного края.

Тема Вторых Воскресенских чтений «Истринская земля: История. Культура. Деятели» в полной мере отражена в представленных в сборнике докладах, которые содержат не только глубокие исследования об известных событиях и именах, но и неожиданные открытия, неизвестные страницы, новые имена. Отрадно, что к серьезной исследовательской работе подключились библиотекари округа и выступили с интересными содержательными докладами.

От лица коллектива Центральной библиотеки имени А.П. Чехова выражаю благодарность в адрес партнеров, докладчиков, участников конференции, руководства округа, гостей, коллег и читателей за поддержку Воскресенских чтений и приглашаю новых участников к общей, интересной и очень важной работе.

Катаев Владимир Борисович

Председатель Чеховской комиссии РАН, доктор филологических наук

От имени чеховской комиссии Российской Академии наук желаю успеха в проведении Вторых Воскресенских чтений на базе Истринской библиотеки. Желаю, чтобы Ваша библиотека оставалась яркой точкой на Чеховской карте России.

Шаргунов Сергей Александрович

*Депутат Государственной Думы,
сопредседатель Союза писателей России*

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Приветствую вас и поздравляю с открытием Вторых Воскресенских чтений в Центральной библиотеке имени А.П. Чехова в городе Истре.

Ваша земля пропитана духом великой русской культуры. Здесь замечательные живописные чеховские места, где так любил бывать Антон Павлович. Неслучайно семейство Чеховых выбрало Истру (тогда Воскресенск), чтобы основать здесь свое фамильное гнездо. Выдающиеся отечественные писатели, художники, музыканты любили Истринскую землю и с удовольствием жили и творили здесь свои бессмертные произведения.

Берегите вашу Малую Родину и свято храните драгоценную память о ее истории.

Желаю вам плодотворной работы!

Грушина Анна Филипповна

*Кандидат исторических наук, председатель Союза краеведов России,
главный редактор «Московского журнала», член Совета Московского
краеведческого общества, Заслуженный работник культуры РФ*

Уважаемые организаторы чтений! Уважаемые коллеги-краеведы, историки и литераторы!

Вчера я имела честь вручать областные премии по истории краеведения, и мне было бесконечно радостно знать, что в зале присутствуют

два человека из Истры. Мы очень рады, что Истринское краеведческое объединение, созданное недавно, уже имеет свое лицо. Хочу поделиться радостью – совсем недавно создан Центр историко-культурного краеведения и москвоведения. Ранее такого официального центра в стране не было – все краеведение базировалось на кафедре краеведения в историко-архивном институте. Теперь и при Институте культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева создан такой центр, который возглавляет предыдущий Председатель Союза краеведов России, кандидат исторических наук, доцент Козлов Владимир Фотиевич.

Я хочу зачитать приветствие Центра историко-культурного краеведения и москвоведения Института Наследия к уважаемым организаторам и участникам вторых Воскресенских чтений!

В таких сообществах мне хочется говорить высоким слогом. Те, кто здесь находятся, хранят историю, хранят культуру, сберегают нашу общую память. Дай Бог вам на этом поприще достойных результатов! Я думаю, что это дело благородное, а потому оно уже успешное. Успехов!

Козлов Владимир Фотиевич

*Председатель Московского краеведческого общества, руководитель
Центра историко-культурного краеведения и москвоведения
Института Наследия, кандидат исторических наук, доцент*

Уважаемые организаторы и участники Вторых Воскресенских чтений!

Совет Московского краеведческого общества (МКО) приветствует Вас и желает успешной плодотворной работы!

Подмосковная Истринская земля славится краеведческими традициями, заложенными здесь почти столетие назад и успешно развивавшимися на протяжении многих десятилетий. Сегодня одним из главных организаторов и координаторов местных краеведческих исследований и краеведческого движения является Центральная библиотека им. А.П. Чехова, а с недавних пор – и созданное на ее базе Истринское краеведческое объединение (отделение МКО). В составе МКО работают совместно краеведы Москвы и Подмосковья, и создание нового отделения в Истре – еще одно наглядное свидетельство общности краеведческих научных интересов представителей столичных и областных территорий, разделенных

ныне административными границами, но имеющих общую историю и общую культуру.

Отрадно, что сегодня в Истре проходят уже Вторые Воскресенские чтения «Истринская земля: История. Культура. Деятели», имеющие широкую историко-культурную краеведческую тематику. Мы уверены, что, как и Первые чтения 2017 г., эта конференция также станет заметным явлением в научно-культурной жизни Истринского района и Московского региона в целом, что ее результаты будут способствовать расширению и углублению научного знания по различным сюжетам истории и культуры Истринского края, позволят более наглядно и детально показать особенности местной истории на всем ее протяжении, продемонстрировать богатство и разнообразие местного культурного наследия.

Желаем участникам Вторых Воскресенских чтений научных успехов и новых достижений на ниве краеведения на благо Малой и Большой Родины!

Бузлаева Елена Вячеславовна

*Заместитель Главы администрации городского округа Истра
Московской области*

Уважаемые коллеги и уважаемые гости!

Я очень рада приветствовать сегодня всех на наших Вторых краеведческих чтениях, ставших уже традиционными.

Рада отметить, что наши учреждения, а именно библиотеки, занимаются краеведением. Это очень важно для всех: для взрослых и для детей, для жителей и для гостей – знать историю того места, где человек живет или куда он приехал. К сожалению, в настоящее время краеведение у нас в городе отражено недостаточно на музейном уровне.

Те, кто живет в городе давно, помнят, что в музейно-выставочном комплексе, в музее Новый Иерусалим была очень хорошая экспозиция, посвященная городу Воскресенску. Туда мы ходили с детьми, там можно было посмотреть как город жил 200 лет назад, и там можно было посмотреть карту города и понять, как называлась та или иная улица, в том числе та, на которой я живу сейчас. Жителям города этого очень не хватает. Нужно

отметить, что нишу краеведения очень плотно и очень профессионально заняли наши библиотеки.

Приятно, что когда мы приходим в библиотеку, сотрудники библиотеки показывают и раскрывают краеведческий фонд, демонстрируют выставки, посвященные Истринской земле и Московской области. И это очень хорошо! Поэтому я хочу сказать огромное спасибо в первую очередь нашей Центральной библиотеке имени А.П. Чехова, которая координирует всю эту работу на территории городского округа.

Я хочу поприветствовать и выразить свое восхищение нашим гостям! Когда я увидела перечень участников наших чтений, я поняла, что это очень высокий уровень и чтения будут очень интересными – для нас это целое событие.

Спасибо вам огромное! Хочу отметить, что стало хорошей традицией выпускать сборник по итогам каждых чтений. Это даст возможность ознакомиться со всеми материалами не только узкой аудитории здесь присутствующих, но и всем жителям, а также гостям нашего города.

Я думаю, что работа будет очень интересная и очень плодотворная.

Н.В. Молодцова

КОЛОНИЯ ПОСЕМЕЙНОГО ПРИЗРЕНИЯ ДУШЕВНОБОЛЬНЫХ В ВОСКРЕСЕНСКЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данном сообщении хотелось бы обратиться к такой странице истории дореволюционного Воскресенска, как организация здесь так называемой «колонии посемейного призрения душевнобольных». Она была открыта в городе в 1906 году и существовала на протяжении нескольких лет. Но, прежде чем обратиться непосредственно к истории самой колонии, хотелось бы кратко остановиться на том, в каком состоянии находилось дело помощи душевнобольным людям в России в этот период. Во второй половине XIX века психиатрия как отрасль медицины развивается довольно бурно, а к концу века расширяется и совершенствуется психиатрическая помощь, усиливается движение за гуманизацию отношения к душевнобольным, осваиваются новые формы организации клиник и ухода за больными.

Одной из таких новых форм было и создание колоний и патронажей, в том числе семейного патронажа, или системы посемейного призрения больных. Пребывание больных вне стен клиник аргументировалось тем, что для части больных однообразное пребывание на протяжении долгого времени в одних и тех же стенах способствовало ухудшению их состояния, а также тем, что больницы стремились отстоять свое назначение именно лечебных учреждений, и хронические больные, не опасные для окружающих, не должны были обязательно в них находиться. Система семейного патронажа существовала в нескольких видах: больные оставались в собственных семьях, при этом семьям выделялось материальное пособие, а за больными осуществлялся врачебный надзор; в сельской местности организовывались колонии и больные передавались в семьи, где за ними готовы были присматривать; подобные же колонии организовывались в городах.

Доктор Н.Н. Баженов, уже имевший опыт организации колоний для душевнобольных с семейным патронажем, став в 1904 году главным врачом московской Преображенской больницы, предложил организовать при больнице подобную колонию. Создание ее, среди прочего, было обусловлено и переполненностью Преображенской больницы, так что доктор Н.Н. Баженов называл новую колонию «эвакуационной»¹.

Местом для организации этого нового больничного заведения должен был стать захолустный заштатный городок, и выбор организаторов пал на Воскресенск. Интересно, как, почему именно на Воскресенск пал их выбор? Каким увидели они его в 1905-1906 годах? Город, по их мнению, располагался в красивой и здоровой местности, и, в то же время, место это было «не бойким» – не фабричным и не дачным. Последнее замечание довольно любопытно. По прошествии более чем ста лет нам представляется, что в начале XX века Воскресенск, после начала прямого железнодорожного сообщения с Москвой, достаточно активно осваивался дачниками. Однако процесс этот, видимо, не был быстрым, и Воскресенск оставался тихим уголком, по сравнению с другими местами, где дачи росли как грибы, и начинали создаваться целые дачные поселки со своей инфраструктурой. Сочетание тихого городка и удобного транспортного сообщения со столицей стало для устроителей колонии решающим при выборе места.

Жителей Воскресенска организаторы колонии характеризуют как обывателей скромного среднего достатка.

Организована колония была следующим образом. В Воскресенске была арендована усадьба, в которой размещался центр-приют. В нем находился медицинский персонал, общие службы, здесь ежедневно собирались многие из колонистов и сюда они перемещались в случае ухудшения их состояния. В остальное время больные находились в семьях, в которых проживали и питались. За месяц семья получала за уход за больным на его питание 10 рублей 50 копеек. Организованное подобным образом содержание больных обходилось почти вдвое дешевле, чем в больнице. Колония начала работать в 1906 году. Через 3 года в ней было

¹ Баженов, Николай Николаевич (1857-1923). История Московского Доллгауза, ныне Московской городской Преображенской больницы для душевнобольных [Текст] / Н.Н. Баженов, гл. врач Преображ. больницы, прив.-доц. Моск. ун-та, проф. Высш. жен. курсов. – М.: Моск. гор. обществ. упр., 1909. – [2], 191 с., 24 л. ил., портр., факс.: ил., портр.; 26.

уже около 100 больных. Хочется подчеркнуть, что колония была отделением московской больницы, и пациенты сюда направлялись из столицы.²

В брошюре, посвященной истории московской Преображенской больницы, есть несколько фотографий, показывающих жизнь колонии в Воскресенске. В печатном «Альбоме зданий, принадлежащих Московскому Городскому Общественному управлению»³, экземпляр которого есть в фондах музея «Новый Иерусалим», мы также можем видеть здание патронажного отделения Преображенской психиатрической больницы в Воскресенске. Благодаря этим изображениям здание легко опознается на дореволюционной открытке «Новый Иерусалим. Елеонская часовня». Впрочем, Н.Н. Баженов сообщал, что уже в 1909 году Московское городское управление приняло в дар от жительницы города госпожи Петровской два участка земли, на которых предполагалось построить для колонии собственные здания. К сожалению, пока не удалось найти сведений, были ли эти здания построены. Возможно, работы прервала начавшаяся война. Стоит упомянуть, что в одном из статистических обзоров, вышедших в начале 1910-х годов, где давалась характеристика промыслов Московской губернии, ее уездов и отдельных городов, специализацией Воскресенска названо попечение о душевнобольных, размещенных в семьях местных жителей.

Колония или патронажное отделение Преображенской больницы подчинялось московскому городскому управлению, поэтому материалов о ее деятельности в архивных документах Воскресенска и Звенигородского уезда не отложилось, поэтому ее короткая история несколько выпадает из поля зрения изучающих дореволюционную историю города.

² Уточнение это вызвано тем, что в книге «Истринская земля» (Истринская земля [Текст]. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – С. 116.) приводятся сведения об этой колонии, и на основании там изложенного, может создаться впечатление, что лечение в колонии проходили местные жители.

³ Альбом зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению. Т. 1. : [Изоматериал] : [Альбом]. – М. : Фототипия П.П. Павлова, [191-]. – 220 с. : : фототип.; 41 x 55 см.

**ПОСЛЕ ЧЕХОВА. МЕДИЦИНСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1917-1924 ГГ.**

Современная история медицины в полной мере усвоила и естественнонаучные подходы к изложению материала, базирующиеся на логике и здравом смысле, и гуманитарные трактовки многих феноменов, подразумевающие несколько степеней свободы. Данное положение можно проиллюстрировать следующими примерами из творческой биографии Антона Павловича Чехова.

Он мечтал заниматься историей медицины. Об этом свидетельствует и сбор материалов к незаконченному труду «Врачебное дело в России», и мысли, разбросанные по произведениям и письмам великого писателя [7]. Так, в рассказе «Скучная история» Чехов от имени героя пишет о том, как хорошо было бы уединиться в деревне, где в тишине и спокойствии писать труды по истории медицины.

А в одном из писем к издателю Суворину А.П. Чехов разбирает исторический факт, связанный с правлением Дмитрия Самозванца [7]. Дело в том, что в исторической литературе того времени активно дискутировался вопрос о правомочности присвоения царского титула данным персонажем. Некоторые историки не исключали ложности факта объявленной гибели юного царевича, и, соответственно, подтверждали законность его пребывания на троне в зрелом возрасте.

Изучая исторические материалы, Чехов подметил, что у царевича Дмитрия в детстве были приступы «падучей» (так называли в те времена эпилептические припадки), а у лица, назвавшегося впоследствии наследником царского титула, таковых проявлений не отмечалось. Следовательно, делает вывод А.П. Чехов, Дмитрий Самозванец действительно был самозванцем, поскольку эпилепсия относится к неизлечимым болезням и продолжается в течение всей человеческой жизни.

Напомним, что А.П. Чехов был выпускником (1884 г.) медицинского факультета Императорского Московского Университета (ИМУ), гордился своим дипломом лекаря и мечтал защитить докторскую диссертацию, но литературное творчество не позволило этого сделать. Сразу после окончания ИМУ А.П. Чехов начал работать уездным врачом в Чикинской больнице (Воскресенская лечебница). Всю свою короткую, но яркую жизнь А.П. Чехов глубоко чтит университетских учителей и традиции *alma mater*.

Вот свидетельства из писем и записных книжек писателя: «Что с Боткиным? <...> В русской медицине он то же самое, что Тургенев в литературе..», «...Захарьина я уподобляю Толстому по таланту» [7]. Терапию студенту Чехову преподавали выдающиеся профессора Московского университета Г.А. Захарьин (1829–1897) и А.А. Остроумов (1844–1908), а в качестве учебника использовали труды С.П. Боткина (1832–1889), хирургию – выдающийся операционист и организатор здравоохранения Н.В. Склифосовский (1836–1904), нервные болезни – ученый с мировым именем А.Я. Кожевников (1836–1902) [9].

У многих в России начала XX-го века медицинский факультет Московского университета ассоциировался с именем А.П. Чехова. Вот что написал в своих воспоминаниях А.Л. Мясников (1899–1965) выдающийся советский терапевт, академик АМН СССР, председатель Всероссийского общества терапевтов, с юности прекрасно разбиравшийся в изящных искусствах: «Неожиданно для самого себя я поступил на медицинский факультет. Отец сказал мне, что можно знать историю и литературу, будучи врачом (были же врачами Чехов, Шиллер и Конан-Дойль)...» [5, С. 75]. Мы видим, что Память о Чехове – выпускнике медицинского факультета Московского университета, еще долго жила в сердцах русской интеллигенции.

Одна из задач настоящей статьи является дать представление читателям о состоянии дел на медицинском факультете в переломный исторический период (1917–1924), наступивший в России вскоре после кончины А.П. Чехова.

В 1917 году учебная и научная деятельность медицинского факультета Московского университета проходила в сложных условиях бурной политической жизни того времени: учебные планы исполнялись с трудом, из-за малой посещаемости читались только отдельные лекции, непланомерно велись практические занятия, работа в клиниках и лабораториях почти остановилась [4].

В 1917–18 гг. на медицинский факультет вернулись многие профессора (П.А. Минаков, А.Б. Фохт, В.Д. Шервинский, Г.И. Россолимо, М.Н. Шатерников и др.), покинувшие в 1911–12 гг. Императорский московский университет (ИМУ) в знак протеста против реформ министра просвещения Л.А. Кассо (1865–1914) [1,4]. Исследовательские кафедры возобновили экспериментально-теоретические работы, прерванные во время отсутствия ведущих профессоров.

На кафедре физиологии под руководством профессора М.Н. Шатерникова изучались проблемы пищеварения и, в частности, разрабатывались новые подходы к питанию военнослужащих [2,3].

Большую педагогическую и научную работу по изучению инфекционных болезней проводили терапевтические кафедры. Был опубликован ряд работ по клинической картине гриппа, его терапии и профилактике. Исследовались заболевания, связанные с нарушением питания в военное время и расстройством функционирования желез внутренней секреции [6].

Профессор А.В. Мартынов вместе с учениками занимался в госпитальной хирургической клинике отработкой методов хирургического лечения заболеваний желудка, печени, желчных путей, желез внутренней секреции, изучал изменения крови в послеоперационном периоде. Научная работа госпитальной хирургической клиники, которой профессор А.В. Мартынов руководил до 1934 года, была весьма продуктивной [1].

Необходимо отметить большую работу университетских медиков в областях военно-полевой хирургии и борьбы с инфекционными заболеваниями, проводившуюся на кафедрах и в клиниках факультета в эти годы. Так, даже в хирургических подразделениях искали методы лечения костного и суставного туберкулеза (профессор И.К. Спизарный) [6].

В клинике детских болезней было создано отделение раннего детского возраста, налажены клинические консультации для грудных детей, функционировала молочная кухня. Изучались расстройства роста и развития, эндокринные заболевания детей (диабет), клиническая картина и терапия дифтерии [6].

В 1917 г. профессор Г.И. Россолимо передал в дар Московскому университету Институт детской психологии и неврологии, созданный в 1911 г. на собственные средства. Чтобы больше узнать о профессоре Россолимо, обратимся вновь к воспоминаниям А.Л. Мясникова [5]. Читаем на стр. 91: «...нас всегда привлекал не математикой топоческой диагностики и не

безрадостным лечением больных (да и сейчас оно почти не улучшилось), а своим обликом. Мы знали, что это друг А.П. Чехова».

В этот же период в клинике нервных болезней занимались и вопросами детской невропатологии в текущих условиях. В клинике также проводили работы по изучению санитарных последствий Первой Мировой войны, медицинского обслуживания и воспитания детей с особенностями психического развития. В специально созданной при клинике вспомогательной школе изучали организацию врачебно-воспитательных учреждений для детей с нарушениями развития [6].

Профессор П.Б. Ганнушкин публикует свои исследования по изучению пограничных между физиологией и психопатологией состояний. Клинические взгляды П.Б. Ганнушкина, стремившегося к синтезу психопатологического и клинического направлений в психиатрии, нашли отражение в монументальном труде «Психиатрия, ее задачи, объем, преподавание» (1924) [3,4].

В клинике глазных болезней с 1918 г. под руководством профессора В.П. Одинцова разрабатывались методы лечения отслойки сетчатки электрокоагуляцией [2,6].

В клинике болезней уха, носа и горла, руководимой одним из основоположников хирургического направления в отечественной отоларингологии, профессором А.Ф. Ивановым, занимались вопросами борьбы с хроническими стенозами гортани, осложнениями туберкулеза, заболеваниями придаточных пазух носа, а также сопряжением заболеваний носовых полостей и зрительного нерва [2,3].

В урологической клинике под руководством профессора Р.М. Фронштейна изучали туберкулезные поражения и злокачественные новообразование мочевых органов, а также клинику и терапию почечнокаменной болезни [3].

Сотрудники клиники кожных и венерических болезней с 1917 г. под руководством профессора В.В. Иванова проводили работы, раскрывающие этиологию и патогенез профессиональных дерматозов [2,4].

Развитию отечественной патологической анатомии во многом содействовал заведующий кафедрой профессор А.И. Абрикосов, основавший московскую научную школу, особенностью которой было клинико-анатомическое направление. А.И. Абрикосов написал учебники, являющиеся до сих пор основными для студентов и врачей [2].

На кафедре патологической физиологии были проведены интересные работы в области эндокринологии. По результатам издана монография «Основы эндокринологии» – первое отечественное руководство по этому предмету [6].

На кафедре фармакологии в первые годы после революции Д.М. Росский проводил экспериментальные работы по изучению действия на организмы животных эфирных масел и различных дезинсекционных средств для истребления паразитов – распространителей инфекционных болезней [6].

В течение 1918 года в Московском университете обучались 22 972 студента (на 1 января 1919 г.), в т.ч. на медицинском факультете – 10 080 человек [4].

В августе 1918 был опубликован Декрет СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» и постановление СНК РСФСР «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» [2,4].

Устанавливалось [4], что каждый гражданин, независимо от пола, достигший 16 лет, мог стать слушателем любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или иной школы. Запрещалось требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения личности. Прием на I курс 1918/19 уч. г., произведенный на основании аттестатов или конкурсных экзаменов, объявлялся недействительным.

В вузах РСФСР отменялась всякая плата за обучение, а суммы, внесенные за обучение в первом полугодии 1918/19 учебного года, подлежали возвращению. За нарушения постановления ответственные лица подлежали суду Революционного Трибунала [2,4].

До публикации постановлений в Московский университет на 2350 мест было подано 2632 заявления от выпускников средних школ; а после – 5892 заявления, разницу в основном составили лица, не имевшие среднего образования. Так создавался контингент студентов-медиков «со средними способностями» [4].

Но медицинский факультет Московского университета продолжал работать и в таких условиях. Интенсивная научная работа велась, например, на кафедре судебной медицины под руководством профессора П.А. Минакова. Сотрудники кафедры принимали постоянное участие в периодически выходивших сборниках по результатам судебно-медицинских

экспертиз и многочисленных совещаниях экспертов [6]. Московские реалии того времени хорошо обеспечивали исходными материалами работу судебных медиков.

В марте 1919 г. был издан Декрет СНК РСФСР о немедленном призыве на практическую работу всех студентов-медиков V курса. Во время Гражданской войны на Россию обрушились тяжелые пандемии сыпного тифа и «испанской болезни» (гриппа). Начавшись глубокой осенью 1918 г. и достигнув своего высшего развития в апреле 1919 г., пандемия сыпного тифа продолжалась до 1921 г. [2]

В начале 1920-х годов были мобилизованы на военно-санитарную работу и студенты I и II курсов медицинского факультета. Студенты работали санитарями, дезинфекторами, медицинскими братьями и сестрами на эвакуационных пунктах московских вокзалов, в сыпнотифозных госпиталях [8,9].

Главный корпус медицинского факультета на Девичьем поле и заразные бараки клиники детских болезней были отданы для сыпнотифозных больных, а в январе 1920 г. на Девичьем поле при клиниках был открыт дополнительный инфекционный барак [8].

В работу по борьбе с эпидемиями были вовлечены практически все подразделения медицинского факультета, то есть больше ста высококвалифицированных ученых-медиков (в течение 1919 года на медицинском факультете работало 113 профессоров) [4].

Так, профессор П.А. Герцен, руководивший пропедевтической хирургической клиникой, в эти годы разрабатывал топографическую анатомию и оперативную хирургию околоушной железы при сыпном тифе. Необходимо отметить, что основные научные интересы П.А. Герцена лежали в области борьбы со злокачественными новообразованиями (рак). В клинике на Девичьем поле, которой он заведовал, прежде всего изучались проблемы гистогенеза опухолей, рака и предраковых состояний, хирургические методы лечения раковых опухолей, лучевой и комбинированной терапии опухолей, болезней кроветворных органов, лечение ран и вопросы переливания крови [3].

Работавший университетским прозектором на кафедре патологической анатомии, будущий ведущий отечественный ученый в этой области, И.В. Давыдовский пишет монументальный труд о сыпном тифе [9].

Выходит издание работы профессора Д.Д. Плетнева с подробным клиническим описанием этого заболевания («Сыпной тиф», 1921) [3].

В 1917–19 гг. клиники медицинского факультета функционировали лишь частично, ведение практических занятий было затруднено, операционные часто пустовали, профильные больные отсутствовали.

Несмотря на тяжелые условия, медики Московского университета старались поддерживать высокий уровень образования. Из воспоминаний А.Л. Мясникова: «Между тем опасность контрреволюции нависла... В Москве в эти осенние дни 1919 г. на некоторых заводах вспыхивали волнения – то ли на экономической, то ли на политической почве. А мы ходили в клиники и слушали лекции. Особенно нам нравились лекции профессора Д.Д. Плетнева. Этот блестящий клиницист нас привлекал как диагнозами, так и особенно острой и яркой речью. Всегда элегантный, менявший каждый день костюм, не говоря уже о рубашках, надушенный, сверкающий запонками, окруженный хорошенькими женщинами (студентками, ординаторами), он входил в аудиторию полный какой-то внутренней силы и начинал говорить в абсолютной тишине хрипловатым, довольно тихим голосом» [5, с. 88].

Благодаря стараниям профессора Д.Д. Плетнева расширяются университетские терапевтические клиники, приобретается новая аппаратура (в том числе один из первых в истории клинический электрокардиограф в 1924 г.), к исследованиям привлекаются все заинтересованные лица: помимо штатных сотрудников научные исследования на факультете проводят 30–40 прикомандированных врачей [9].

В 1920 г. выходит первый выпуск журнала «Клиническая медицина», задуманного и основанного профессором Д.Д. Плетневым с целью «дать врачу научный и научно освещенный материал». Первые годы издание этого и сейчас популярного среди отечественных врачей журнала было тяжелым бременем для основателя. Тем не менее, с 1924 года ежегодно выходят 12 или 24 номера, а сам журнал стал одним из основных врачебных изданий России. Профессор Д.Д. Плетнев оставался бессменным ответственным редактором «Клинической медицины» вплоть до 1937 года [9].

При участии профессоров медицинского факультета после прекращения гражданской войны появились и другие отечественные медицинские журналы: «Русская клиника», «Вестник современной медицины», «Советский врач», «Вестник хирургии», «Гинекология и акушерство», «Вестник венерологии и дерматологии», «Вестник эндокринологии», «Социальная гигиена» [8].

Медицинский факультет Московского университета принимал большое участие в организации в Москве в 1918 году нового высшего учебного меди-

цинского учреждения – Высшей медицинской школы, созданной на базе Коммунистического военного госпиталя (Лефортово). Многие профессора медицинского факультета заведовали в течение ряда лет кафедрами и клиниками этой школы. Кроме того, сотрудники медицинского факультета Московского университета активно участвовали в работе по возобновлению деятельности ранее существовавших и созданию новых медицинских профессиональных обществ [6].

Осенью 1919 года согласно Постановлению Совета рабочей и крестьянской обороны для срочного пополнения Красной Армии медицинским персоналом все студенты-медики V курса, как мужчины, так и женщины, должны были окончить университет к 1 декабря 1919 г. с тем, чтобы 15 декабря отправиться на фронт [2].

А в апреле 1920 г. Совет труда и обороны постановил проводить занятия на последнем курсе медицинских факультетов всех университетов в течение весны и лета 1920 г. с тем, чтобы к 1 января 1921 г. осуществить ускоренный выпуск врачей ввиду недоукомплектованности и военных, и гражданских медицинских учреждений [2].

Эти два постановления очень быстро дали свои «плоды»: число студентов на медицинском факультете уменьшилось с 13 337 чел. (1920 г.) до 2543 чел. в 1921 г. [4].

Итак, количество студентов уменьшилось, а количество учебных предметов на медицинском факультете было значительно больше, чем могли освоить студенты «со средними способностями» за пять лет.

В июле 1921 г. приемная комиссия МГУ начала работать по новым правилам. В первую очередь принимались: а) окончившие рабочие факультеты; б) делегированные наркоматами, ВЦСПС, ЦК профсоюзов; в) члены РКП и комсомола по рекомендации своих организаций. Не попавшие в эти категории принимались в случае наличия свободных мест. Предпочтение оказывалось абитуриентам, имевшим рекомендации партийных органов и губернских профсоюзных объединений. Медицинский факультет принимал на вакансии всех окончивших рабочие факультеты без ограничений по возрасту. Для остальных факультетов Московского университета устанавливался возраст от 18 до 30 лет [4].

От абитуриентов медицинского факультета требовалась общеобразовательная подготовка по программе рабфака. Испытательная комиссия обращала внимание на подготовку в области физики, математики и естествознания. В 1922/23 учебном году для поступающих (за исключением

выпускников рабфака) были введены испытания в форме коллоквиумов и письменных работ.

С 1923 г. директор факультетской хирургической клиники профессор Н.Н. Бурденко с сотрудниками разрабатывали подходы к решению проблем хирургии центральной нервной системы, патогенеза язвы желудка, шока, хирургического лечения туберкулеза, ожогов, обморожения, лечения гнойных ран, борьбы с анаэробными инфекциями, лечения септической инфекции, неингаляционного наркоза и другие. Многие из этих работ определили развитие отечественной хирургии на десятилетия [2,3,6].

Между тем на медицинском факультете резко упала успеваемость, выросло число условно переведенных студентов. Фактическая продолжительность обучения на медицинском факультете Московского университета в эти годы увеличилась до шести и более лет. В учебном плане того времени не была предусмотрена летняя практика студентов-медиков, что также отрицательно сказывалось на навыках врачей нового поколения.

Страна остро нуждалась в квалифицированных медицинских кадрах, а выпускников становилось все меньше. Надо было срочно реформировать систему подготовки медиков. Пришлось созывать 1-й Всероссийский съезд по медицинскому образованию (1922 г.).

В работе съезда участвовали профессора В.С. Гулевич, П.А. Минаков и Д.М. Российский. Съезд принял решения о переходе на 6-летнее медицинское образование и об изменении учебных планов, главным образом за счет введения общественных наук, социальной гигиены, психологии. Были определены типы средних медицинских учебных заведений, для медицинских сестер установлен двухгодичный срок обучения [2].

В этот период большую роль в реализации реформ медицинского образования играли предметные комиссии. В их состав входили не только преподаватели, но и представители студенчества. Комиссии решали программно-методические задачи по внедрению новых методов преподавания и проверки знаний студентов, определению рационального соотношения лекций и практических занятий, открытию новых курсов, распределению дисциплин по годам обучения, налаживанию связи клинических дисциплин с практикой здравоохранения [6].

На этом этапе развития российского высшего медицинского образования важнейшим фактором явилось усиление социально-гигиенического направления. В 1921 г. на медицинском факультете организуется кафедра социальной гигиены (заведующий – профессор Н.А. Семашко) и создаются

новые клиники: одонтологическая, инфекционных и профессиональных болезней [4].

Кафедра социальной гигиены быстро выросла и стала крупным научно-педагогическим учреждением. В 1924 году при ней была создана клиника социальных и профессиональных болезней, позднее превратившаяся в самостоятельный Институт профессиональных заболеваний. На базе кафедры в 1925 году был организован Институт социальной гигиены [3].

Следующий этап реорганизации высшего медицинского образования начался в 1924 году, когда практикующие врачи стали все больше внимания уделять профилактике заболеваний. В этих условиях лечебные функции новых врачебных кадров необходимо было дополнять навыками организаторской деятельности. Медицинские факультеты СССР должны были готовить не только врачей, но и организаторов оздоровительных мероприятий и учреждений.

В преподавании клинических дисциплин делались акценты на социальный фактор в этиологии и патогенезе болезней, а также проблемы диспансерного наблюдения, предупредительного лечения и выявления ранних форм заболеваний, развивались методы ранней диагностики, то есть медицинское образование пошло по пути упрощения фундаментального направления. Особое внимание уделялось статистике и географии распространения болезней.

Все это осуществлялось за счет уменьшения самостоятельной практической работы и нагрузки студентов-медиков по предметам, связанным с теоретическими аспектами медицины. Происходило вырождение классического университетского медицинского образования. Крутозор врачей, подготовленных по новым учебным планам, сужался. Однако впоследствии количество работников здравоохранения в СССР начало неуклонно расти.

Список источников и литературы:

1. Большая биографическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/biography_encyclopedia/. – Загл. с экрана.
2. Большая медицинская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://бмэ.орг/index.php/>. – Загл. с экрана.
3. Деятели медицинской науки и здравоохранения – сотрудники и питомцы Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова : биографический словарь [Текст] /сост. и ред.: М.А. Пальцев, А.М. Сточик, С.Н. Затравкин. – М. : Шико, 2008. – 656 с.
4. Летопись Московского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/>. – Загл. с экрана.

5. Мясников, А.Л. Моя жизнь (воспоминания) [Текст] /А.Л. Мясников //Исторический вестник ММА им. И.М. Сеченова. Т. XI. – М.: Шико, 2000. – 160 с.
6. Очерки по истории 1 МОЛГМИ им. И.М. Сеченова [Текст] /отв. ред. В.В. Кованов. – М: МЕДГИЗ, 1959. – 747 с.
7. Чехов А.П. Собрание сочинений в 18 томах (16 книгах) [Текст]/ А.П. Чехов. Т. 17. – М.: Наука, 1982.
8. Эрнандес-Хименес, Е.Н. Исторические очерки о медицинском образовании в Московском университете [Текст] /Е.Н. Эрнандес-Хименес, В.А. Логинов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд -во МГУ, 2010. – 224 с. (К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. 1711–2011).
9. Юбилейный альманах. К 25-летию факультета фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова [Текст] /Логинов В.А., Банзелюк Е.Н., Эрнандес-Хименес Е.Н. [и др.]. – М.: Авторская Академия, 2017. – 176 с.

Приложение 1

Деканы медицинского факультета Московского университета 1917-24 гг.

1. **Николай Афанасьевич Митропольский** (1847—1918) — российский врач-терапевт, заслуженный профессор Московского университета. Сын священника. Окончил медицинский факультет Московского университета. Защитил диссертацию «Введение к систематическому изложению болезней человеческого организма. Классификация болезней» (1882) на степень доктора медицины. Начал службу в Московском университете с 1886 г. ассистентом известного терапевта Г.А. Захарьина в терапевтической клинике; вел занятия со студентами с 1890-х гг. Ординарный профессор кафедры частной патологии и терапии (1909). Заслуженный профессор Московского университета (1912). Декан медицинского факультета Московского университета (1914—1918).

2. **Александр Богданович Фохт** (1848—1930) — российский патолог, терапевт, один из основоположников экспериментальной кардиологии и клинко-экспериментального направления в патологии, заслуженный профессор Московского университета (1898), заслуженный деятель науки РСФСР (1923). Родился в многодетной (6 детей) семье преподавателя немецкого языка и француженки Эмилии Де-Безанкур. По окончании курса на медицинском факультете Московского университета в 1870 г. оставлен ассистентом при кафедре патологической анатомии. В 1873 г., после защиты диссертации на степень доктора медицины по теме «К уче-

нию о перепончатой дисменорее», начал чтение курса патологической анатомии. В 1880 году избран экстраординарным профессором по кафедре общей патологии. В 1912 г. основал и до 1925 года возглавлял Институт экспериментальной патологии при 2-й Градской больнице, на базе которого разместилась кафедра общей патологии медицинского факультета 2-го МГУ. В 1917—1926 годах, одновременно с работой во 2-м МГУ, А.Б. Фохт снова преподавал в 1-м МГУ Декан медицинского факультета Московского университета (1918—1919).

3. **Алексей Васильевич Мартынов** (1868—1934) — российский хирург, заслуженный деятель науки РСФСР (1933), ординарный профессор Московского университета. Родился в дворянской семье; отец — выпускник медицинского факультета Московского университета, доктор медицины. В 1897 году получил степень доктора медицины за диссертацию «Хирургия поджелудочной железы» и с 1898 года состоял в должности приват-доцента Московского университета. С 1910 года — ординарный профессор и директор госпитальной хирургической клиники на Девичьем поле. Учредитель, председатель (с 1925) и почетный член (с 1927) Общества российских хирургов. В 1917—1921 годах также работал в Московском травматологическом институте. Декан медицинского факультета Московского университета (1919—1922).

4. **Иван Константинович Спизарный** (1857—1924) — российский хирург, доктор медицинских наук (1890), профессор (1893), заведующий факультетской хирургической клиникой Московского университета (1906—1924), заслуженный профессор Московского университета (1916). Родился в городе Красном Смоленской губернии в дворянской семье. Отец — чиновник, небогатый землевладелец. Во второй половине 1870-х годов поступил в Императорскую медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. 25 ноября (7 декабря) 1878 года в квартире студента Ивана Спизарного был произведен обыск. При обыске обнаружена запрещенная газета «Начало». Но Спизарный 26 и 27 ноября того же года все равно принял активное участие в студенческих беспорядках, за что был арестован и признан виновным в подстрекательстве, а затем отчислен из академии и выслан на три года в Вятскую губернию, где сдал экзамен на фельдшера и работал. В июле 1880 года Спизарный был освобожден и получил разрешение на перевод в Московский университет. В 1884 году закончил медицинский факультет Московского университета, где остался сначала ординатором, а затем ассистентом при факультетской хирургиче-

ской клинике, возглавляемой Н.В. Склифосовским. В 1890 году Спизарный защитил докторскую диссертацию «К учению о хирургии головного мозга и о процессе заживления ран этого органа». В 1891 году стал приват-доцентом кафедры хирургической патологии, в 1893 году — экстраординарным, а в 1899 году — ординарным профессором той же кафедры. В 1906 году занял должность заведующего факультетской хирургической клиники Московского университета и руководил ею до 1924 года. Декан медицинского факультета Московского университета (1922—1924).

5. Алексей Иванович Абрикосов (1875—1955) — российский врач-патологоанатом, профессор Московского университета. Академик АН СССР (1939 г.), академик АМН СССР (1944 г.). Родился в семье известных московских предпринимателей. В 1898 г. окончил медицинский факультет Московского университета. После окончания университета работал ординатором в Старо-Екатерининской больнице под руководством М.Н. Никифорова, по рекомендации которого был принят помощником прозектора на кафедру патологической анатомии Московского университета (1902). В 1904 защитил докторскую диссертацию «О первых анатомических изменениях в легких при начале легочного туберкулеза». С конца 1911 г. прозектор в Солдатенковской (Боткинской) больнице. С 1918 года заведовал кафедрой патологической анатомии во 2-м МГУ. В 1920 году переведен на ту же должность в 1-й МГУ. В 1920—1930 годах — профессор медицинского факультета Московского университета. Участвовал во вскрытии тел В.И. Ленина (1924), В.П. Ногина (1924), М.В. Фрунзе (1925), В.М. Бехтерева (1927), В.В. Куйбышева (1935). Декан медицинского факультета Московского университета (1924—1930).

Приложение 2

Профессора, упомянутые в статье В.А. Логинова

1. Николай Нилович Бурденко (1876—1946) — российский хирург, организатор здравоохранения, основоположник отечественной нейрохирургии, академик АН СССР (1939), организатор, академик и первый президент АМН СССР (1944—1946). Родился в семье писаря и управляющего имением мелкого помещика. В 1891 поступил в Пензенскую духовную семинарию. Окончив ее, сдал на отличные оценки вступительные экзамены в Петербургскую духовную академию. Однако, в 1897 году вместо

Санкт-Петербурга едет в Томск, где поступает на медицинский факультет Томского университета. В 1899 году был исключен из Томского университета за участие в забастовке студентов. В 1901 г. перевелся в Юрьевский университет (Тарту, Эстония) на четвертый курс медицинского факультета. В 1906 году окончил этот университет с отличием. С 1907 года работал хирургом Пензенской земской больницы. В марте 1909 года защитил диссертацию на тему «Материалы к вопросу о последствиях перевязки *venaе portae*». Возглавил в 1923 г. нейрохирургическое отделение факультетской хирургической клиники Московского университета. Профессор кафедры оперативной хирургии с топографической анатомией и с упражнениями в операциях на трупах, директор института оперативной хирургии и топографической анатомии, директор факультетской хирургической клиники медицинского факультета Московского университета (1923–1930).

2. **Петр Борисович Ганнушкин** (1875–1933) — российский психиатр, профессор Московского университета, создатель психиатрической школы. Родился в деревне Новоселки Пронского уезда Рязанской губернии в многодетной семье земского врача. Закончил медицинский факультет в 1898 г. В 1904 году защитил докторскую диссертацию «Острая паранойя». С того же года приват-доцент кафедры душевных болезней Московского университета, где читал курс «Учение о патологических характерах». В 1911 году П.Б. Ганнушкин ушел из университета в знак протеста. С 1918 года работал профессором кафедры психиатрии Московского университета и директором университетской психиатрической клиники.

3. **Петр Александрович Герцен** (1871–1947) – российский хирург, организатор здравоохранения, создатель крупной хирургической школы, один из основоположников онкологии в России, доктор медицины (Швейцария, 1897; Российская империя, 1909), профессор (1917), заведующий кафедрами оперативной хирургии (1919–1921) и общей хирургии (1921–1930) Московского университета, директор Института для лечения опухолей (1922–1934), член-корреспондент Академии наук СССР (1939), заслуженный деятель науки РСФСР (1934), почетный член Французской академии хирургии. Сын швейцарского физиолога русского происхождения, внук русского публициста, писателя и философа А.И. Герцена. В 1896 году окончил медицинский факультет Лозаннского университета, а в 1897 там же успешно защитил диссертацию на степень доктора медицины «*Les causes de mort après la double vagotomie dans leur rapport avec les conditions de survie*» («О причинах смерти после двусторонней ваготомии в их связи

с условиями выживания») и переехал в Россию. Изучив русский язык, поступил вольнослушателем на V курс медицинского факультета Московского университета. В декабре 1898 года П.А. Герцен получил российский диплом лекаря. В 1909 году защитил вторую докторскую диссертацию «Экспериментальное исследование о действии на почки веществ, возникающих в крови при иммунизации животных почечной тканью или при повреждении одной почки». В 1917–19 гг. профессор кафедры оперативной хирургии. С 1921 г. заведовал кафедрой общей хирургии Высшей медицинской школы, которая в 1922 году была переведена на базу Института для лечения опухолей Наркомздрава СССР (в настоящее время — Московский научно-исследовательский онкологический институт имени П.А. Герцена).

4. **Владимир Сергеевич Гулевич** (1867–1933) — российский биохимик, ординарный профессор и проректор Московского университета, академик АН СССР по Отделению физико-математических наук (1929). Происходил из потомственных дворян. Отец был учителем словесности Рязанской губернской гимназии. С 1877 года семья жила в Москве. Окончил медицинский факультет Московского университета (1890). С февраля 1891 года Гулевич был оставлен сверхштатным лаборантом на кафедре медицинской химии; затем начал готовиться на этой кафедре к профессорскому званию и в апреле 1896 года защитил докторскую диссертацию «О холине и нейрине. Материалы к химическому исследованию мозга». С 1901 года — экстраординарный профессор медицинского факультета Московского университета, с 1904 года — ординарный профессор. В 1906–1908 годах проректор. Исполнял должность ректора Московского университета два месяца в январе-марте 1919 г. Ректорская должность перешла к нему автоматически, согласно установленному положению. Одним из наиболее значительных событий кратковременного ректорства стало открытие при университете курсов довузовской подготовки для рабочих и крестьян, ставших затем основой рабочего факультета Московского университета.

5. **Ипполит Васильевич Давыдовский** (1887–1968) — российский патологоанатом, один из организаторов патолого-анатомической службы в стране. Академик АМН СССР (1944). Родился в городе Данилове Ярославской губернии в семье местного священника, вторым из шести детей. В 1905 году поступил на Медицинский факультет Московского университета. В 1908–09 гг. работал фельдшером без оплаты в ростовской больнице, увлекаясь микроскопией. В 1911 году окончил университет, и некоторое время работал санитарным и земским врачом. Сдав экзамены на доктора

медицины, поступил сверхштатным ассистентом на кафедру патологической анатомии Московского университета к профессору М.Н. Никифорову. В сентябре 1911 года стал прозектором Яузской больницы (в советское время Городская клиническая больница № 23 им. Медсантруд), в которой работал на протяжении полувека. В 1921 году защитил докторскую диссертацию «Патологическая анатомия и патология сыпного тифа». В конце января 1924 года утверждается заведующим отраслью лечебного отдела городского отдела здравоохранения Москвы. Под его руководством организованы вассермановские станции, районные клинические и химико-бактериологические лаборатории, внедрена первая в стране форма прозекторского отчета. По его инициативе с 1925 года в стране во всех лечебных учреждениях была введена обязательная регистрация биопсий, а с 1929 года все удаляемые хирургами материалы подлежат обязательному микроскопическому исследованию; предложил ныне повседневно применяемый принцип сличения клинического и анатомического диагнозов, клинико-анатомические конференции, регистрацию врачебных ошибок.

6. Александр Федорович Иванов (1867—1935) — врач-отоларинголог, основоположник хирургического направления в отечественной отоларингологии, профессор Московского университета, заслуженный деятель науки РСФСР (1934). Происходил из мещан. Окончил физико-математический (1890) и медицинский (1894) факультеты Московского университета. В силу материального положения вынужден был работать врачом железнодорожной больницы на станции Тихорецкой, где собирал материал для диссертации. Вернувшись в Москву (1900), обработал собранный материал и защитил докторскую диссертацию на тему «Лечение малярии метиленовой синькой». Штатный ассистент клиники болезней уха, носа и горла при Московском университете с 1902 года. Приват-доцент (1903), экстраординарный профессор (1914) в Московском университете. С 1911 года — профессор московских Высших женских курсов. С 1915 г. директор отоларингологической клиники им. Ю.И. Базановой Московского университета.

7. Владимир Владимирович Иванов (1873—1931) — российский дерматовенеролог. Окончил Военно-медицинскую академию (ВМА) в 1897 г. и был оставлен ординатором терапевтической клиники. С 1899 г. работал в клинике кожных и венерических болезней. В 1900 г. защитил докторскую диссертацию на тему «К учению о гистологическом строении сифилидов кожи». С 1904 г. приват-доцент ВМА, с 1913 по 1917 г. зав. кафедрой кожных

и венерических болезней Психоневрологического института в Петрограде; с 1917 по 1925 г. зав. кафедрой кожных и венерических болезней медицинского факультета Московского университета. Председатель Всероссийского союза по борьбе с венерическими болезнями (1917), Московского венерологического и дерматологического общества (1919—1928).

8. Петр Андреевич Минаков (1865—1931) — российский врач, судебный медик, доктор медицины, профессор, один из основоположников судебной медицины в России. Родился в селе Дерюгино Дмитриевского уезда Курской губернии в семье крестьян, Андрея Васильевича и Нимфодоры Ивановны. Отец был крепостным фельдшером у князя Голицына и рано умер, детей воспитывала мать. После окончания Московского университета в 1891 году со степенью лекаря с отличием и золотой медалью за сочинение «Elephantiasis в генетическом и терапевтическом отношении» был оставлен при кафедре судебной медицины в должности сверхштатного лаборанта Института судебной медицины. В 1894 году защитил диссертацию «О волосах в судебно-медицинском отношении». С 1901 года — экстраординарный профессор и заведующий кафедрой судебной медицины. С 1909 года проректор Московского университета. В 1911 году ушел из университета в знак протеста. Организовал и возглавил кафедру судебной медицины на Московских высших женских курсах (позже — 2-й МГУ). В 1917 году возвратился на кафедру Московского университета. С 1923 года председатель Антропологического общества при Московском университете.

9. Виктор Петрович Одинцов (1876—1938) — офтальмолог, доктор медицины, профессор Московского университета. Родился в Уфе в семье купца первой гильдии. В 1895 году поступил в Московский университет, из которого в 1897 году за участие в студенческом движении был исключен и сослан в Уфу. В 1901 г. стал студентом медицинского факультета Мюнхенского университета, который окончил в 1904 г. и защитил диссертацию на тему «Васкуляризация сердечного клапана в детском возрасте». В 1907 года был утвержден в должности сверхштатного ординатора при клинике глазных болезней Московского университета. В 1916 году на базе Московского университета защитил вторую докторскую диссертацию «К вопросу о новейших теориях симпатического воспаления глаз». С 1917 г. приват-доцент кафедры глазных болезней Московского университета. В 1918 году избран профессором и директором глазной клиники Московского универ-

ситета, которой заведовал 20 лет. После смерти директора клинике было присвоено его имя.

10. Дмитрий Дмитриевич Плетнев (1871—1941) — российский врач-терапевт, один из основоположников отечественной кардиологии, автор работ по различным проблемам внутренней медицины, клиники инфекционных болезней, курортологии, рентгенологии, биохимии и др. Активно внедрял метод рентгенодиагностики, был сторонником функционального направления в клинической медицине. Родился в селе Бобрик Лебединского уезда Харьковской губернии, в православной семье потомственного дворянина Дмитрия Ивановича. В 1890 году поступил на медицинский факультет Императорского Харьковского университета, где отучился 4 семестра. С сентября 1892 года по прошению был переведен для дальнейшего обучения на медицинский факультет Императорского Московского университета. В ноябре 1906 года защитил диссертацию «Экспериментальные исследования по вопросу о происхождении аритмии» на степень доктора медицины и был избран приват-доцентом Московского университета. В 1911 году в составе группы профессоров уволился из университета в знак протеста. В мае 1917 по рекомендации А.Б. Фохта был избран профессором факультетской терапевтической клиники (Захарьинской). 8 июня 1937 года в газете «Правда» была опубликована статья о Плетневе «Профессор-насилльник, садист», где утверждалось, что он в 1934 году из садистских побуждений кусал свою пациентку за грудь, что привело к ее тяжелой хронической болезни, а затем, не оказав ей необходимой помощи, бросил на произвол судьбы. После этого он был помещен во внутреннюю тюрьму Лубянки и 18 июля приговорен к двум годам лишения свободы условно. В декабре 1937 года Плетнев был вторично арестован по новому делу анти-советского правотроцкистского (бухаринского) блока, обвинялся в убийстве В.В. Куйбышева и М. Горького. Он был подвергнут пыткам, и сознался в причастности к убийству Горького. В 1941 году расстрелян под Орлом. В 1985 году Верховный Суд СССР прекратил уголовное дело Дмитрия Дмитриевича Плетнева и полностью реабилитировал его.

11. Дмитрий Михайлович Российский (1887—1955) — российский терапевт и историк медицины, профессор Московского университета, заслуженный деятель науки РСФСР. Родился в Одессе, в семье полковника. С отличием закончил медицинский (1911) и физико-математический (1920) факультеты Московского университета. С 1912 года сверхштатный ординатор кафедры госпитальной терапевтической клиники, с 1916 г. при-

ват-доцент, а с 1918 г. профессор той же кафедры. Защитил диссертацию доктора медицины на тему «О влиянии экстракта из инфундибулярной части гипофиза на обмен веществ у животных» (1915). Заведующий кафедрой и директор общей клинической амбулатории (1921—1930).

12. Григорий Иванович Россолимо (1860—1928) — российский невропатолог, психоневролог и дефектолог. По происхождению из греков, осевших в Одессе. Дед — моряк с острова Кефалония, спасся при кораблекрушении возле Одессы. В 1884 году окончил медицинский факультет Московского университета. Был однокурсником и другом А.П. Чехова. В 1887 году защитил диссертацию на степень доктора медицины «Экспериментальное исследование по вопросу о путях, проводящих чувствительность и движение в спинном мозгу». С 1890 года заведующий клиникой нервных болезней при клинике внутренних болезней. В 1911 году организовал на собственные средства в съемной квартире Институт детской психологии и неврологии, где безвозмездно работали ученики и друзья. Один из организаторов Общества невропатологов и психиатров (1890) и психологического общества при Московском университете. Основатель и соредактор с 1901 журнала «Невропатология и психиатрия». С 1917 года экстраординарный профессор Московского университета и директор клиники нервных болезней.

13. Николай Александрович Семашко (1874—1949) — советский партийный и государственный деятель, врач, один из организаторов системы здравоохранения в СССР. Академик АМН СССР (1944) и АПН РСФСР (1945). Родился в семье педагога в селе Ливенское Елецкого уезда Орловской губернии (сейчас Задонского района Липецкой области). Мать — в девичестве Мария Валентиновна Плеханова, родная сестра Г.В. Плеханова. В 1901 году окончил медицинский факультет Казанского университета, работал врачом в Орловской и Самарской губернии. С 1904 года был активным членом Нижегородского комитета РСДРП, во время революционных событий 1905 г. стал одним из организаторов забастовки на Сормовском заводе, за что был арестован. С 1918 г. по 1930 г. — народный комиссар здравоохранения РСФСР. В 1921—1949 гг. профессор, заведующий кафедрой социальной гигиены медицинского факультета Московского университета (с 1930 — 1-й Московский медицинский институт).

14. Рихард Михайлович Фронштейн (1882—1949) — известный российский уролог, профессор кафедры урологической клиники медицинского факультета (1923—1930). В 1905 г. окончил медицинский факультет

Московского университета. В 1906 — 1917 гг. ординатор и ассистент урологической клиники Московского университета. В 1916 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Вакциноterapia и вакцинодиагностика гонорейных заболеваний». С 1917 г. приват-доцент госпитальной хирургической клиники. С 1923 г. зав. кафедрой урологии медицинского факультета 1-го МГУ. Одновременно с 1921 г. зав. отделением мужской гонореи и зав. кафедрой гонореи в Государственном венерологическом институте (Центральный научно-исследовательский кожно-венерологический институт). Совместно с С.П. Федоровым основал журнал «Урология» (1922) и в течение 19 лет был его ответственным редактором. Разработал показания к лечению почечно-каменной болезни, внес много ценного в диагностику туберкулеза мочевой системы, в вопросы ранней диагностики опухолей почек. Разработал показания к оперативному лечению гипертрофии предстательной железы, предложил оригинальную операцию туннелизации уретры при огнестрельных ранениях мочеполовых органов.

15. Михаил Николаевич Шатерников (1870—1939) — российский физиолог, один из основоположников отечественной науки о питании. Заслуженный деятель науки РСФСР (1935). Ученик и сотрудник И.М. Сеченова. В 1896 окончил Московский университет. В 1899 защитил диссертацию на тему: «Новый способ определения на человеке количества выдыхаемого воздуха и содержащейся в оном CO_2 ». С 1902 по 1911 год приват-доцент кафедры физиологии Московского университета. В 1903 году возглавил лабораторию физиологии животных естественного отделения физико-математического факультета Высших женских курсов, а с 1906 по 1925 год заведовал кафедрой физиологии медицинского факультета Высших женских курсов (2-й ММИ), одновременно работал на кафедре физиологии Московского университета до 1911 года, когда в знак протеста покинул Московский университет. С 1917 профессор, заведующий кафедрой физиологии медицинского факультета Московского университета.

16. Василий Дмитриевич Шервинский (1850—1941) — российский терапевт и эндокринолог, основоположник советской клинической эндокринологии, заслуженный профессор Московского университета (1905), заслуженный деятель науки РСФСР (1928). Родился в последний день 1849 г. в Томске. Происходил из старинной польско-русской семьи: основатель русской линии рода — обедневший шляхтич Ян Матиас (Иоганн Матвей) Шервинский (XVIII в.) в России занимал должность штаб-лекаря. Окончил медицинский факультет Московского университета в 1873 году. В 1879 г.

защитил докторскую диссертацию на тему «О жировой эмболии». Экстраординарный профессор кафедры патологической анатомии (1884–1894). В 1894 г. был переведен на кафедру частной патологии и терапии внутренних болезней; с 1897 года ординарный профессор кафедры. В 1911 г. в знак протеста покинул Московский университет. В 1919 году возглавил созданную по его инициативе органотерапевтическую лабораторию, а затем, в 1923 году, — созданный на ее базе Институт органотерапевтических препаратов, преобразованный в 1925 году в Институт экспериментальной эндокринологии (ныне Эндокринологический научный центр). Один из учредителей Пироговского общества; на протяжении четверти века занимал должность председателя Московского терапевтического общества (1899–1924). Инициатор создания Центральной медицинской библиотеки (1919).

ЧЕХОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. СЕМЬЯ МАЕВСКИХ

Автором нижеприведенных записей является Наталия Михайловна Бутлерова (Бабицына), внучка офицера Болеслава Игнатьевича Маевского, знакомого А.П. Чехова по Воскресенску, одного, как считается, из возможных прототипов Вершинина в «Трех сестрах». Дети же Маевского, которых Чехов тоже знал по Воскресенску, описаны им в рассказе «Детвора».

Н.М. Бутлерова, дочь той самой девочки Сони «шести лет с кудрявой головкой и цветом лица, который бывает только у очень здоровых детей», после революции попала во Францию, где и живет поныне. (Умерла на 106-м году 16 окт. 2016 г. – *Примеч. М. Кнутовой.*) Ее память сохранила рассказы старших Маевских и собственные воспоминания о судьбе членов семьи Маевских – тех самых детей, что как-то в отсутствие старших, уехавших на крестины, поздним вечером, когда пора было спать, играли в лото. Никто не мог тогда даже предположить, что ждет их всех впереди.

Оригинал данных записей хранится в семейном архиве Маевских у праправнучек Б.И. Маевского: двоюродных сестер Е.А. Лебедевой и М.Н. Кнутовой (Москва). Текст их публикуется с сокращениями мест, которые представляют только генеалогический интерес.

Болеслав Игнатьевич Маевский (1838-1928), сын польского офицера, участника войны с Наполеоном и сражения под Лейпцигом, после войны оставившего Польшу¹⁾, окончил Константиновское артиллерийское училище в Петербурге и перешел в Военную Академию. Несмотря на то, что его младший брат участвовал в польском восстании в 1863 г., был выслан в Сибирь, откуда бежал в Галицию. Болеславу Игнатьевичу предложили остаться на 2 курсе Военной академии при условии, что он перейдет в православие. На что он дал ответ: «Для меня все религии равны, но торговать религией я не буду». И вышел из Академии, продолжая службу в артиллерии²⁾.

Болеслав Игнатьевич женился на Марии Александровне (урожденной Борисоглебской ^{xii} 1850-1924 гг.), у них родилось трое детей: две дочери – Анна и София и сын Алексей. В Калуге, где в то время служил Маевский, 2-го апреля 1878 г. родилась младшая дочь София. Анна была на пять лет ее старше, Алексей родился в 1879 г.

В 1877-78 гг. Болеслав Игнатьевич участвовал в русско-турецкой войне и при взятии Плевны командовал 6-й батареей 3-й Артбригады. (У нас хранится архивная копия Дневника военных действий с мая 1877 г. по октябрь 1878 г. подполковника Маевского Б.И. – *Примеч. М. Кнутовой*)

Тяжелобольная вдова одного из товарищей Болеслава Игнатьевича хотела поручить ему своих троих детей, на что Болеслав Игнатьевич сказал, что у него уже своих трое. «Болеслав Игнатьевич! Неужели Вы можете отказать умирающей?». Маевские после ее смерти взяли детей к себе и дали им образование: девочку поместили в институт, а двух мальчиков в кадетский корпус. Надо заметить, что обучение в корпусе было бесплатным. Болеслав Игнатьевич следил за их учением, а каникулы они проводили у Маевских. Судя по произведениям Чехова, мальчиков звали Василий и Григорий ^{xiii}.

В Воскресенске двенадцатилетняя Аня тяжело заболела. Ее вылечил А.П. Чехов, который часто бывал у Маевских. В благодарность Болеслав Игнатьевич подарил ему портрет Ани, написанный Н.П. Чеховым, который теперь находится в Чеховском музее (на Садово-Кудринской ул. в Москве – *Примеч. М. Кнутовой*).

Выйдя в отставку с чином генерал-майора, Болеслав Игнатьевич Маевский с семьей переехал из Воскресенска в Москву, где был попечителем некоторых благотворительных заведений. Он рассказывал, что как-то при посещении дома умалишенных одна из пациенток, обращаясь к нему, сказала:

– Подойди ко мне, Ваше Превосходительство, похристосуемся.

Болеслав Игнатьевич ответил:

- Теперь не Пасха, да я и католик, не христосуюсь.

- Хорошо, что ты со мной не похристосовался. Я б те нос-то откусила! – засмеялась умалишенная.

В Москве София Болеславовна ³⁾ (мама Наталии Михайловны Бутлеровой, автора этих Воспоминаний – *Примеч. М. Кнутовой*) окончила четвертую женскую гимназию. В 18 лет (90-е гг. 19 века) она отправилась в путешествие по Европе с теткой, княгиней Елизаветой Андреевной Церетели, по сценическому псевдониму Лавровской (оперная певица конца 19 века,

профессор Московской Консерватории, родственница графини Карловой по мужу князю Церетели – *Примеч. М. Кнутовой*).

В начале 1901 г. София Болеславовна вышла замуж за Виктора Алексеевича Петрова и в 1902 г. у них родилась дочь Ирина ⁴). После скорого развода с ним ⁴) она жила в Севастополе. Ее второй муж, морской офицер Михаил Андреевич Бабицын (1882, Санкт-Петербург – 1942 г., Париж – *Примеч. М. Кнутова*) в 1907 году был назначен в комиссию под начальством капитана 2-го ранга Беклемишева для приема в Германии, в г. Киле подводных лодок, предназначенных для морского флота России. В декабре 1907 г. он получил назначение командиром подводной лодки «Карась» и с 1-го октября 1908 г. зачислен в состав Черноморского флота. «Карась» в Севастополь прибыл в конце 1908 г. Приход подводных лодок был для севастопольцев событием, которое ожидали с большим нетерпением. («Подводники приехали!!»).

Михаил Андреевич, познакомившись вскоре с Софией Болеславовной, сделал ей предложение. В январе 1909 г. он был назначен командиром. В 1912 г. Михаил Андреевич переведен в Балтийский флот старшим минным офицером крейсера «Баян». София Болеславовна с детьми Андреем (1910-1987, Париж – *Примеч. М. Кнутовой*) и Наталией (1911-2016, Париж – *Примеч. М. Кнутовой*) поселилась у родителей мужа в Петербурге. Ее старшая сестра Анна Болеславовна с мужем, Александром Фадеевичем Кирей, и детьми Борисом и Глебом жила в Петербурге, где Кирей занимал пост в военном училище. Сестры часто встречались друг с другом, а лето проводили на даче в Финляндии.

Во время I мировой войны, в 1915 году, пока Михаил Андреевич плавал старшим офицером на эскадренном миноносце «Новик», София Болеславовна переселилась с сестрой мужа из Санкт-Петербурга в Ораниенбаум. К ней из Минска приехали ее родители: Болеслав Игнатьевич Маевский и его жена Мария Александровна. Из-за войны они должны были эвакуироваться отсюда в течение 48 часов ⁴).

В Ораниенбауме находился дворец графини Карловой, родственницы жены Маевского Б.И. Во время войны графиня Карлова предоставила свой дворец для раненых офицеров и солдат. Мы, дети, часто гуляли с бонной в этом парке и робко посматривали на раненых военных, которых персонал возил в креслах.

Капитан 2-го ранга Михаил Андреевич Бабицын с марта 1916 года командовал эскадренными миноносцами «Громящий» и затем «Москвитя-

нин», стоянка которых была в Гельсингфорском порту. София Болеславовна с пятью детьми, родителями и сестрой мужа переехала из Ораниенбаума в Гельсингфорс.

В конце 1917 года, после отделения Финляндии от России, в Финляндии начались брожения, которые закончились революцией. Финское правительство обратилось за помощью к немцам для борьбы против красных. Россия вела переговоры с Германией и заключила временное перемирие с 20.12.1917. до 14.01.1918. Флот не имел права продолжать войну, а немцы подходили к Гельсингфорсу. Совет морских офицеров решил перевести корабли русского императорского флота, стоявшие в Гельсингфорском военном порту, в Кронштадт, оставив минимум офицеров на каждом корабле. Произведенный Временным Правительством в капитаны 1-го ранга, Михаил Андреевич был одним из командиров, которые вели корабли в Кронштадт. В Финляндии шла гражданская война, белые финны с помощью немцев победили красных. Немцы стояли в Гельсингфорсе. Финны высылали русских из Гельсингфорса в Россию, где многие погибли.

Благодаря тому, что София Болеславовна ждала ребенка, ей разрешили выехать с детьми и родителями Маевскими в деревню Вихоло. С этих пор жизнь стала трудной и еще осложнялась тем, что в Карелии не было собственной дачи и приходилось часто менять местожительство. Знакомые, охраняющие пустые дома, иногда предлагали нам временно поселиться на свободной даче, чтобы спасти ее от грабежа.

Нужно было устраивать жизнь на новый лад. В Финляндии был голод. Помогали американцы, присылая в Финляндию продукты первой необходимости. Около станции Перкьярви, городок в 12-ти км от Вихоло, открылась гимназия – интернат, куда поступили бесплатно старшие дети Софьи Болеславовны Андрей и Наталия. Туда же постепенно поступали и остальные.

Михаил Андреевич участвовал в Белом Движении в армии генерала Юденича. После окончания гражданской войны ему удалось вернуться в Финляндию к семье. Он работал химиком на заводе, а зимой занимался рубкой деревьев. Дети летом и осенью пасли коз, собирали ягоды – бруснику, чернику и грибы и часть продавали. Бывали дни, когда приходилось довольствоваться похлебкой из лебеды с картошкой.

Мне было лет двенадцать, и я помню, как бабушка и мама ходили грустные и часто плакали, получив известие о расстреле дяди Алеши большевиками, а несколько позже мы узнали о смерти тети Ани (Анны Болес-

лавовны – *Примеч. М. Кнutowой*), которая умерла в 1922 году. Во время революции тетя Аня оставалась с мальчиками в имении Киреев в Черниговской губернии. Бабушка и мама тогда говорили, что за нее особенно волноваться не надо, так как крестьяне ее любили, и она была крестной матерью половины деревни. Дядя Саша, ее муж, участвовал в Белом Движении и был вынужден эвакуироваться в Сербию. Никаких известий об их детях, Борисе и Глебе ⁵⁾, не было, и мы потеряли их из вида.

Алексей Болеславович Маевский, дядя Алеша, подполковник от артиллерии, во время I-й мировой войны был взят в плен немцами. София Болеславовна посылала ему посылки. После освобождения он попал в Польшу, где, выучив польский язык, написал отцу письмо по-польски, чем доставил Болеславу Игнатьевичу большое удовольствие. Во время войны с красными Алексей Болеславович поступил в польскую армию генерала Пилсудского, был взят большевиками и расстрелян под Лидой в 1921-22 году. Известие о его расстреле пришло из Польши от некоего Болеслава. По рассказам Софьи Болеславовны, это был сын повара дедушки. Дедушка когда-то помог ему получить образование, и Болеслав сохранил к нему привязанность и поддерживал с ним переписку.

В старости у Болеслава Игнатьевича начались легкие кровоизлияния в мозг. Эти припадки начинались бредом о сражениях, после чего он терял сознание. Как только начинался бред, бабушка и мама укладывали его в кровать со льдом на голове и с горячими бутылками в ногах.

Жизнь была трудная, и дедушка и бабушка Маевские решили переехать в русский старческий дом в Ауренко в Карелии, куда их поместили бесплатно. Через несколько лет Мария Александровна заболела водянкой, и София Болеславовна поехала к ней. Ее похоронили на кладбище в Красном Селе ⁶⁾ рядом с Екатериной Андреевной (Бабицына, сестра мужа С.Б. – *Примеч. М. Кнutowой*). Болеслав Игнатьевич умер на станции Перкъярви Выборгской губернии в 1928 году. Когда он скончался, София Болеславовна с трудом нашла католического священника – ксендза, чтобы похоронить его по католическому обряду. Положили его вместе с женой.

Н.М. Бутлерова

Примечания

^{xii} Отец Марии Маевской, Александр Борисоглебский, владелец фабрики, однажды поручился за приятеля на 10000 рублей, приятель обанкротился, а Борисоглебский, которому пришлось продать фабрику, совершенно разорился.

^{xiii} В рассказе Чехова «Детвора» кроме Ани, Сони и Алеши, присутствуют персонажи Гриша и Вася (ученик 5-го класса), видимо, и являвшиеся в жизни детьми вдовы товарища Маевского, о котором известно только его имя – Григорий. Возможно, из рассказов Маевского оно было известно и Чехову.

Дополнения к Воспоминаниям Наталии Михайловны Бутлеровой, сделанные М.Н. Кнутовой (26.07.2018)

¹⁾ **Игнасий Людвилович Маевский**, из дворян Австрийского владения, родился в 1791 г. в Галиции (Signiowka). **Отец Болеслава Игнатъевича**, дедушка Софии Болеславовны. Военную службу он начал в 1809 г. по добровольному призыву в Галицийском ополчении бывших Польских Войск Герцогства Варшавского, участвуя в войне с Австрией. Затем продолжил службу против Российских войск в 1812-1813 гг. Был награжден Серебряным Крестом Виртути Милитари (польский Орден воинской доблести), Французским серебряным крестом Почетного Легиона. А от Российского Императора – Орден Святого Станислава 3-й степени, Знаками отличия беспорочного служения за XXV и XXX лет.

Всего Игнасий прослужил более 41 года, в том числе: 21,5 года – в бывших Польских войсках и 19,7 лет – в 3-м Округе Корпуса Жандармов (г. Луков Люблинской губ.) Российской Империи до своей смерти в сентябре 1851 г.

²⁾ **Болеслав Игнатъевич**, как и его братья и сестры Маевские из дворян Люблинской губернии. Старший брат его **Сигизмунд Игнатъевич** также закончил Константиновское Артиллерийское училище. И в отличие от брата Болеслава, участвовал в усмирении Польского мятежа в 1863 г. в Могилев-

ской губернии. Он закончил Военную Академию! Вышел в отставку в чине Генерал-Майора артиллерии в 1895 г., приобрел дом в Риге на Рыцарской улице, в доме 16. Здесь в квартире 9 он жил с женой и двумя прислугами, сдавая остальные комнаты чиновникам (всего 42 человека!). Так записано в Переписи населения Лифляндской губернии за 1897 г. Дом деревянный, 2-х этажный. Сейчас здесь – музыкальная школа. Детей не было. Братья не общались. Когда в РГВИА я нашла пенсионное дело Сигизмунда Игнатьевича Маевского и написала об этом родственникам во Францию (Наталии Михайловне), они были крайне удивлены. Так как Болеслав Игнатьевич, по словам Наталии Михайловны, никогда о нем не вспоминал! А третий брат **Тит-Станислав**, который был сослан в Сибирь за участие в Польском мятеже 1863-1864 гг., затем бежал (выселен?), исчез из поля зрения. Судьба его неизвестна.

Сестра Казимира осталась в Польше в Луцке. Умерла в 20-е гг. XX века.

³⁾ **София Болеславовна Маевская** (1-е замужество – Петрова, 2-е замужество – Бабицына). Родилась в Калуге 2 апреля 1878 г., умерла 18 августа 1965 г. в финском городе Порвоо. Похоронена в г. Хельсинки на Ильинском православном кладбище. Только год ее рождения на могильном кресте указан 1889 г. София Болеславовна даже от своих внуков скрывала свой возраст, не только от мужа Михаила Андреевича Бабицына! Он был моложе ее на 4 года. Сильная женщина! «Когда она входила в комнату, все присутствующие замолкали в почтении к ней» – это воспоминания ее внука Юры Бабицына.

Рядом покоятся ее сын Лев (1914, Санкт-Петербург – 1983, Хельсинки) с женой Елизаветой, их дети (внуки Софии Болеславовны): Левушка (1946-1948 – погиб в раннем детстве: не доглядели старшие – утонул в бочке!), Александр и Кирилл, известные в 80-е годы 20 века в Финляндии эстрадные певцы. Их сценические имена: Sammy (1948-1973 – погиб в автокатастрофе) и Kirka (1950-2007). Kirka дважды участвовал в конкурсе Евровидения от Финляндии, входил в почетную десятку лучших исполнителей. До сих пор его помнят и любят в Финляндии, его поклонники ежегодно отмечают день его рождения 22 сентября. А чуть подальше – сын Алексей Бабицын, (1917-1941), воевавший в Советско-Финскую войну, погибший в разведке.

Всего у Софии Болеславовны и Михаила Андреевича Бабицыных было семь детей. Помимо упомянутых Льва и Алексея, старший сын Андрей (1910, Владивосток – 1987, Париж), старшая дочь Наталья (1911, Санкт-

Петербург – 2016, Париж – автор представленных Воспоминаний). Они родились вне брака, так как развод Софии Болеславовны с 1-м мужем Петровым В.А. был оформлен только в 1911 году.

И младшие Бабицыны: Ольга (1913, Санкт-Петербург – 1989, Чильболтоне, Англия), Мария (1918, Хельсинки – 1994 г., Париж), Михаил (1920, Перкьярви, Финляндия – 1996, Хельсинки).

Трудная жизнь в 20-е годы в Финляндии: голод, безработица и нелюбовь к русским подтолкнули Михаила Андреевича, отца большого семейства, в 1930 году уехать в Париж вместе с дочерью Ольгой на заработки. Годом ранее туда переехали старшие дети Андрей и Наталья. В 1938 году к ним присоединилась дочь Мария. Наталия Михайловна рассказывала мне, как по крохам откладывали небольшие деньги, собирая каждого в далекий путь во Францию, которая стала прибежищем, второй родиной для многих русских. Когда решался вопрос об отъезде в 1938 году кто поедет – Мария или Лев, их мама, София Болеславовна, решила, что поедет девочка – Мария, а мальчики – Лева, Алеша и Миша останутся с ней в Финляндии и поедут через год! Но в следующем 1939 году началась Вторая Мировая война. И уже больше никогда София Болеславовна не увидит своего мужа Михаила Андреевича Бабицына. Он скончался в 1942 году в Париже от менингита. Во Франции он работал в кинематографе, пока не пришли немцы. Тогда же он написал несколько рассказов о своей службе на флоте, его воспоминания о службе в Севастополе. Эти рассказы мне передал внук его и Софии Болеславовны – Лукин Павел Дмитриевич, когда мы с мужем гостили у него в Нормандии в 2011 году. Мы и сейчас с ним переписываемся.

И еще один рассказ **Михаила Андреевича Бабицына «Это было давно»**, переданный Павлом, который, кажется, проливает свет на события, разыгравшиеся в Севастополе в апреле 1908 года. Из Послужного списка М.А. Бабицына, именно, в апреле 1908 г. три подводные лодки разбираются и перевозятся железной дорогой в Севастополь. А портрет незнакомки, Веры Николаевны, который «рисует» в рассказе Михаил Андреевич, это в точности София Болеславовна. В мае 1908 г. муж Софии Болеславовны Виктор Алексеевич Петров, подает в отставку по семейным обстоятельствам, и спешно отправляется из Сибири в Севастополь...

Вот небольшой фрагмент из этого рассказа:

«Много уже унеслось этих лет. Радостные и печальные, разнообразной чередой, проходили они, а память, преломляясь во времени, творила чудо. Уходит куда-то в небытие все серое, скучное, плоское: годы, длинные тягучие

годы тоски, ожидания, мелких будней, сливаются и исчезают, а дни, даже мгновения счастья, радости разрастаются и заполняют всю прошлую жизнь.

Несомненно они существовали, эти серые годы, но где они? Невозможно их отыскать, уничтожила их чародейка память и все старания тщетны.

Иногда хочется их воскресить, сделаешь усилие, задумаешься, а вместо них раздвигается, исчезает глубокий колодец восьмизэтажного дома, куда занесла меня причудливая судьба, шум города превращается в морской прибой, яркое, жгучее, южное солнце заливает и дорожки бульвара и каменные ступени, спускающиеся к морю и купальни и столики ресторана. С глухим шумом набегают волны, поднимают, шевелят на камнях зеленые волосы-водоросли и опять уходят назад. Жарко и пусто, несколько мальчишек, засучив штанишки, ловят между камнями крабов, дежурный лакей что-то возится у столиков, изредка проходит купальщик, да одиноко сидит на скамейке, в полудремоте молодой офицер.

Недели три, как я привел в Севастополь по железной дороге, свою подводную лодку и, кажется, первый раз мне удалось съехать на берег. Когда то, еще мальчиком, я также ловил здесь крабов, между камнями, учился, плавал, бегал по окрестностям, отыскивая пещеры в известняке. Сегодня я опять как мальчишка бродил по окрестностям. Я разыскал все пещеры, обошел все знакомые тропинки, вернувшись в город, зашел, под каким то предлогом, во двор и в сад дома, где мы когда-то жили, весь перемазан в известковой пыли и теперь сидел на скамейке, наслаждаясь покоем и одиночеством.

Как сладки мечты о прошлом, как тянет человека снова пережить пережитое и сколько разочарования бывает у него, когда это, хотя бы отчасти удается.

Иногда можно воссоздать ту же обстановку, но невозможно вернуть те чувства, настроения, которыми жил человек прежде. Лучше, много лучше этого не пробовать, ни в малом, ни в большом. Ничего кроме разочарований не выйдет. А мечта, сладкая мечта воспоминаний убегает испуганная вторжением новых впечатлений...

...Я украдкой наблюдал за ними. В ней мне все нравилось: и стройная фигура, и манера держаться, и небольшая головка, немного откинута назад, точно ее оттягивали пышные волосы, и немного покатые плечи,

но лучшие всего были тонкие брови и глаза, немного опущенные к вискам, густые темные ресницы скрывали их...

...Взмахнули длинные ресницы и наши глаза встретились.

Я покраснел, как пойманный школьник и внимательно занялся своей тарелкой.

Отчего я считал, что у нее темные глаза?

На меня смотрели два василька, и как красиво было это сочетание с темными волосами ресницами и бровями.

... Мы пошли не торопясь. Сильный запах акаций, которыми была обсажена улица, кружил голову.

Теплая южная ночь, и близость Веры Николаевны волновали меня. Как сквозь туман я слышал низкое жужжание Митеньки и редкие ответы Веры Николаевны. Не помню, о чем меня она спрашивала, да и вряд ли и тогда слышал ее вопросы, отвечал невпопад и был страшно собой доволен.

Наконец моя пытка кончилась.

«Ну, вот мы и пришли», – сказала Вера Николаевна. – «Теперь вы знаете, где я живу – заходите».

Хлопнула дверь, и Вера Николаевна скрылась в подъезде.

Я вернулся домой крайне недовольный собой и проведенным вечером и сейчас же лег в кровать, но заснуть не мог. Как глупо по-мальчишески я себя вел! Зачем я все время за ней наблюдал? Что мне от нее было надо? Завтра утром проснусь и все забуду. Но сон упрямо не приходит, блестя в темноте два глаза василька, окаймленные темными ресницами, точно что-то спрашивают. Что тебе нужно? Господи! – да ни чего!

Как просто она себя держала, как остроумно подшучивала над Митенькой, как одним словом умела поставить его на место.

Что со мной? Надо чаще съезжать на берег, я просто засиделся. Вот у Мирского на лодке работы идут не медленнее, а он каждый вечер на берегу.

Глупо! Первое красивое лицо и я не сплю – чуть, что не галлюцинирую.

И снова откуда-то из темноты на меня точно насмешливо глядят чуть прищуренные, голубые глаза.

Я зажег лампу и взял книгу.

Но и чтение не помогало, вернее, я не мог читать, глаза скользили по строчкам, а мысль витала далеко, перебирая слова, движения, восстанавливая картину улицы, обсаженной акациями, залитой лунным

светом, Веры Николаевны, спокойно идущей между нами, Митеньки, балаганящего и вылезającego из кожи, чтобы обратить на себя внимание, и меня, идущего рядом, как во сне, и боящегося случайно задеть Веру Николаевну, дотронуться до нее, отвечающего невпопад...».

В 2012 г. я ездила в Финляндию, встречалась с внуком Софии Болеславовны, Юрой (еще один сын Левы, и тоже певец, оперный! Как и его старшие братья Александр и Кирилл, и сестра Муся – звезда рок-музыки в Финляндии). Он провез меня на автомобиле на Ильинское кладбище Хельсинки, к могилам Софии Болеславовны и братьев. Я высыпала горсть земли, взятой с Рогожского кладбища в Москве, где покоятся Ирина Викторовна Бирючевская (Петрова) – дочь Софии Болеславовны и моя бабушка. Хотя бы так они воссоединились: дочь и мама, расставшиеся в далеком 1908-м году. Бабушка всю жизнь искала возможность, что-то узнать о своей маме. Работала в Инюрколлегии, рискуя расплатиться за связь с иностранцами. Такое было время...

Об этой поездке я написала Наталии Михайловне, и она поделилась со мной своими воспоминаниями:

«Когда в 1961 году, мы (я с мужем и дочерьми) приехали на автомобиле в первый раз в Финляндию, чтобы навестить маму, нас поместили в отдельный домик в Ауренко. Мы с мамой и братьями не виделись с 31-го года. Мама там больше не работала, но продолжала там жить. Ауренко не дал мне впечатления, что это был дом исключительно для пожилых людей знатного происхождения, а просто, для пожилых русских эмигрантов. Но, конечно, большинство было из хороших семей. Мы провели там около месяца, и я смогла повидаться с Мишей, который там жил и работал, и с Левой и его семьей, который жил в Хельсинки. Саше (певец Samtu, сын Левы – Примеч. М. Кнутовой) тогда было около 14 лет, и он провел несколько дней с нами. Помню, как к великому восторгу детей, мы поехали на звериный остров. Маленькому Юре (сын Левы, с которым я встречалась в 2012 г. - Примеч. М. Кнутовой) было тогда 7 лет. Во время зимней войны (Финской 1939-1940 гг. – Примеч. М. Кнутовой) Миша служил на военном корабле и был контужен. В 61-м году он продолжал еще лечиться...».

4) Ирина Викторовна Петрова Наша бабушка. (1-е замужество Бирючевская, 2-е замужество Налетова. Родилась в Москве 4 июля 1902 г. Умерла 8 апреля 1984 г. в Москве). Так как ее отец **Петров Виктор Алексеевич**, полковник-артиллерист, нес службу в Сибири, то на лето в 1907-1908 гг. Ирина

выезжала со своей мамой в Севастополь. После разрыва и отъезда ее матери Софии Болеславовны в конце 1908 года с Бабицыным М.А., Петров Виктор Алексеевич оставил военную службу, забрал дочь и переехал в Минск. Там он восстановился по военной службе с понижением в чине. Туда же в 1909 году переехали из Москвы старики Маевские Болеслав Игнатьевич и Мария Александровна. Они растили внучку Ируню до начала Первой Мировой войны. Развод своей жене Петров Виктор Алексеевич дал только в 1911 году. Видимо, Болеслав Игнатьевич с женой надеялись на другой исход: вместе с внучкой соединиться со своей дочерью и ее новой семьей. Петров В.А. так больше не женился, отдавая все силы и любовь своей «ласточке» – дочери Ируне. Он умер в Москве в день ее рождения 4 июля 1946 года в возрасте 80 лет.

Его 40 писем дочери Ируньке (моей бабушке), хранятся у меня. Первое – датировано 11 февраля 1911 года и написано из Царского Села. В нем он пишет, что виделся с «кирюшками» и тетей Аней. Так любовно он называл сестру своей бывшей жены Софии Болеславовны – Анну Болеславовну (в замужестве Кирей) и ее детишек – Глеба и Бориса. Удивительно, но это встреча с родственниками жены через 3 года после разрыва!

Еще письма с фронта Первой Мировой войны и до 1918 года – до переезда из Калуги в Москву. В Москве они вдвоем жили на служебной квартире Виктора Алексеевича сначала на 1-й Мещанской улице (современный Проспект Мира, недалеко от Сухаревской башни). Потом в 20-е годы на улице Герцена (современная Большая Никитская, в 300 метрах от Кремля).

Виктору Алексеевичу в 1918 году командование Красной Армии предложило возглавить армию и чине генерала, но он отказался, сославшись на ранения, полученные в Русско-Японской и Первой мировой войнах. Да и возраст – 52 года! Петров В.А., артиллерист, офицер-полковник Русской Императорской Армии, награжден Георгием IV степени и Георгиевским оружием. Инспектировал Красную Армию, готовил будущих красных командиров, будучи начальником 1-й Московской Артиллерийской школы Высшего командного состава РККА в Лефортово.

Возможно, Виктор Алексеевич Петров тоже был знаком с Чеховым А.П. Из послужного списка Петрова В.А. известно, что он в 1885 г. был определен на службу в 3-ю Артбригаду, которой командовал Маевский Болеслав Игнатьевич. Тогда же, видимо, он познакомился с семейством Маевских. Сонечке в те годы было всего 7-8 лет! В 40-е годы XX века, по воспомин-

нениям моего дяди Алеши, внука Петрова В.А., к ним приезжал чеховед (фамилия неизвестна!), беседовал с дедом...

⁵⁾ **Борис Александрович Кирей** (1908 – 1940). Директор шахты на Доброполье в Украине. Умер от воспаления легких). Поступил в Киевское военное училище и был отчислен, в связи с его родством с Василием Фадеевичем Кирей (герой Первой Мировой войны), затем поступил в Политехнический ВУЗ. Его потомки живут в России. Я поддерживаю с ними связь.

Глеб Александрович Кирей (1909 – пропал без вести в ноябре 1941 г. под Курском). Окончил Харьковский Железнодорожный Институт, отправился в Красноярск на танковый завод. Женат. Детей не было.

Отец Глеба и Бориса – **Александр Фаддеевич Кирей** эмигрировал в Сербию. После Второй Мировой войны оказался в Германии. Умер в г. Дармштадт в Доме престарелых в 1959 г. С женой и детьми больше не виделся с 20-х гг. Знал ли он об их судьбе – неизвестно. Его правнук Борис Кирей пытается собрать какую-то информацию о нем, о последних годах жизни.

⁶⁾ **Кладбище в Красном Селе** – в 20-е годы XX века это с. Кююрелля – территория Финляндии. В 1944 г. при наступлении советских войск кладбище и церковь были разрушены. Сейчас это Карелия – территория РФ. 40 км по Выборгскому шоссе от Санкт-Петербурга.

С Наталией Михайловной Бутлеровой я познакомилась лично в декабре 2003 года, во время недельной экскурсионной поездки в Париж. Провела целый день с ней и ее дочерьми Верой и Ириной. Ирина возила нас на автомобиле на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Здесь похоронены отец Наталии Михайловны, Бабицын М.А., ее муж Бутлеров Н.Ю., старший брат Андрей, младшая сестра Мария (в замужестве Лукина) и многие русские из первой волны эмиграции...Наталия Михайловна, несмотря на свои 92 года, быстрыми шажками проходила между могил, называя каждого знакомого по именам, что-то при этом добавляя...Наталия Михайловна рассказывала, что они очень боялись навредить Ирине, ее отцу Виктору Алексеевичу, всему семейству своими встречными поисками. Она повторяла слова своих родителей Софии Болеславовны и Михаила Андреевича: «Мы «сидели на чемоданах», надеясь вернуться в Россию! На своих ботинках мы унесли пыль дорог родины...».

Второй раз удалось повидаться с Наталией Михайловной в 2011 году, когда мы с мужем ездили во Францию в 2-недельную поездку. И также

гостеприимно, по-русски (!) принимали нас в доме Бутлеровых в пригороде Парижа. И Наталия Михайловна, перешагнувшая 101 день рождения, живо интересовалась, как мы живем в России.

А теперь и она покоится на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Наталия Михайловна Бутлерова умерла в день Покрова Богородицы 14 октября 2016 года, отметив летом свой 105-летний юбилей! При ясном уме и памяти. Ее младшая дочь Ирина мне рассказала по телефону, как мама сокрушалась, что теряет зрение: «Как же я буду читать и смотреть телевизор! Просто, сидеть как пень! Это ужасно!».

Е.А. Лебедева

ЧЕХОВ И МАЕВСКИЕ. ПОИСКИ МАЕВСКИХ

*Всем, упомянутым в этой скромной
публикации, с благодарностью...*

Автор

Каждый человек хоть раз в жизни задумывался о том, какое происхождение у его фамилии, кем были его предки, чем они занимались, как сложилась их судьба и какую роль в становлении государства сыграла их жизнь. Человек, не знающий истории своего рода, теряет нить времени, проходящую от прадедов до настоящего момента. Череда трагических исторических событий, оказавших серьезное влияние на идеалы и устои страны, привела к тому, что многие не знают имен своих прабабушек и прадедушек.

Первоначальным моим интересом был поиск фактов истории нашей семьи и рода. Так случилось, что моими предками оказались люди, входившие в близкий круг друзей семьи Чеховых в период пребывания их в подмосковном городе Воскресенске (ныне Истра). Об удивительной дружбе моего прапрадедушки с писателем А.П. Чеховым и о том, что он (Чехов) описал детей Маевского в рассказе «Детвора» [11], рассказал мне мой папа, внук Софьи Болеславовны Маевской, Алексей Павлович Налетов, в 1994-м году. А сам Болеслав Игнатьевич Маевский, по мнению некоторых специалистов, стал прообразом Вершинина в пьесе «Три сестры» [9]. Я тут же спросила отца: «А что было дальше? Как сложилась судьба полковника Маевского, его жены, детей? Поддерживали ли отношения Чехов и Маевский после отъезда доктора Чехова из Воскресенска? Встречались ли? Писали ли друг другу письма? Что с ними случилось после революции?». Папа знал только, что его мама, Ирина Викторовна Петрова, первая дочь Софьи Болеславовны, рассказывала о каких-то родственниках за границей (кажется, во Франции или Финляндии), но времена были такие, что

ни о каких попытках найти их не могло быть и речи. И мне стало интересно! Но с чего начать? Найти упоминания в публикациях, сохранившиеся письма, изображения людей – портреты и фотографии?!

С этого и начались мои «раскопки» следов отношений Чехова и Маевского. Заинтересовались этим и члены моей семьи. Многолетние поиски привели нас в город Истру, в музей Чехова на Садово-Кудринской. Потом в архивы исторической библиотеки, литературного музея на проспекте Мира в Москве, затем во Францию и снова в Россию – в Тюмень и Краснодарский край, свели со многими интереснейшими людьми. Благодаря разрешению Чеховской комиссии РАН я смогла ознакомиться с материалами чеховского фонда Российской государственной библиотеки.

Но все по порядку.

В семейном архиве у папы сохранились фотографии Софьи Болеславовны Маевской, Ирины Викторовны Петровой (моей бабушки), но изображений самого полковника Маевского с женой, дочери Ани Маевской и младшего сына Алексея у меня не было.

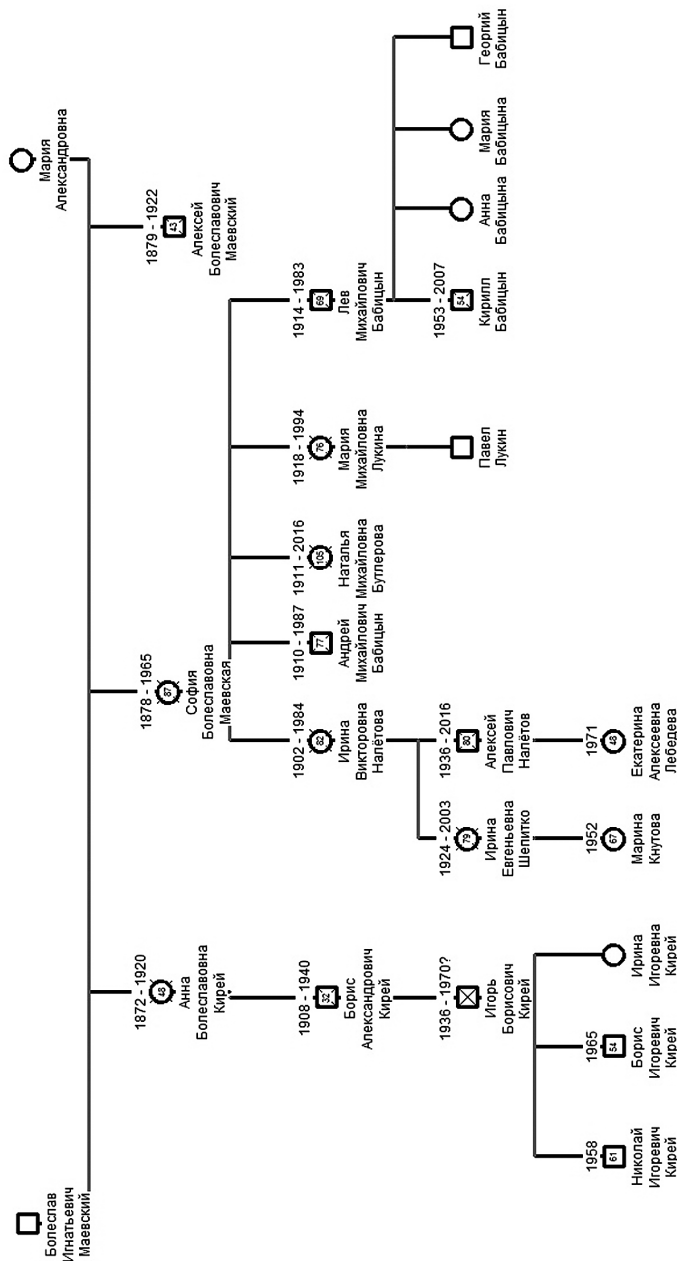
Посоветовавшись с мужем, я решила начать с самого простого – поехать в Истру (бывш. Воскресенск) – город, где все и происходило [10].

20 января 1996 г., находясь под впечатлением от рассказов своего отца, мы поехали в г. Истру, осмотрели Ново-Иерусалимский монастырь, везде надеясь найти хоть какие-нибудь упоминания о дружбе тогда еще студента Чехова и ветерана Русско-турецкой войны полковника Болеслава Маевского, но – ничего не обнаружили и, разочарованные, вернулись домой.

Главное было – не пасть духом после первых неудач! Стали пересматривать все, что было написано о Чехове и его Воскресенском периоде жизни. Как будто не случайно до упоминаемых событий, учась в школе и фарм. училище, я увлеченно собирала именно книги о Чехове. Поэтому и начала поиски с изучения домашней библиотеки. Некоторые из книг были куплены в «букинистах». И вот в одной из них – Е. Балабановича «Из жизни А.П. Чехова. Дом в Кудрине» [1] я нахожу первое для себя опубликованное упоминание о Маевских, и – надо же, какое чудо! – о хранящемся в музее портрете Ани Маевской. У папы были только фотографии Софьи в замужестве!

Итак, надо было найти портрет Ани. В музее А.П. Чехова на Садово-Кудринской – в Доме-Комоде, в гостиной на стене я сразу увидела большой портрет девочки лет 7-8 в старинной раме. Это и был портрет Ани

Генеалогическое древо Маевских (в сокращ.):

Маевской, написанный братом писателя Николаем Павловичем Чеховым. На мою просьбу сделать фотографию с портрета директор музея Галина Федоровна Щеболева попросила взять разрешение в литературном музее на Петровке. Когда я привезла ей разрешение, она вспомнила в разговоре, что в 70-е годы XX века приезжали из Франции двое молодых людей, проявившие особый интерес к портрету Ани, и спрашивали о ее дальнейшей судьбе. К сожалению, оставить координаты они отказались (в годы советской власти на это были политические причины). Галина Федоровна рассказала, что в хранилище негативов во Вспольном переулке есть фотография Болеслава Маевского и любезно посодействовала ее напечатанию. С Галиной Федоровной у нас установились доверительные отношения.

В августе 2000 г. я написала письмо внуку художника В.Д. Поленова Александру Ляпину, проживавшему во Франции с просьбой сообщить любые сведения о судьбе Софьи Маевской. Александр Александрович Ляпин согласился помочь, и через некоторое время прислал номер телефона Елизаветы Александровны Гучковой (урожд. Маевской). Я набралась смелости позвонить ей, она отозвалась на мою просьбу, оказалась очень приятной женщиной, но, к сожалению, не оказалась моей родственницей.

Хотя 19 лет назад на моем столе еще не стоял персональный компьютер с выходом в Интернет, но уже тогда появилась возможность использовать современные технологии! Правда, за ними пришлось ехать в одно из многочисленных тогда в Москве интернет-кафе (на Новослободской).

Просматривая сайты, я нашла сообщение, что поисками русских эмигрантов 1917-1920 гг. занимался в Финляндии некий Тим Лааско. 13 июля 2000 года мы с мужем написали ему электронное письмо, на которое так и не дождались ответа (возможно, подвела электронная почта, и он его не получил).

Но неожиданно мне позвонила Галина Федоровна Щеболева. Она заинтересовалась фотографиями Софьи Маевской из семейного архива моего папы и сказала, что ей было бы интересно увидеть портрет девочки, ставшей прообразом героини рассказа А.П. Чехова «Детвора». Папа предложил отсканировать и подарить музею две фотографии Софьи в замужестве. Эти фотографии нужно было зарегистрировать у хранителя в Музее Серебряного века русской литературы Татьяны Николаевны Шиповой. Так я познакомилась с замечательным человеком, который мне впоследствии не раз помогал в поисках.

Оказалось, в фонде литературного музея на хранении находились фотографии Маевских – Болеслава Игнатьевича и Марии Александровны. Через некоторое время мне позвонила чеховед Алевтина Павловна Кузичева, к.ф.н, старший научный сотрудник Государственного института искусствознания, – ее тоже интересовали Маевские. Она познакомила меня с секретарем Чеховской комиссии Ириной Евгеньевной Гитович, предложившей мне написать статью о Маевских для сборника «Чеховиана».

Несколько ранее мы познакомились с Валерием Викторовичем Кураковым – патриотом и краеведом г. Истры. Договорившись о встрече, мы вместе с ним снова приехали в Новоиерусалимский краеведческий музей и познакомились с сотрудниками, которых он хорошо знал и представил нас друг другу. Одна из научных сотрудников музея Людмила Георгиевна Невзорова, энергичная и решительная, вначале категорично оценила наш любительский энтузиазм словами вроде: «Если вы почти ничего не знаете о Маевских, вы нам не интересны!» (что сильно подхлестнуло меня к дальнейшим поискам). В дальнейшем, она приняла живейшее участие в наших изысканиях, безвозмездно предоставив нам массу ценнейших сведений, в том числе о домике Маевских в г. Истре и свою статью «Полковник Маевский» с разрешением использования имевшихся у нее материалов (в том числе в публикациях) [6].

Оказывается, Сергей Михайлович Чехов, сын Михаила Павловича, передал свои рисунки Новоиерусалимскому музею. Среди них был рисунок домика, достаточно большого, затененного деревьями. Тут же сотрудники сказали, где его искать: площадь Революции – ОВД. Ксерокопия рисунка до сих пор хранится у меня. Это было зимой 2001 г.

Пытаясь написать статью для Чеховианы, в отделе рукописей РГБ я увидела письма своего прапрадеда, адресованные Антону Павловичу [5].

Не были известны сведения о смерти Софьи. Я рассуждала: имея 8 детей, она могла умереть никак не ранее 1916 г. Просмотрела картотеку Некрополей и стала выписывать «требования». Поиски даты смерти Софьи были не лишены «драматизма». Проглядев несколько книг (одновременно можно было заказывать не более 3-5) и, сдав, а затем, опять выписав следующую партию, просмотрев и опять сдав, я уже изрядно устала и, отчаявшись, подошла с очередными «требованиями» к сотруднику. Он опытным взглядом библиографа оценил меня и спросил: «Что ищете?». Я ответила. «Идите к тому шкафу!». Я опять просмотрела несколько книг, но Софья Болесла-

вовна нигде не упоминалась. Наклонившись, на нижней полке увидела книгу «Незабытые могилы, 1917-1997 гг.» т. 1, 1999 г. издания.

Еще подумала: «Просматриваю последнюю книгу и ухожу». Открыла ее на букве «Б» и увидела внизу страницы: «Бабицына (урожд. Маевская) София Болеславовна, умерла 18 августа 1965 г. в Борго (Финляндия)» – газета «Русская мысль» от 24.08.1965 г. Париж, №2351 [7].

Сердце мое сильно-сильно забилося, а дыхание перехватило – нашла!!! Неожиданно! – В Финляндии! Прабабушка умерла не в 10-х и даже не в 30-х годах, а в 1965 г! Ее старшая дочь Ирина могла бы с ней встретиться!

Выписанные Чеховской комиссией документы помогли мне достаточно быстро найти послужные списки Болеслава Игнатьевича [8] и Алексея Маевских, а также первого мужа Софьи Болеславовны – Виктора Алексеевича Петрова. Из этих документов я узнала годы рождения детей Болеслава Игнатьевича, что не указывалось в найденных ранее Списках полковников по старшинству в военном отделе РГБ.

Изучение рукописи Л.Г. Невзоровой вывело меня на упоминавшийся в ней Дневник Б.И. Маевского во время Русско-турецкой кампании 1877-1878 гг [3]. Дневник! Был Дневник! Надо найти! Невзорова предупредила меня, что он находится в сборнике материалов по русско-турецкой войне. В РГБ я его нашла, но копировать оказалось нельзя! Пришлось идти записываться в Историческую библиотеку. С большим трудом с разрешения руководства Дневник перефотографировал муж. Через какое-то время все же, получив разрешение, и я смогла снять копию в РГБ. В тот приезд в г. Истре В.В. Кураков показал нам 4 столба, предположительно от училища, которым заведовал Иван Павлович Чехов. Сотрудники музея подтвердили, что столбы относятся именно к училищу, и по воспоминаниям, рядом стоял домик Маевского, достаточно большой, чтобы в нем можно было принимать гостей. Летом в выставочном корпусе музея открывалась выставка, посвященная А.П. Чехову.

Следующая наша поездка в Истру была в июле 2001 г. с мужем и маленькой дочкой. Папа тогда был занят, и не поехал с нами. Мы нашли дом Маевских – ОВД, колонны. В следующем, 2002 г. на них появится мемориальная доска «Здесь жил великий русский писатель А.П. Чехов. Дом разрушен в декабре 1941 г.». Смотрели выставку, увидели портрет Маевского, который я давала со Вспольного переулка и несколько фотографий внучки Маевских Ирины, которые передал на Выставку папа. Были там еще акварели Старой Истры, на одной из которых, как рассказала Людмила Георгиевна

Невзорова, тоже было изображение дома Маевского (так было написано на обратной стороне акварели). Автор – Чумаков, 1933 г.

В августе 2002 года в Истру поехали я с мужем и дочерью, А.П. Кузичева, И.Е. Питович и моя двоюродная сестра Марина Кнутова. Папа заинтересовал ее рассказами о Маевских. С этого времени Марина тоже стала принимать активное участие в наших поисках.

Моя статья «Старинный приятель» была опубликована в Чеховиане в 2002 г. [4]. Без неопубликованного «Полковника Маевского» Л.Г. Невзоровой ее бы не было...

Мне нужно было найти акварели Истры. В РГАЛИ меня ждал сюрприз: я заказала из фонда С.М. Чехова фото А.Б. Маевской 1880 г. (?) и письма Болеслава Игнатьевича к Ивану Павловичу Чехову. Какие письма, какой слог, какой почерк! Красивый, бисерный. Расшифровывала с лупой, сидела до головной боли. Следующая папка предположительно содержала портрет Ани (?) 1880 г. (?). Но на меня смотрела моя прабабушка Сонечка – девочка 2-3 лет. Даже после, когда я показывала его родственникам, они все в один голос восклицали: «Это же Соня!».

Письма современников Алексея Сергеевича Киселева (владелец Бабкина близ Воскресенска, земский начальник и неперменный член Звенигородского уездного по крестьянским делам присутствия) и Ефграфа Петровича Егорова (офицера батареи) рисовали живого Болеслава Маевского.

В самом начале октября 2003 г. пациент мужа – Александр Николаевич Савельев, который за много лет знакомства стал нам и добрым другом, несмотря на разницу в возрасте, пришел к нему на очередную консультацию перед рабочей командировкой. Оказалось – в Париж. Париж! Ну, конечно же, другого такого случая могло больше не представиться! Муж рассказал Александру Николаевичу о наших поисках и попросил его найти возможность, находясь в Париже, передать материалы о Маевском в Дворянское собрание, на что он любезно согласился.

Вскоре – 6 октября 2003 г. А.Н. Савельев сообщил нам о состоявшемся у него телефонном разговоре с предводителем русского дворянства в Париже князем Сергеем Сергеевичем Оболенским, который без колебаний выразил готовность помочь в поисках Бабицыных-Лукиных, хотя эти фамилии, как он отметил, не были ему знакомы.

После того, как в среду 8 октября Сергею Сергеевичу были переданы экземпляры Чеховианы и письмо, он высказал пожелание созвониться уже к концу недели, с тем, чтобы обсудить первые результаты поисков.

Не могу не привести отрывки из воспоминаний А.Н. Савельева:

«Прибыв в Париж, я решил начать свои поиски с посещения Русского кладбища в Сент-Женевьев-де-Буа, которое с находящейся на его территории церковью Успения Божьей Матери стало со временем одним из центров русской эмиграции в Париже. Вот поэтому именно здесь я и надеялся разыскать хоть какую-то информацию о представителях рода Маевских.

Для посещения Сент-Женевьев-де-Буа я выбрал субботу. Мне казалось, что в выходной день я смогу повстречать здесь гораздо больше посетителей кладбища и прихожан церкви из числа местных русских жителей и повысить тем самым мои шансы на успех.

Однако, прибыв к месту и войдя в ворота кладбища, я понял, что моим надеждам вряд ли суждено сбыться. Кладбище в это время оказалось совершенно пустынным, а дверь в церковь оказалась, увы, закрытой. Моему разочарованию не было предела. В тот момент я и представить себе не мог, что впереди мне уготован неожиданный сюрприз, который сделает мой приезд сюда абсолютно оправданным.

А пока, пользуясь предоставленной мне возможностью, я в полном одиночестве отправился с интересом бродить по ухоженным аллеям кладбища в обрамлении русских берез и постигать историю России по именам погребенных здесь известных русских людей: военных, представителей духовенства, писателей, художников, артистов.

Незаметно подошло время возвращаться в Париж. Не без разочарования направляясь к выходу и обдумывая свои дальнейшие планы, я вдруг увидел, как в ворота кладбища вошла элегантная женщина средних лет, которая двигалась прямо мне навстречу. Поравнявшись, мы одновременно поприветствовали друг друга на русском. Как-то сам собой завязался разговор и я, конечно, не преминул воспользоваться ситуацией и поделиться тем, что привело меня на это кладбище. Внимательно выслушав меня, женщина достала записную книжку и продиктовала мне фамилию и телефон человека, который, как она предположила, мог бы быть мне полезен. Этим человеком оказался Сергей Сергеевич Оболенский. Фамилия показалась мне знакомой, но обо всех высоких титулах С.С. Оболенского я узнал несколько позже.

Обрадованный, я поблагодарил собеседницу за информацию и на этом мы тепло распрощались. К сожалению, случилось так, что в ходе беседы я не узнал ни имени, ни фамилии этой женщины, сыгравшей ключевую роль в моих поисках, о чем сейчас очень жалею.

Выйдя с кладбища, я понял, что поступил очень опрометчиво, не выяснив заранее каким образом можно вернуться из Сент-Женевьев-де-Буа в Париж. Расчет на то, что, в крайнем случае, я смогу взять здесь такси, как я сделал это, направляясь сюда утром из Парижа, не оправдался. Оглядевшись вокруг, я не заметил ни стоянки такси, ни автобусной остановки.

Пока я стоял в размышлениях, ко входу кладбища неожиданно подрулил туристический автобус, из которого выплеснулась многочисленная группа туристов. Услышав русскую речь, я тут же воспрял духом, не без оснований предположив, что соотечественника они здесь одного уж точно не бросят. Так оно в результате и случилось.

Тем временем, туристам была дана команда быстро осмотреть кладбище и не позже, чем через пятнадцать минут, быть готовыми продолжить путь.

Надо отдать должное дисциплинированности всех членов группы – ровно через пятнадцать минут все, включая и меня, заняли место в автобусе.

Кто-то предложил помянуть тех, кто нашел на этом кладбище свой последний приют. Инициатива была активно всеми поддержана. Откуда-то появилась канистра с вином и, наполнив из нее одноразовые стаканчики, мы с каким-то особым чувством исполнили православную традицию.

Вернувшись в Париж, я решил сразу позвонить С.С. Оболенскому. С волнением набрал номер записанного телефона и после нескольких продолжительных гудков услышал в трубке его голос. Выслушав меня, Сергей Сергеевич, надо отдать ему должное, сразу дал согласие на встречу, предложив для этого и место – парижский Собор Александра Невского, предупредив, что его можно найти там по вторникам и четвергам.

До ближайшего вторника оставалось три дня, которые я, несмотря на плотную занятость служебными делами, провел в томительном ожидании.

Имея некоторый отрицательный опыт поездки в Сент-Женевьев-де-Буа, на этот раз я решил более досконально выяснить все о Соборе Александра Невского.

Собирая информацию, буквально, по крупицам (возможности воспользоваться интернетом у меня тогда не было) я выяснил, что в Париже, оказывается, всего два собора. Это известный всем Собор Парижской Богоматери и Собор Александра Невского, который был возведен в 1861 году на пожертвования, сделанные русскими людьми со всех уголков мира. Личный вклад (приблизительно 150 тыс. франков золотом) внес царь Александр II. Не остались в стороне и русские купцы.

И вот наступил долгожданный вторник. Ранним утром я отправился на улицу Дарю, где расположен Собор Александра Невского, в предвкушении очень важной для меня встречи.

Проделав часть пути на метро, я уже вскоре очутился перед Собором, поразившим меня своим великолепием. К сожалению, любоваться им я смог только снаружи – вход внутрь Собора, как и в случае с русской церковью в Сент-Женевьев-де-Буа, был закрыт.

Хорошо изучив все, что связано с историей Собора, я совершенно не учел, а точнее – просто не смог накануне узнать, что режим работы Собора Александра Невского – послеобеденный: с 15 до 17.00. Несмотря на то, что в голову уже начали приходить мысли о крушении моих сегодняшних планов, я все еще сохранял надежду встретиться здесь с С.С. Оболенским.

Окинув взглядом территорию, на которой расположен Собор, я обратил внимание на двухэтажное здание с мансардой. Не оставалось ничего, кроме как поискать удачу там. Подойдя к входу, я увидел на двери домофон, нажав на кнопку которого, вскоре услышал чей-то ответ. Объяснив цели своего визита и делая при этом упор на фамилию С.С. Оболенского, с которым мне назначена встреча, я, судя по всему, убедил незнакомца на другом конце домофона в том, что меня можно впустить в дом.

В дверном замке раздался щелчок, дверь приоткрылась, и я смог войти в небольшой тамбур, который погрузился в кромешную темноту сразу после того, как дверь за моей спиной захлопнулась. К счастью, мое непредвиденное заточение, вызвавшее немало неприятных чувств, продолжалось не так долго. Я опять услышал характерный щелчок дверного замка и, войдя во вторую открывшуюся дверь, очутился в просторном и светлом холле, в котором обнаружил еще несколько дверей. Одна из них приоткрылась, и сквозь узкую дверную щель я разглядел немолодого мужчину невысокого роста с усами. Всем своим настороженным видом он показывал, что не намерен пускать меня внутрь комнаты и готов общаться со мной только через дверь. Даже не знаю – чем же я вызвал у него такую реакцию. Возможно, какой-то предшествующий опыт научил его осторожности при общении в подобной ситуации с незнакомыми людьми.

Наш разговор с ним продолжался недолго. Выяснилось, что С.С. Оболенский по каким-то обстоятельствам не смог присутствовать здесь в этот день. Со вниманием выслушав меня и немного оттаяв по ходу разговора, мужчина принял материалы, которыми снабдили меня в Москве Екатерина и Анатолий Васильевич, и обещал непременно все передать Сергею Сер-

геевичу. Мы вежливо раскланялись, и я покинул территорию Собора, хоть и с сожалением по поводу того, что мне не удалось повстречаться с С.С. Оболенским, но все-таки с чувством исполненного долга».

11 октября 2003 года я звонила С.С. Оболенскому из Москвы в Париж. – Он «хорошо знает русскую колонию и скаутов, но Бабицыных и Лукиных не знает. Постарается узнать». Его жена в рассказах упоминала имя генерала Маевского. Попросил перезвонить ему. 25 октября он написал письмо в организацию русских скаутов. В «Незабытых могилах» я нашла записи об Андрее Михайловиче Бабицыне (брат моей бабушки Ирины по матери). Умер 28.10.1987 г. в Париже. Начальник французского отдела Национальной организации Русских скаутов. Похоронен 06.11.1987 г. на кладбище Сен-Женевьев-Де Буа [7].

31 октября 2003 года пришло первое письмо от Наталии Михайловны Бутлеровой – дочери Софьи Болеславовны Маевской. Также она написала директору Чеховского музея Щеболевой Галине Федоровне. 6 ноября 2003 г. я звонила князю Сергею Сергеевичу Оболенскому – благодарила за помощь.

Позвонила Марина, и в разговоре выяснилось, что она хотела бы съездить отдохнуть в Финляндию или во Францию. «Во Франции родственники!» – напомнила я – «Познакомишься!». Итак, с 21 – 28 декабря 2003 г. Марина едет в Париж и встречается с Натальей Михайловной Бутлеровой, которая передает через Марину отсканированные фотографии Маевских из семейного архива Бутлеровых: Анны, семьи Софьи в Ораниенбауме (дворцово-парковый ансамбль на южном берегу Финского залива в 40 км к западу от Санкт-Петербурга) с Болеславом Игнатьевичем и Марией Александровной, а также свои воспоминания о семье Маевских. В последующем эти воспоминания будут опубликованы в Чеховском вестнике [2].

10 апреля 2006 г. я получаю письмо от Павла Дмитриевича Лукина – племянника Наталии Михайловны Бутлеровой.

В июле 2006 г. я, муж и дочь едем во Францию. Встречаемся с Наталией Михайловной Бутлеровой, ее дочерьми Ириной и Верой и Лукиными – за несколько дней до отъезда я позвонила Наталье Михайловне.

Договорились встретиться после службы в сквере около храма Введения во Храм Пресвятой Богородицы при Русском Студенческом Христианском Движении в Париже. Утром рано встали, ехали на метро, я очень волновалась. Храм был далеко от гостиницы. Вот переулочек – три ступеньки вверх. Служба уже закончилась, и прихожане стали выходить из церкви. Мы вошли внутрь, народу было еще много. На стенах висели портреты выдающихся свя-

щенников и прихожан этого храма. На портретах увидела имена протопресвитера Василия Зеньковского, русского писателя Бориса Зайцева, Никиты Струве, Кирилла Ельчанинова. Между тем мимо нас пролетела пожилая дама в полосатом пиджаке. Мы стали искать Наталию Михайловну (Марина передала несколько фотографий своей поездки). Вдруг к нам подошла та самая дама в пиджаке и спросила – мы ли Лебедевы из Москвы? Представилась – «Наталия Михайловна Бутлерова». На вид ей ну никак нельзя было дать 94 года! – энергичная активная женщина! Через день мы были приглашены в гости к Ирине Бутлеровой и к Наталии Михайловне.

В доме Наталии Михайловны в кабинете на камине стояла фотография Софии Болеславовны – я сразу ее увидела – ту, которую я передавала, и в книжном шкафу стоял портрет Ани. Я не сразу его узнала, так как это была раскрашенная фотография портрета Ани Маевской кисти Николая Павловича Чехова из музея А.П. Чехова в Москве. На мой вопрос – откуда? – она ответила, что ее сестра Ольга с мужем (профессором университета) ездили в Москву и в музее Чехова сделали фотографию.

Мы долго разговаривали. Узнав о нашем приезде, собралась многочисленная семья Бутлеровых и Лукиных. Мы познакомились с Павлом Лукиным, который писал мне. Приехал его брат Петр. Павел рассказал, что давно начал собирать историю семьи. Мы рассказали о попытках Ирины Викторовны в 50-70-е годы узнать что-либо о родственниках за границей и показали всем результаты наших поисков. После этой поездки мы стали переписываться с Павлом Дмитриевичем. Павел в свою очередь поведал нам о финской ветке и «поющих Бабицыных», единственных, кто сохранил родовую фамилию.

У Наталии Михайловны было четверо братьев, трое из них – Лев, Михаил и Алексей вместе с матерью Софией Болеславовной остались в Финляндии в 1939 г. Михаил и Алексей, который молодым погиб на советско-финской войне 1939-40 гг. не оставили потомства, и только у Льва было пятеро детей. Они-то и стали «поющими Бабицыными». Александр, Кирилл, Георгий, Мария и Анна – выступали на финских подмостках как рок-музыканты.

В феврале 1973 г. брат Кирки Александр (Самми) Бабицын трагически погибает в автокатастрофе на пике своей популярности. Самым известным в семье оказывается Кирилл Бабицын – финское сценическое имя Кирка. В 1984 г. он участвует в конкурсе песни Евровидения, где занимает 9 место. В 2007 г. Кирка скоростно умирает в своем доме в Хельсинки.

Так была восстановлена связь с французской веткой Маевских.

Позднее, в августе 2011 г. Марина Кнутова ездила с мужем во Францию. Встречалась там с Лукиными Павлом и Петром. Состоялась еще одна встреча, спустя 8 лет, с Наталией Михайловной Бутлеровой и ее дочерьми Ириной и Верой. Вновь разговоры, воспоминания и поездка на кладбище Сен-Женевьев-де Буа. Почтить память ушедших родных...

А осенью 2012 г. Марина побывала в гостях у Юры Бабицына в Финляндии. Познакомилась с его семьей. Он проводил ее на Русское кладбище в Хельсинки, где нашли свой последний приют София Болеславовна Бабицына (урожд. Маевская), ее сын Алексей и внуки Александр, Левушка и Кирилл Бабицыны.

И финская ветвь Маевских восстановилась на древе...

В 2010 году потомки Анны Болеславовны Маевской и Александра Фадеевича Кирей вышли на Павла Лукина. По их рассказам, Анна Болеславовна умерла (погибла?) в 1920-х годах в имении мужа под Черниговом, оставив сыновей Бориса и Глеба. Их воспитала сестра мужа Елена Фадеевна. Сам Александр Фадеевич Кирей в чине полковника ушел в 1920-м году с Белой армией в Европу. Могила его находится в немецком городе Дорнштадт под Ульмом. Глеб пропал без вести в чине лейтенанта советской армии в ноябре 1941 г. Дети Игоря (сын Бориса Кирей и внук Анны Болеславовны) – Николай и Борис Кирей – живут в настоящее время в России. У них свои семьи, подрастают внуки.

Заключение

Удивительным образом оказались «вплетены» в историю страны судьбы членов семьи Маевских, разбросанных по разным странам Европы, порой оказавшихся «волею судеб» во враждебных «лагерях». Отставной генерал-майор Русской императорской армии Болеслав Маевский, капитан польской армии Алексей Маевский, советский лейтенант Глеб Александрович Кирей...

Поиски наши отнюдь не закончены, но за 20 лет мы узнали много забытых и утерянных фактов о некогда знакомых с семьей А.П. Чехова жителях г. Воскресенска Болеславе и Марии Маевских и их потомках.

Список источников и литературы:

1. Балабанович, Е. Из жизни А.П. Чехова. Дом в Кудрине. [Текст] /Е. Балабанович. – М.: Московский рабочий. – 1986. – С. 49.
2. Бутлерова, Н.М. Воспоминания [Текст] /Н.М. Бутлерова //Чеховский вестник. – М., 2005 г. – С. 108 – 113.
3. Дневник 6 батареи 3 арт. бригады [Текст] //Сборник материалов по Русско-турецкой войне 1877-79 гг. – вып. 90.: Ч. 1. – СПб., 1911. – С. 224-236.
4. Лебедева, Е.А. Старинный приятель [Текст] /Е.А. Лебедева // Чеховиана. «Три сестры». 100 лет. – М.: Наука, 2002. – С. 340-350.
5. Маевский, Б.И. Письмо А.П. Чехову // РГБ. ОР. Ф. 331. П. 51/4.
6. Невзорова, Л.Г. Полковник Маевский (неопубл.; из личного архива).
7. Незабываемые могилы: российское зарубежье: некрологи 1917-1997: в 6 т. [Текст] Т. 1. /сост. В.Н. Чуваков. – М.: Пашков дом, 1999. – С. 162.
8. Послужной список полковника Болеслава Маевского – командира 1-го дивизиона 1 гренадерской гр. Брюса арт. Бригады //РГВИА. П. 1. № 80708, 1900 г.
9. Третьякова, М.Г. К вопросу о творческой истории пьесы «Три сестры» [Текст] / М.Г. Третьякова //Литературный музей А.П. Чехова в Таганроге : сборник статей и материалов. – вып. 3. - Рн/Д, 1963. – С. 157-191.
10. Чехов, М.П. Антон Чехов на каникулах [Текст] /М.П. Чехов // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1952. – С. 50.
11. Чехов, А.П. Ну, публика!: рассказы и юморески /А.П. Чехов. – М.: Олма-пресс, 2000. – С. 175-181.

Е.Н. Фадичева

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ И А.П. ЧЕХОВ

Даже неглубокий анализ творчества этих двух великих русских гениев даст ответ на вопрос: что могло вызвать интерес Чехова к своему предшественнику? Это: их близость в стилевом и языковом характере произведений. Это: краткость слога и простота его безо всяких изысков и витиеватости.

Многие литераторы, особенно сегодня, щеголяют в своих работах набором иностранных слов, современных технических терминов и прочей замысловатостью. Тогда как еще А.С. Пушкин писал: «Как материал словесности язык славянорусский имеет неоспоримое преимущество перед всеми европейскими».

На это и опираются наши классики, в их числе и Лермонтов, и Чехов.

Антон Павлович учился у Лермонтова. Он пишет о повести «Тамань»: «Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял бы рассказ и разобрал бы, как разбирают в школах – по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать» («Воспоминания о Чехове его современников». М., 1960. – С. 463).

Как оказалось, в наследии А.П. Чехова (30-томном издании из 18 томов произведений и 12 томов писем) неоднократно встречаются упоминания о Лермонтове и реминисценции к его сочинениям.

В «Лермонтовской энциклопедии» А.П. Чехову посвящена значительная по объему статья («Чехов»; с. 614-615), показывающая влияние Лермонтова на Чехова. В ней говорится, что Лермонтов близок Чехову не только по языковому слогу, но также «сильным лирическим началом, социальным критицизмом и аналитическим подходом к человеческому характеру».

Чехов, как и Лермонтов, особое внимание уделяет подтексту. Он непосредственно обращается к его творчеству – это либо эпиграф к произведению, либо лермонтовская мысль, либо фраза из его отдельных сочинений

и др. Чехов противопоставляет творчество Лермонтова творчеству современных ему поэтов-модернистов как пример осторожного обращения со словом и значительности содержания.

Руководствуясь этим, было подвергнуто анализу 30-томное издание Чехова на предмет обращения автора собрания к Лермонтову. Используются для этого примечания к каждому тому, и прежде всего к 18-му, позволяющие найти все случаи такого обращения. Были собраны выписки этих обращений, которые затем систематизированы в виде двух рассказов:

- I) Обращение к личности Лермонтова как писателя и как человека;
- II) Ассоциативные извлечения из его произведений.

Анализировались как произведения Антона Павловича, так и его письма, заметки, дневниковые записи и пр.

Безусловно, Чехов был знаком с полным собранием сочинений Лермонтова и перечитывал его произведения неоднократно, какие-то знал наизусть. Как сообщает исследовательница Чехова Н.В. Сапрыкина, в его библиотеке был однотомник поэта за 1891 г. (издатель Н.А. Котляревский).

Характерно признание Чехова в письме Лейкину от 19.04.1886 г. (Т-1 письма): «Сейчас лягу и буду читать Лермонтова».

Далее приводим результат полученного исследования.

Раздел I. Обращение к личности Лермонтова

Материал представлен в порядке номеров томов (вначале произведений Чехова, затем писем).

A) Произведения

Том I.

1) Рассказ «Жены артистов» – юмореска, перевод с португальского, называется Чехов.

Это легенда на русский манер, где гражданин Лиссабона Альфонсо Зиндага – писатель известный самому себе. Он будто бы написал роман «Сомнамбула среди океана». У русского писателя Державина и приехавшего с ним писателя Лермонтова есть роман под таким же названием. Подпись: Антонио Чехонте.

2) «Комические рекламы и объявления» – тоже юмореска.

Публикуется программа вечера в пользу пострадавших от Везувия 29-го февраля.

Пункты в программе: «Для чего скромничать? Пушкин – первый; Лермонтов – второй и т.д.

Чехов написал пародию на содержание и стиль объявлений в московских газетах 1881-82 гг.

Том 3.

1) «Филологические заметки» (о нескольких месяцах).

«Июль – несчастный для писателей и поэтов месяц. Смерть красным карандашом зачеркнула 6-х русских поэтов»: Батюшков, Державин, Татищев, Лермонтов, Мерзляков, Новиков.

2) В рассказе «Драма на охоте» его героиня Оленька имела библиотеку, в которой был 2-ой том Лермонтова.

Том 6. В рассказе «Володя» мать сына (героя рассказа) считает, что он немножко похож на Лермонтова.

Том 8.

1) Рассказ «Учитель словесности».

Для доказательства, что Пушкин был психологом, штабс-капитан Полянский привел 2 стихотворения Лермонтова.

2) Рассказ «В усадьбе».

Его персонаж Рашевич доказывает, что все первоклассные художники, литераторы, композиторы – представители белой кости: Пушкин, Гоголь, Лермонтов и др. Чехов опровергает это.

Том 11.

1) Пьеса «Безотцовщина».

В пьесе происходит спор между студентами Венгеровичем и Платоновым о том, что у евреев (как кто-то сказал) нет поэтов; первый доказывает: «Сколько у нас настоящих поэтов, не Пушкиных, не Лермонтовых, а настоящих! Ауэрбах, Гейне, Гете. Ему возражают, что Гете – немец...

2) Чехов любил водевили, их у него несколько. И в Ялте он признается Бунину: «Вот бы написать такую вещь (Тамань – Е.Ф.), да еще водевиль хороший, так и умереть можно. (С. 384).

Том 13. В драме «Три сестры» Соленый сообщает, что у него характер Лермонтова и он сам похож на него. А доктор Чебутыкин с иронией говорит: «Соленый вообразил, что он Лермонтов и даже стихи пишет».

Том 14. В книге «Остров Сахалин» Антон Павлович пишет: «Это был мой первый сахалинский знакомый, поэт, автор обличительного стихотворения «Сахалино», которое начинается так: Скажи-ка, доктор, ведь недаром...».

Потом часто бывал у меня и гулял со мной...».

Чехов несколько раз упоминает в своей книге, хотя имя не назвал («коллежский регистратор Д»).

Том 16. Статьи. Рецензии. Заметки.

1) В заметке от 8 октября 1883 г. Чехов пишет про артистический кружок в Москве, созданный дядей Вильде; затем без средств существования он был продан с аукциона. Здесь играли даже светила – Правдин и Стружкин. Чехов обращается ко второму (видимо, хорошо был с ним знаком): «Г-н Стружкин, где вы? Все еще стишки пописываете, и все еще из вас до сих пор Лермонтов не вышел?».

2) Ответ на анкету «Отжил ли Некрасов?» (1902 г.)

А.П. Чехов высоко ценил Некрасова и любил его, что отражено в его ответе на анкету (С. 279).

Ему было известно, что на похоронах Некрасова кто-то из толпы крикнул: «Он выше Пушкина и Лермонтова!».

И. Бунин, отвечая на эту анкету, писал, что Некрасов не пошел за своим предшественником, а «создал свою поэзию, свои собственные формы и стилистику...». И Чехов поддерживал Бунина.

Том 17. Записные книжки, Записи на отдельных листах. Дневники.

1) Запись в одной из книжек высказывания Лермонтова: «Мы почти всегда извиняем то, что понимаем».

2) Запись (февраль 1895 г.) о том, что надо выслать переводчику Ф.Ф. Фидлеру (педагог и литератор, немец, большой любитель и знаток русской литературы), подарившему Чехову свой перевод стихотворений Лермонтова. Позднее (в апреле 1896 г.) он послал ему свою книгу с автографом.

Том 18. Записи в альбомах и др. мелочи.

1) Чехов обращает внимание на автозаимствования Пушкина и Лер-

монтова и рассматривает это как переключку отдельных произведений. (С. 204). Этот прием есть и у него самого.

2) Чехов записывает (С. 210) о том, что он подходит к произведению, как к тексту, который соответствует или не соответствует его представлению о художественном совершенстве. Для него образец – «Тамань» Лермонтова. Однажды, по рассказам очевидца, он стал править одну повесть Л.Н. Толстого. На вопрос «Что он делает?», Чехов ответил: «...мне хотелось показать, как я бы ее написал».

3) «Милого Бабкина яркая звездочка»

А.П. Чехов характеризует альбом А.А. Киселевой как «типичный уездной барышни альбом», где есть стихи Пушкина, Лермонтова и др. известных поэтов, рисунки, виньетки и др.

4) «О подписке на журнал «Зритель» на 1882 год»

Антон Павлович фактически исполняет роль редактора в этом журнале какое-то время. К нему обращается некто В.П. Ансеров: «Многоуважаемый г. редактор! Не найдется ли возможным дать место на страницах... журнала «Зритель» следующему моему стихотворению (подражание Лермонтову)? В письме дан адрес, куда прислать гонорар...

Б) Письма

Том 1. О письме Н.А. Лейкину от 19.04.1886 г. сказано выше.

Том 3.

1) В письме В.С. Суворину от 24-25.11.1888 г.

Чехов сообщает о своем новом рассказе в котором... «и о Печорине, и об Онегине, Казбеке...».

2) Из письма П.А. Сергеевко от 06.03.1886 г.

«Надо больше писать, да толкастики не хватает. Лермонтов умер 28 лет, а написал больше, чем оба мы с тобой вместе. Талант познается не только по качеству, но и по количеству им содеянного».

Том 6. Из письма В.С. Суворину от 02.10.1896 г.

«...какой Дучинский писал пьесу? На Сахалине я встретил некоего Дучинского... почтового чиновника, который писал стихи и прозу. Он написал «Сахалино» – пародия на «Бородино»... Это был сахалинский Лермонотов. Не он ли прислал пьесу?».

Том 9. Из письма И.А. Тихомирову от 14.01.1901 г.

В ответ на вопрос актера МХТ, как играть Соленого в «Трех сестрах»? Чехов пишет: «Действительно, Соленый думает, что он похож на Лермонтова; но он, конечно, не похож – смешно даже думать об этом...

Гримироваться он должен Лермонтовым. Сходство с Лермонтовым громадное, но, по мнению одного лишь Соленого». Чехов даже объяснил, как неудачно повел эту роль актер Санин – «Он ухватился за сходство с Лермонтовым... выходило и тяжело, и фальшиво... удалось его уговорить отказаться от этого толкования».

Том 11.

1) Из письма О.Л. Книппер-Чеховой от 01.03.1903 г.

А.П. Чехов получил от театра перечень пьес для репертуара на 1903 г. В этом списке «Маскарад» Лермонтова. Чехов пишет жене: «Ни одной бросающейся в глаза, хотя все хорошие». И добавляет свои предложения.

2) Из письма О.Л. Книппер-Чеховой от 24.03.1903 г.

Чехов в ответ на вопрос жены о персонаже Горского в пьесе И.С. Тургенева «Где тонко, там и рвется» пишет: «...пьеса написана в те времена, когда на лучших писателей было еще заметное влияние на Байрона и Лермонтова с его Печориным; Горский ведь тот же Печорин! Жутковатый и пошловатый, но все же Печорин».

Том 12. Из письма П.А. Севиловой от 07.02.1904 г.

Совет писательнице о ее плане издавать сборник: «...издайте небольшой сборник ценою в 25-40 коп., сборник изречений лучших авторов (Шекспира, Толстого, Пушкина, Лермонтова и пр.) насчет раненых, сострадания к ним, помощи и пр. ...это и интересно, и через 2-3 месяца можно уже иметь книгу...».

Раздел II. Обращения к сочинениям Лермонтова (в алфавите)

Как и в предыдущем разделе, материал представлен в порядке – а) сочинения Чехова; б) письма – под каждым лермонтовским произведением.

1. Стихотворение «Благодарность»

Том 2.

1) Из письма к Леонтьеву-Щеглову от -2.01.1888 г.

«За все, за все благодарю...».

2) Из письма брату Александру от 16.08.1888 г.

«За все, за все благодарю! Письма прочитаны, деньги получены и уже проедены...».

2. Стихотворение «Бородино»

Том 14-15.

О встрече Чехова на Сахалине чиновника Эдуарда Дучинского, написавшего пародию на «Бородино». Об этом же см. выше.

Предполагается, что этот чиновник стал прототипом Соленого в «Трех сестрах».

Том 5.

Из письма Леонтьеву-Щеглову от 09.03.1892 г.

Чехов пишет поповоду учителя Рачинского: «Богатыри, батенька, не мы!»

Том 6.

1) Из письма В.В. Билибину от 18.01.1895 г.

У Чехова: «... когда встречаю ну пути юного юмориста, читаю ему «Бородино» и говорю «Богатыри – не вы».

2) В письме Суворину от 24-25.11.1888 г.

Опять о сахалинском Дучинском, спародировавшем «Бородино» (см. выше).

3. Стихотворение «Воздушный корабль»

Том 3.

Из письма Е.К. Сухаровой, актрисе МХТ, от 13.01.1889 г.

Антон Павлович шутит о своих старых знакомых с помощью строчек Лермонтова:

Одни ему изменили

И продали шпагу свою.

(у Лермонтова – посвящение Наполеону и не «одни», а «иные»).

4. «Выхожу один я на дорогу»

Том 2. Перед рассказом «Трифон» помещен эпиграф: «И не жаль мне прошлого ничуть».

Том 16.

Запись от 05.10.1885 г.

Чехов с присущим ему юмором так иронизирует над газетой «Жизнь», которая не заплатила ему гонорар. «Всякий, кому должна «Жизнь» может петь: «И от «Жизни» ничего не жду я...».

5. «Герой нашего времени» О Бэле

Том 16.

«Дело Рыкова и комп.»

Описан судебный процесс, на котором некто Сазонов выступает очень картинно. «Прежде чем говорить, он закрывает ладонью лоб, облокачивается о пюпитр и задумывается а-ля-Печорин над трупом Бэлы» (с. 213). (Но у Лермонтова – над умирающей Бэлой).

Том 3.

Из письма Суворину от 15.18.1889 г.

«Вчера был у меня П. Чайковский..., хотели писать либретто...».

П.И. Чайковский хотел написать оперу «Бэла» и обратился к Чехову, чтобы он подготовил либретто. Композитор изложил свой план, уже были обозначены роли: Бэла – сопрано; Печорин – баритон; Максим Максимович – тенор; Казбек – бас.

Но дальше этого дело не пошло.

Том 12.

На эту тему письмо к Чайковскому от 14.10.1889 г., в котором Чехов посылает свою фотографию с дарственной надписью – «... от будущего либреттиста».

О Печорине (см. также выше – том 16).

Том 7.

Повесть «Дуэль» Словами фон Корена обвиняется герой повести Лаевский в том, что он ведет распущенный образ жизни. На это тот отвечает, что Онегин, Печорин, Каин, Базаров – «наши отцы по плоти и духу». В этой же повести фон Корген говорит перед дуэлью: «Господа, кто помнит, как описано у Лермонтова?».

Том 16.

Юмореска «Интеллигенты-кабатчики» (письмо в рецензию).

Сообщается, что были устроены выборы председателя и членов учреждений уездных по 8 делам присутствия. Так вот, «Евгений Онегин и Печо-

рин, метившие в члены присутствия, не выбраны как лица, принадлежащие к числу содержателей питейных заведений в уезде».

Том 17.

Записки

«Прежде герои повестей и романов (Печорин и Онегин) были 20 лет, а теперь нельзя брать героя моложе 30-35 лет...» (с. 104).

О Тамани

Том 2 (письма).

Об оценке этой повести упомянуто на стр. 1.

Том 7.

Из письма Полонскому от 13.01.1888 г.

Работая над повестью «Степь», Чехов пишет: «...лермонтовская «Тамань» и Пушкинская «Капитанская дочка» прямо доказывают тесное родство русского стиха с изящной прозой».

6. «Демон»

Том 8.

Рассказ «Рыбья любовь» начинается с новости, что карась из пруда влюбился в одну дачницу. «Что ж тут странного? Влюбился же лермонтовский Демон в Тамару...».

Том 10.

1) Рассказ «У знакомых»

Персонаж Подгорин, находясь в гостях, обращаясь к хозяйке запел: «И будешь ты царицей мира!...».

2) В рассказе «Случай из практики» есть фраза про одиноких людей: «...они мистики и часто видят дьявола, где его нет. А вот Тамара у Лермонтова была тоже одинока и видела дьявола».

Том 12.

В драме «Леший» интеллигентный Федор Иванович прочит тоже героине будущее «царицы мира».

Том 2.

1) Из письма А.С. Киселеву от 10.11.1889 г.

Для убедительности своей просьбы Чехов пишет: «...клянусь я первым днем творенья...»

2) Из письма К.С. Баранцевичу от 12.08.1888 г.

Чехов делится впечатлениями о Военно-грузинской дороге: «... пережил я Военно-грузинскую дорогу. Это не дорога, а поэзия, чудный фантастический рассказ, написанный демоном и посвящается Тамаре...». Далее описано подробно об этой дороге...

«Голова кружится! Это Дарьяльское ущелье, или, выражаясь языком Лермонтова, теснины Дарьяла...».

3) В письме Н.А. Лейкину в этот же день и также о потрясшей Чехова Военно-грузинской дороге, которую он называет «...фантастический рассказ, написанный демоном, который влюблен в Тамару...».

7. «Дума»

Том 7.

В повести «Скучная история» ее герой филолог Михаил Федорович произносит: «Печально я гляжу на наше поколение...».

8. «Есть речи – значенье...»

Том 1.

Из письма Лейкину от 28.01.1886 г. о книге «Пестрые рассказы». О ней критик Худяков написал отзыв, поясняя какие-то тонкости в рассказах. Чехов пишет: «...значение их для меня было темно или ничтожно...».

9. « И скучно, и грустно...»

В письмах Антон Павлович частенько употребляет лермонтовскую строку из этого стиха.

1) Лейкину от 04.06.1887 г. («Скучно и грустно...»).

2) Плещееву от 17.10.1888 г. (...и скучно, и грустно, и серо, и свинцово» – про Москву).

3-4) Суворину от 17.12.1888 г. и от 04.02.1889 г. («Мне скучно и грустно...»)

Том 4.

Суворину от 28.10.1891 г. Чехов пишет, что готовится план постройки школы в Серпуховском уезде, который он посылает и добавляет: «Будет и скучно, и грустно читать».

10. «Маскарад»

Том 16.

Запись о том, что в Москве существовал (всего в 1880-1882 гг.) Пушкинский театр, в котором ставился, как и в МХТ «Маскарад».

Том 11.

О присутствии в репертуаре МХТ «Маскарада» Лермонтова см. выше письмо к Книппер-Чеховой от 01.03.1903 г.

11. «Не верь себе, не верь себе читатель молодой»

Том 3.

«Правила для начинающего писателя»

А.П. Чехов полагает, что нужно писать «раздражив пленную мысль...». У Лермонтова в этом стихотворении также строки: «...иль пленной мысли раздражитель...».

Том 16.

1) В «Заметках» (от 17.03.1984 г.) по поводу потасовки на Театральной площади, которую учинили артисты против полицейского, Чехов объясняет, как «пленной мыслью раздражения...».

2) об этом также в записи от 24.11.1984 г.

12. «Нет, не тебя так пылко я люблю»

Том 11.

В драме «Иванов» Лебедев говорит графу Шабельскому: «Люблю в тебе я прошлые страдания и молодость погибшую мою...».

Том 5.

В письме Лике Мизиновой от 27.03.1892 г.: «Лика, не тебя так пылко я люблю. Люблю в тебе я прошлое страдание и молодость погибшую мою...».

13. «Парус»

Том 12.

Пьеса «Свадьба». Гостя на свадьбе Змеюкина восклицает: «а он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой. Дайте мне бурю!» (У Лермонтова не «ищет», а «просит»).

Том 13.

«Три сестры» (II действие). Соленый, отправляясь на дуэль с Тузенбахом, цитирует «А он, мятежный, ищет бури, как будто в бурях есть покой...».

Том 3.

В письме к Суворину от 18.11.1888 г. Чехов подшучивает над собой по поводу поиска в Париже «бешеной женщины» – «А он, мятежный бури ищет...».

14. «Песня про купца Калашникова»

Том 4.

Из письма Суворину из Нижнего Новгорода от 22.01.1892 г. : «...мужики ядренные, коренные, молодец в молодца. С каждого можно купца Калашникова писать...».

15. «Расстались мы...»

Том 5.

Рассказ «На реке». Во время ледохода заливается белая церковь, и люди на лодке пытаются что-то предпринять, т.к. для тех «храм оставленный – все храм...».

Том 16.

1) В заметке от 30.07.1883 г. Чехов пишет, что Лермонтов говорил «храм оставленный – все храм, т.к. не предусмотрел случаев «превращения его в кабак, иначе он не сказал бы так».

2) Чехов описывает судебный процесс по делу «Рыкова и комп.» Адвокаты Плевако, Муравьев и др. Но после их выступления «кумир поверженный все еще продолжает казаться не богом...» (с. 214).

Том 4.

Из письма Киселевой от 20.07.1891 г.

Чехов пишет, что ловля ерша и сбор грибов наполнены прошлым. «И лут, и душа начинают гробовым голосом петь дует: «Расстались мы – кумир поверженный и храм оставленный вырастают в моем воображении...».

16. «Сон»

Том 9.

Повесть «Три года». Ее персонаж Ярцев говорит : «...все кажется мне, что будто лежу в долине Дагестана и снится мне бал...»

Есть журнальный вариант повести, где он целиком цитирует это стихотворение. И еще дополнение: «на балу сидит одна, молодая, поэтическая, прекрасная, как небо, и думает обо мне...»

Том 17.

Заметка: «Мы все только говорим о любви, но сами мало любим. Как в долине Дагестана».

17. «Сосна»

Том 5.

Из письма Баранцевичу от 26.04.1892 г.

Чехов сообщает: «...купил имение не в Малороссии, как хвастал, а на севере диком» – в Серпуховском уезде, в 2-3 часах езды от Москвы...».

18. «Тамара»

Том 5.

Рассказ «Тина». Его персонаж поручик сообщает брату, что в уезде появилась своя царица Тамара (Сусанна Моисеевна).

Том 2.

Уже упомянуто в письме Баранцевичу от 12.08.1888 г. про Дарьяльское ущелье, которое Лермонтов в стихотворении «Тамара» назвал «теснины Дарьяла».

19. «Толстой» (Эпиграмма)

Том 8.

В рассказе «Учитель словесности» приведено двустишие:

Ох, не даром она, не даром

С отставным гусаром.

Здесь ироническая игра слов: у Лермонтова не даром (слитно), а у Чехова – не даром т.е. с расчетом.

Том 5.

В письме Суворину от 25.11.1892 г. Чехов пишет про свою болезнь, что она послана не даром (слитно) и заканчивает: «Недаром, не даром она с гусаром...» (т. е. заслужил).

20. «Утес»

Том 5.

Рассказ «На пути» открывает эпиграф из Лермонтова

Ночевала тучка золотая

На груди утеса – великана.

Том 2.

В письме Баранцевичу от 12.08.1888 г. Чехов, восхищенный видами Кавказа, пишет про «тучки, ночующие на груди утеса-великана...».

21. Поэма «Хаджи Абрек»

Том 18.

В Париже А.П. Чехов познакомился с А.Ф. Онегиным, создателем Пушкинского музея. По его просьбе оставить автограф в альбоме, Чехов написал целую страницу: вначале поставил дату своего рождения, а ниже – двестише из поэмы.

17.01.1860 г.

Поверь мне – счастье только там,

Где любят нас, где верят нам.

Чехов подчеркнул нижнюю строку.

Посетители запротестовали, что этого мало, и Чехов дописал: «Где нас любят и где нам верят, там скучно». И приписал еще: « Но счастливы мы там, где сами любим и сами верим».

Антон Чехов

10 мая 1889 г.

22. « Я не люблю тебя, страстей...»

Интересное наблюдение Чехова, что 2 стихотворения Лермонтова оканчиваются общей строкой «Так храм оставленный – все храм, кумир поверженный – все Бог!».

Это: «Расстались мы...» (1837 г.)

«Я не люблю тебя, страстей...» (1830 г.)

Поэтому использование указанных строк одного стихотворения фактически можно заменить другим.

Заключение

Итак, в первом приближении проведенный анализ показывает, что в сумме (в произведениях, письмах, заметках, дневниках, записях и т.п.) А.П. Чехов, так или иначе, упомянул либо самого Лермонтова, либо изречения или фрагменты из его сочинений в 80 случаях.

Это говорит, во-первых, о глубоком знании наследия поэта: он обратился к 22 лермонтовским произведениям.

Во-вторых, можно сделать вывод о том, что творчество М.Ю. Лермонтова и его личность оказали достаточно серьезное влияние на А.П. Чехова.

Л.Н. Шаталова

**М.Ю. ЛЕРМОНТОВ В ПОРТРЕТАХ.
АВТОПОРТРЕТ ЛЕРМОНТОВА 1837 ГОДА**

Круг прижизненных изображений, предметов, связанных с человеком, давно ушедшим из жизни, тает, чем дальше от нас по времени этот человек. Как правило, эти предметы и изображения уносит вихрь жизненных и исторических катаклизмов. Тем удивительнее и дороже неожиданное приобретение нового портрета. Так произошло с известным автопортретом М.Ю. Лермонтова, написанным им акварельными красками в 1837 году после возвращения с Кавказа.

Поэт рисовал себя не «по памяти», как рисовал себя А.С. Пушкин, а с натуры, как говорят художники «станково», глядя в зеркало. Большинство профессиональных художников используют этот прием рисования авторского портрета.

Почему ему важно было запечатлеть себя сразу после кавказской ссылки? «Снимая», как тогда говорили современники Лермонтова, свой портрет. Михаил Юрьевич добивался максимальной достоверности. Видимо, ему важно было убедиться самому в произошедших с ним на Кавказе переменах и убедить в этом своих близких и друзей. Лермонтов от природы был одаренным рисовальщиком с цепким, наблюдательным взглядом, к тому же он получил крепкие профессиональные навыки, так как брал уроки (став офицером) у известного тогда в Санкт-Петербурге и модного «учителя живописи» П.Е. Заболотского*.

Нет никакого сомнения, что портрет предельно похож, максимально выразительный образ молодого человека с выразительным взглядом бездонных глаз, прекрасным лбом незаурядного человека. Накинутая на левое плечо черкесская бурка – не декоративный элемент одежды, не экзотический признак побывшего в путешествии по Кавказу светского молодого человека, а знак приобщения к русскому кавказскому воинству, знак мужественных ночевков на земле у походного костра.

Кавказ поразил юношу не только своей природой, так созвучной его романтической натуре, но и духом мужского военного братства, благородного презрения к трудностям военно-бивуачного быта, пониманию и принятию риска. Среди военных было много сосланных и разжалованных в солдаты декабристов. При демократических условиях боевой обстановки к ним (декабристам) их командиры продолжали относиться как к равным себе. Декабристы – осколки той пушкинской интеллектуальной среды – блестяще образованные, мыслящие, производили на юношу Лермонтова, только что написавшего кровью сердца «Смерть поэта», глубокое впечатление.

Пылкий юноша, свое детство и отрочество проводивший под любящей женской рукой бабушки, кузин, теток, воспринял опасный романтизм мужского дела – войны – с восторгом своей поэтической натуры. То, что 25 февраля 1837 года вышел Августейший приказ: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова перевести тем же чином в Нижегородский городской драгунский полк», то есть в действующую армию, М.Ю. Лермонтовым было воспринято не наказанием, а подарком. Он покинул Санкт-Петербург 19 марта 1837 года и вернулся лишь в январе 1838 года. Время, проведенное им на театре военных действий на Кавказе, дало будущему поэту массу образов, а кавказская природа стала постоянной декорацией многих его поэтических, живописных и графических произведений. Снятые на скорую руку зарисовки были доработаны им позже в Санкт-Петербурге маслом, в литографии.

Мужание этой незаурядной натуры происходит стремительно, полнокровно в период жизни поэта на Кавказе. Участие в экспедиции под началом храбрейшего офицера Вельяминова, дало начинающему быть известным поэту массу впечатлений для раздумий и материалов для будущих стихов и прозы. Окончательная редакция «Бородино»^{**} произошла под впечатлением разговоров и встреч с ветеранами войны 1812 года, продолжавших служить армии. Служили солдаты тогда долго – 25 лет. Там же, на Кавказе, по словам А.А. Краевского, в 1837 году была закончена «Песня про купца Калашникова»^{***}. Много известнейших позднее лермонтовских стихотворений первой половины 1837 года принадлежат времени кавказской службы.

Михаил Юрьевич много рисовал. Кавказская природа не выпускала его из своего сладостного плена. Своему другу Святославу Афанасьевичу Раевскому, сосланному, как и Михаил Юрьевич, за те же стихи «На смерть поэта», только за распространение в Петрозаводск он писал: «Я лазил на снеговую

гору (Крестовая) на самый верх, что не совсем легко, оттуда видна половина Грузии, как на блюдечке, и право, я не берусь объяснить или описать этого чувства; для меня горный воздух – бальзам: хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко дышит, ничего не надо в эту минуту».

Свой рисунок с натуры «Вид Крестовой горы из ущелья близ Коби» позже Михаил Юрьевич нарисует на литографском камне, пробуя, как сейчас говорят, «эстампный» прием графического творчества. Техника литографской печати такова, что нарисованный и протравленный кислотой на литографском камне рисунок закатывается валиком с масляной красной (краской) и печатается (оттискивается) на бумаге в зеркальном отображении. До нас дошел только литографический оттиск рисунка Лермонтова Крестовой горы, сделанный на Кавказе. Я по профессии художник-график с дипломом по отделению литографии и хорошо знакома с техниками печати графики, в том числе литографской печати. Рассматривая как-то литографский пейзаж руки Лермонтова «Гора Крестовая», я мысленно прошла путь его руки с карандашом, зарисовавшей кавказский пейзаж. Рисунок Лермонтова отличается легкостью пластической динамики талантливого рисовальщика. Рисунки, что называется, «на одном дыхании» выполнены, не замучены переделками. И, вдруг, я догадалась, – чтобы вернуть это легкое дыхание, первое касание, первородный результат творческой руки нужно вновь, зеркально, перевернуть литографический оттиск!

Когда мне удалось перевернуть оттиск и сделать с него отпечатки, я с волнением взглянула на знакомый пейзаж, уже как бы глазами самого Лермонтова.

Увлеченность творчеством Лермонтова приводила меня к желанию самой рисовать его портреты, поэтому его прижизненные изображения много изучались мной. Я внимательно в них всматривалась, искала новые знаки его необыкновенно короткой, но такой полной творческой судьбы. Вот и портрет конца 1837 года, после поездки на Кавказ, по-моему, самый достоверный портрет его характера с натуры. Сравним с более поздним портретом 1840 года, выполненным маслом, кисти его учителя, известного портретиста того времени, П.Е. Заболотского^{***}. Более спокойно-академический, но и более салонный с принятыми чертами благонаправного молодого человека из общества. Ученик превзошел учителя!

Автопортрет очень живой. Портрет не мальчика, но мужа, бывшего в гуще событий, бывшего на историческом перекрестке лучших людей и событий своего времени. И, так же как и раньше с рисунком «Гора Кре-

стовая», я увидела поэта с затылка, смотрящего в зеркало. Что мы видим, глядя на себя в зеркало? – мы видим себя, но наше правое плечо отражается левым в зеркале, а левое правым. Наша родинка на правой щеке видна слева и т.д. Так и у Лермонтова слева он держит ... в правой руке кисть. Он застыл, изучая себя в зеркало. И я застыла, поняв, что сейчас, перевернув зеркально портрет, посмотрю в глаза поэту как соотечественник в глаза соотечественнику.

Так появился новый портрет М.Ю. Лермонтова.

Примечания

* Заболотский Петр Ефимович (1803-1866) – русский художник, с 1857 г. – академик живописи. Лермонтов познакомился с ним у своих родственников Философовых (кстати, портрет Анны Столыпиной, будущей супруги Философова изображен Лермонтовым на рукописи посвящения драме «Люди и страсти». См. автограф с посвящением. Портреты 1830-1832 г.

** «Бородино» 1837 г. – первое произведение, напечатанное по воле автора и с его ведома в 6 книге «Современника» как отклик на 25-летнюю годовщину Бородинского сражения. Лермонтов создал монументальный образ русского народа-героя войны 1812 года (Максимов).

*** Благодаря хлопотам В.А. Жуковского «Песня...» была опубликована, но без имени автора (подпись «-въ») 1837 г. Литературные прибавления к «Р.Н.» в стихотворениях 1840 г.

**** Автор двух портретов Лермонтова, отличающихся реалистичностью исполнения и вполне достоверных (оба подписаны и датированы художником). Первый – в ментике лейб-гвардейского Гусарского полка – написан в начале 1837 года, до ссылки поэта на Кавказ (картон, масло, ИРЛИ). См. статью: Московский журнал, 7/2003 г. История Государства Российского. Поэт Лермонтов и художник Заболотский. Л. Шаталова и Е. Фадичева.

ПРОТОИРЕЙ РУФ ПОЛЯКОВ

Как правило, у каждого православного человека есть духовный отец (духовник), то есть священник, исповедующий свое духовное чадо и руководящий его духовной жизнью. А есть еще один особый священник (или тот же самый) – тот, который совершил над человеком самое первое таинство – крещение. Такого священника можно назвать одним словом – креститель. Моим крестителем в 1986 году стал известный в Истринском районе протоиерей Руф Поляков – настоятель Троицкого храма в селе Троицкое с 1971 по 1995 год. Как вспоминали современники, это был отзывчивый, скромный, терпеливый и добрый пастырь – истинно православный священнослужитель.

Руф Александрович Поляков родился 21 апреля 1924 года в Екатеринбурге, который спустя несколько месяцев переименовали в Свердловск в честь известного деятеля нового советского государства. Священнослужителей в роду Поляковых не было, но отец Руфа был глубоко верующим человеком. Несмотря на начавшиеся гонения, семья посещала церковь Вознесения Господня, и, учась в обыкновенной советской школе, мальчик впитал религиозность родителей. Окончание школы омрачила начавшаяся Великая Отечественная война.

Получив родительское благословение и желая послужить Отечеству, Руф Поляков добровольцем поступил в Челябинское танковое училище. В 1943 году он окончил полный курс подготовки танкистов и в звании сержанта отправился на фронт. Участвуя в боях, сержант Поляков в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов прошел на танке от берегов Волги до озера Балатон в Венгрии. За голенищем всегда носил крест и уповал на Бога. Сын отца Руфа, протоиерей Сергей Поляков вспоминал: *«У озера Балатон близ Будапешта накануне боя папа нашел на земле вырванные листки из Евангелия от Иоанна на русском языке. Что-то промыслительное*

было в этой находке, он горячо молился. А утром в бою погиб весь экипаж танка, и только отец чудом остался жив, получив тяжелое ранение в ногу, которую после операции в госпитале пришлось ампутировать» [7].

Это случилось в марте 1945 года. У советских войск стояла задача сдерживать контрнаступление мощной немецкой группировки юго-западнее Будапешта между озерами Веленце и Балатон. Там было сосредоточено огромное количество военной техники. По количеству танков немецкие силы имели двукратное превосходство. Плотность противостояния, по воспоминаниям отца Руфа, была такова, что не оставалось места для маневра. В ожесточенном бою танк сержанта Полякова был подбит прямым попаданием вражеского снаряда. Как он смог выбраться из горящего танка, долго не могли понять ни сослуживцы, ни сам Руф. *«Выжил с Божией помощью, – вспоминал отец Руф, – не иначе. В те минуты я молил Господа о спасении, и он услышал меня. А перед боем мне провидение было. Колонна наша остановилась. Я смотрю, прямо перед моим танком куча книг и вырванных страниц валяется. Взял я первые попавшиеся листы, а там – 6 и 7 глава Евангелия Иоанна Богослова, повествующие о нескольких чудесных случаях воскресения из мертвых» [1].*

Тяжелое ранение и потеря ноги вывели молодого сержанта из строя. После госпиталя, чудом выжившего Руфа Полякова, комиссовали. Его грудь к тому времени украшали медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны I степени. Молодой сержант, которому едва исполнился двадцать один год, вернулся домой заслуженным фронтовиком, но инвалидом. Наступившая мирная жизнь заставила молодого человека задуматься о своем дальнейшем поприще. Автор большого биографического материала об отце Руфе Дмитрий Ястржембский писал: *«Необходимость определиться и религиозность мировоззрения привели Руфа Полякова к владыке Товии Остроумову, епископу Свердловскому и Челябинскому – человеку удивительной судьбы и душевных качеств, который еще до революции получил и семинарское, и археологическое образование, а в годы репрессий отсидел шесть лет в лагерях и лишь в 1943 году был выпущен на свободу. Итогом общения с ним явилось архитастырское благословение на поступление в Новодевичий Богословский институт» [12, с. 49].*

В 1946 году фронтовик Руф Александрович Поляков поступил в Богословский институт в Новодевичьем монастыре. Год спустя вновь учредили Московскую духовную семинарию и студенты института в возобновленной

Троице-Сергиевой лавре стали семинаристами. Они, фронтовики, уцелевшие в перевернувших душу ужасах сражений, пришли к вере и поступили учиться в единственное на всю страну духовное учебное заведение. В этом узком кругу, наверное, и не могли не складываться дружбы, продолжавшиеся потом всю жизнь.

«Так, очевидно, – писал Дмитрий Ястржембский, – уже при знакомстве однокашников выяснилось, что с отцом Кириллом, а тогда семинаристом Иваном Дмитриевичем Павловым, отец Руф находился в Венгрии в составе фактически одной и той же армии, в то же время и примерно в тех же местах. Даже обращение обоих сержантов произошло через найденное Евангелие, только Павлову дано было обрести святую книгу еще раньше, среди развалин сталинградских домов – потом, читая, он также всегда держал ее при себе. Должно быть, именно участие отца Кирилла в обороне Сталинграда сделалось главной причиной рождения легенды, что он-то и был защитником знаменитого дома Павлова. Но этот столь важный в тактическом отношении дом освободил и затем, вместе с присланным в подкрепление взводом, отстоял его однофамилец – старший сержант Яков Федотович Павлов» [12, с. 49].

В личном архиве священника Бориса Цепенникова сохранился снимок выпускников Московской духовной семинарии 1950 года. Вместе с Руфом учились такие известные духовники, как отец Кирилл Павлов (духовный отец трех русских патриархов), отец Федор Андриющенко, отец Тихон Агриков, которых ныне называют тремя столпами Троице-Сергиевой лавры. Еще на этом же снимке запечатлены два приходских священника, служение которых связано с Истринским краем: отец Борис Цепенников и отец Руф Поляков. Невозможно себе представить, как решились эти люди в трудные для Церкви времена государственного безбожия выбрать для себя путь служения Богу.

«После ссылок и тюрем, – рассказывал отец Сергей Поляков, – в Троицкую обитель пришли первые насельники – и какие! – гиганты духа и веры. Папа без слез не мог вспоминать имена своих семинарских учителей. Они молитвой, примером и любовью формировали внутренний мир будущих пастырей! Братские молебны ранним утром у раки преподобного Сергия, пение семинарского хора за лаврскими богослужениями, назидания, проповеди братии, исповеди у старцев – все это по крупицам складывал папа в своем сердце и пронес через десятилетия пастырского служения» [7].

В годы обучения семинарист Руф Поляков познакомился со своей будущей супругой, юной прихожанкой лавры Ольгой Медведюк – дочерью священномученика Владимира Медведюка, расстрелянного в декабре 1937 года на Бутовском полигоне. В апреле 1950 года молодые люди обвенчались. Матушка Варвара Дмитриевна Медведюк поначалу была горячо против этого брака – разумеется беспокоясь за дочь, так как вполне испытала на себе, каким крестом в советское время мог обернуться брак со священником. Девушка, однако, осталась тверда в своем намерении. В июне того же 1950 года Руф Поляков успешно окончил семинарию и с молодой супругой вернулся на Урал – традиция возвращаться в ту епархию, из которой семинарист был направлен на обучение, соблюдалась в церкви очень давно.

Несмотря на огромные расстояния, которые разделили друзей-семинаристов по окончании учебного заведения, отец Руф не прерывал с ними духовное общение всю свою жизнь. *«Так, отец Тихон Азриков держал венцы во время венчания Руфа и Ольги, – писала в своей статье Елизавета Зимина, – крестил их среднего сына. А однокашник архимандрит Кирилл Павлов, известный старец и духовник Троице-Сергиевой лавры, на протяжении многих десятилетий оставался духовным отцом батюшки Руфа»* [3].

В июле 1950 года Руф Александрович Поляков был рукоположен в сан иерея преосвященным Товией, епископом Свердловским и Ирбитским. Первым местом служения священника стала церковь Архистратига Михаила в городе Кушва Свердловской области. Это был единственный в городе храм, переживший годы богоборчества и при советской власти не закрывавшийся. *«Батюшка с матушкой, – писал Дмитрий Ястржембский, – начали самостоятельную семейную и приходскую жизнь. Отец Руф служил, матушка Ольга помогала на приходе. Здесь родились их старшие сын и дочь – ныне протоиерей Сергей, настоятель церкви Живоначальной Троицы в Воронцове, и матушка Анна, супруга протоиерея Александра Дасаева, настоятеля храма Воскресения Христова в Сокольниках»* [12, с. 50].

«Мама, – отвечал на вопрос о ней отец Сергей Поляков, – была заботливой матерью, любящей женой, человеком глубоко церковным, и она, естественно, с детства впитала все то, что давал ей ее отец – присутствовала на богослужениях, пела, читала... Она не получила никакого систематического образования. В ее ситуации это было невозможно, нереально. Но мама – очень начитанная, очень глубокая христианка»

[12, с. 50]. Становится понятно, что на Урале материнское сердце не покидало беспокойство за младенцев. В семье встал вопрос о возвращении в родные для Ольги Владимировны края. Молодой семье пошли навстречу, и прошение о переводе отца Руфа Полякова в Московскую епархию было удовлетворено.

В марте 1953 году скончался священник Покровской церкви села Покровское-Рубцово, переименованного советской властью в поселок Пионерский, отец Михаил Радугин. Священствовал он, как значится на его надгробии за алтарем, тридцать лет, из которых около двадцати на своем последнем месте. Покровская церковь не закрывалась даже в самые страшные годы гонений и войны, даже во время военных действий и двухнедельной немецкой оккупации. Среди всех опасностей батюшка не прекращал служб, в холод или распутицу ходил с требами к больным и умирающим. На весь Истринский район действующими оставались только этот храм и Троицкий в селе Троицкое, так что часто отцу Михаилу случалось ходить довольно далеко.

Окрестности города Истры до сих пор хранят следы упорных и кровопролитных боев 1941 года. Чуть ли не в каждом населенном пункте есть своя братская могила советских воинов. Однако едва ли найдется в Подмоскovie еще одно такое место, чтобы там, как и в Покровском-Рубцове, братская могила находилась на церковном кладбище, в ограде храма, рядом с могилами служивших в нем священников. И появилась она, кстати, в эпоху советской власти. Инициатива создания мемориала принадлежала новому настоятелю Покровского храма – отцу Руфу. И как участник сражений, и как священник он не мог остаться равнодушным: считал своим долгом объединить односельчан, чтобы достойно почтить память тех, кто погиб за свое Отечество. К голосу батюшки-фронтовика прислушались – подключились и председатель сельсовета, и жители поселка Пионерский.

В 1958 году семья Поляковых снова уехала на Урал, в Верхотурье – возоблада ла тяга отца Руфа в родную Сибирь. В городе действовал единственный кладбищенский храм во имя Архангела Михаила, где и начал служить Руф Поляков. Мечте обосноваться на родине помешала болезнь старшего сына. У Сергея настолько упало содержание гемоглобина в крови, что не помогли даже переливания крови в московской Филатовской больнице. Тогда еще не знали о тщательно скрывавшейся страшной аварии – взрыве ядерных отходов в Озерске (Челябинске-40), произошедшем 29 сентября 1957 года. После очередного переливания крови мальчик пошел на поправку,

но нуждался в дальнейшем наблюдении врачей и присутствии матери. В апреле 1959 года отец Руф принял решение вернуться в Подмоскowie. В Центральном государственном архиве Московской области сохранилось прошение члена партии и бывшего оперативника Кармалеева в адрес уполномоченного по делам РПЦ при Совете министров СССР по Московской области о недопустимости возвращения отца Руфа назад: *«Считаю, что Полякову, как выходящу из торговой семьи, отец которого был судим по статье 58 УК и отбывал срок наказания, ... не место такому человеку жить и быть прописанным в столичной области»* [2].

Жалобу пенсионера не приняли, отцу Руфу удалось вернуться в Подмоскowie, где его назначили вторым священником в Никольский храм села Малышево Люберецкого района. *«Отец Руф, – продолжал свой рассказ Дмитрий Ястржембский, – священствовал в Малышеве четыре года. Его старишие дети успели закончить здесь начальную школу, а сам он примерно в 1962 году был возведен в сан протоиерея. Однако тогда же его коснулись и хрущевские гонения. В 1961 году на XXII съезде партии одной из важнейших идеологических задач была названа борьба с религией. В сельской местности общины душились налогами, а уполномоченные чиновники после снятия священников с регистрации отказывались регистрировать тех, кто назначался на их место. Казалось бы, ну что такое несколько месяцев перерыва в служении (именно так хрущевские меры отразились на биографии отца Руфа)? Но ведь, кроме тревоги неизвестности и забот о хлебе насущном, с новой силой оживали воспоминания о страшных событиях 1930-х годов»* [11, с. 61].

В 1964 году Хрущев был снят со всех постов, а протоиерей Руф Поляков назначен настоятелем церкви Рождества Богородицы в бывшем имении Никольское-Трубецкое (ныне город Балашиха). Семья Поляковых, тем не менее, продолжала жить в поселке Пионерском. Неся служение на другой стороне Москвы, отец Руф был дружен с настоятелями храмов под Истрой. В то время в Троицком храме села Троицкое служил довольно пожилой батюшка отец Михаил. *«Из Москвы, – писал Дмитрий Ястржембский – он ездил в свою церковь до Манихина, откуда ходил пешком, что было ему уже не очень легко. Человек тихий, не напористый, да и не имевший нужных связей, отец Михаил не рассчитывал на успех своих ходатайств, но посетовал на ситуацию отцу Руфу, с которым находился в хороших дружеских отношениях. Энергичный Руф Александрович, вдохновившись идеей открытия новой станции у села с Троицким храмом, употребил*

для ее реализации весь свой авторитет заслуженного ветерана войны, с которым считались даже в партийных и властных структурах района» [11, с. 62]. Благодаря усилиям отца Руфа между Манихино и Истрой в 1968 году была устроена платформа Троицкая. Прихожанам сподручнее стало добираться до храма, спрятанного в лесном массиве. А в 1971 году настоятелем Троицкого храма в селе Троицкое был назначен сам протоиерей Руф Поляков.

В послевоенные советские годы, как и сейчас, Троицкий приход окормлялся одним священником, службы совершались по субботам, воскресеньям и праздникам, но, начиная с 1970-х годов, Троицкая церковь неожиданно стала выполнять в первую очередь роль крестильного храма. Это объяснялось ее географическим положением и ситуацией в стране в целом. Многие москвичи и жители Подмосковья стали интуитивно все более ощущать необходимость креститься и крестить своих детей, а в Троицком контроль над крещениями, осуществлявшийся атеистической властью, был сравнительно слабым. Опасавшиеся неприятностей по партийной и служебной линии старались этим воспользоваться.

Старший сын отца Руфа вспоминал: *«Поскольку вокруг Троицкого располагались санатории, дома отдыха, пионерские лагеря, люди приходили буквально валом. И папа за субботу, за воскресенье крестил до двухсот человек. Причем многие прихожане даже не знали, что у него протез, он даже не хромал»* [11, с. 67]. Это немыслимые цифры и в нынешнее время. Вряд ли какой молодой священник сейчас дерзнет один окрестить такую массу людей. А как ухожен всегда был Троицкий храм! Многим он таким и запомнился – красивые голубые купола, обновлявшиеся каждые два-три года, блестящая кровля. Это при том, что безбожная власть всячески запрещала производить ремонт церквей.

Харизма батюшки в сочетании с недостаточной информированностью большинства местных жителей и прихожан церкви относительно деталей его биографии порождала легенды. По одной из них бывший танкист превратился в летчика, будто бы сбитого в 1941 году прямо над этим селом. Падение его чудом смягчили, якобы, большие ели, растущие возле храма. Соскользя на землю по их хвое, летчик не погиб, но повредил ногу и остался хромым. Спустя какое-то время он стал старостой, а затем и священником, настоятелем Троицкой церкви. Эта история не совсем вымышленная, с ней удалось разобраться как раз Дмитрию Ястржембскому в своей статье, опубликованной в 2013 году в журнале «Подмосковный летописец»:

«Особую занимательность этому фольклору придает смешение в одном мифе двух отчасти совпадающих биографий. Вторым, помимо отца Руфа, чрезвычайно известным хромцом Троицкого, тоже с героическим прошлым, тоже воевавшим, тоже получившим духовное образование и активно как прихожанин участвовавшим в делах Троицкой церкви был Иван Николаевич Виноградов. По сути, он-то и был тем упавшим недалеко от храмов летчиком» [11, с. 68].

Иван Виноградов – сын священника, окончил Звенигородское духовное училище и Вифанскую духовную семинарию, затем обучался в авиационной школе и в годы Первой мировой войны за многочисленные воздушные разведки получил шесть боевых наград. В 1918 году за заслуги Ивана Николаевича наградили дачным участком в селе Троицкое, а спустя несколько лет, летом 1924 года, испытывая самолет собственной конструкции, Иван Николаевич долетел на нем из Москвы до Манихина и рухнул в лесу. По воспоминаниям дочери, падая, он молился и, конечно, то, что испытатель остался жив, было настоящим чудом. Сложная операция в Боткинской больнице спасла Виноградова от ампутации ноги, но она с тех пор не сгибалась в колене. Иван Николаевич на долгие годы стал одним из самых неравнодушных и деятельных прихожан Троицкой церкви – периодически, формально и неформально выполнял обязанности старосты.

Совершение треб, попечение о страждущих и больных были нормой приходских забот отца Руфа Полякова. Весь Истринский район прошел он стопами апостолов, окормляя чающих утешения. *«Столько всего пришлось пережить, – вспоминала матушка Ольга Полякова. – И гонения, и голод. К нашим церквям были прикреплены старосты, работавшие на власть. Если настоятель совершал какую-нибудь потребу, почти все деньги сразу отбирались. Из 80 рублей, которые батюшка получал за отпевание, староста оставляла только 10. А порой случалось, что платили из своего кармана» [3].*

Долгие годы семья священника жила впроголодь, с пятью ребятишками на руках. Но это только прибавляло уважения и любви к ним жителей Истринского района. К отцу Руфу беспрестанно приходили за советом и напутственным словом. Скромный, нестяжательный, стойкий в вере, он был примером молодому поколению духовенства. А с каким терпением, молитвой на устах и смирением он переносил посланные ему болезни и страдания на протяжении последних девяти лет! В Великий пост 1992 года ему стало тяжело творить коленопреклоненные молитвы, в помощь

ему был назначен священник Геннадий Сандаков, которому отец Руф вскоре и передал настоятельство, уйдя за штат. Тем не менее, пока позволяли силы, он продолжал по большим праздникам, особенно в Троицын день, участвовать в богослужениях.

Главному редактору газеты «Русь Державная» Андрею Николаевичу Печерскому, по его собственному сообщению, в 1990-х годах *«посчастливилось отвезти отца Руфа на встречу с его однокашником по семинарии архимандритом Кириллом Павловым»* [5, с. 3]. Встреча двух друзей и выдающихся пастырей, вероятно, была одной из последних, а может, и последней. Спустя некоторое время полученное на войне увечье и прочие недуги приковали всеми любимого батюшку Руфа к постели. В октябре 2010 года его посетил настоятель Покровского храма в Братцеве, священник-художник Михаил Малеев, который создал при своем храме уникальный Музей подвижников веры и благочестия. После встречи к украшающим музей портретам священников-фронтовиков добавился и портрет отца Руфа.

После продолжительной болезни, 7 ноября 2012 года, на 89 году жизни, заштатный клирик Московской епархии протоиерей Руф Поляков, прослуживший 24 года в Троицком храме села Троицкое, отошел ко Господу у себя дома в Покровском-Рубцове. Господь даровал ему мирную, тихую кончину среди его близких, горячо молившихся о его душе. За время своего служения протоиерей Руф был удостоен многих церковных наград, вплоть до права ношения митры. Он пользовался особой любовью и уважением среди прихожан, так как все свои жизненные силы он отдавал Церкви, стараясь в тот очень непростой период времени служить Богу и людям.

Отпевание почившего в Покровском храме села Покровское-Рубцове, по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, совершил благочинный церковей Истринского округа протоиерей Дмитрий Подорванов в сослужении клириков благочиния и родственников отца Руфа в священном сане. Похоронен был новопреставленный священнослужитель за алтарем Покровского храма, с которого началось его служение в Подмоскovie, между храмом и своим домом, где он прожил большую часть жизни. Его могила находится в ряду могил других настоятелей этой церкви и невдалеке от захоронения вдовы священномученика Владимира Медведюка, матушки Варвары. С уходом Протоиерея Руфа Полякова и еще целой плеяды самоотверженного духовенства того времени минует целая эпоха в Русской Православной Церкви.

«Я пришел, – вспоминал о кончине отца протоиерей Сергей Поляков, – через несколько минут после того, как умер папа. А за несколько минут до этого, то есть примерно в тот момент, когда он почил, я сошел с поезда на станции Новоиерусалимская и увидел на небе радугу...» [11, с. 69].

Список источников и литературы:

1. Жалобы и заявления по вопросам, относящимся к РПЦ. 1958 г. [Текст] // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 19. Л. 38.
2. Жалобы и заявления по вопросам, относящимся к РПЦ. 1959 год. [Текст] // ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 3. Д. 21. Л. 79.
3. Зими́на, Е. Человек-легенда [Текст] /Е. Зими́на //Духовная нива.– 2006 – №4. – С. 5.
4. Капралова, Е. Не стало отца Руфа Полякова [Текст] /Е. Капралова //Истринские вести. – 2012. – №46. – С. 54.
5. Павлова, И. Служение отца Бориса [Текст] /И. Павлова //Одна семья. – 2003. – №29. – С. 2-5.
6. Подорванов, Д. Вечная память отцу Руфу. [Текст] /Д. Подорванов //Духовная нива. – 2012, №7. – С. 5.
7. Поляков, С. Он жил во славу Божию [Текст] /С. Поляков //Духовная нива. – 2012. – №7. – С. 5.
8. Протоиерей Руф Поляков, 1924-2012 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://troica-istra.ru/poliakov.html>. – Загл. с экрана. – [дата обращения 22.11.2018].
9. Протоиерей Руф Поляков, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blagoistr.ru/vechnaya-pamyat-pochivshim/64-protierey-ruf-polyakov-2012.html>.- [дата обращения 22.11.2018].
10. Сводки уполномоченного, докладные записки. 1957 г. [Текст] //ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 41. Л. 14.
11. Ястржембский, Д. Дверями Троицкого храма [Текст] /Д. Ястржембский //Подмосковный летописец. – 2013. – №1.
12. Ястржембский, Д. Дверями Троицкого храма [Текст] /Д. Ястржембский //Подмосковный летописец. – 2012. – №4.

**АННА СЕРГЕЕВНА ЦУРИКОВА И
ДВОРЯНСКИЙ РОД МИНГАЛЕВЫХ**

Наверно найдется не так много жителей современного города Истра Московской области, которым знакома фамилия Мингалевых. Чуть больше людей, наверное, слышали что-то о Цуриковых. А ведь начиная с середины XIX-го века и вплоть до революции 1917 г. в заштатном городе Воскресенске (ныне г. Истра) это были очень уважаемые люди, их все знали. Прежде всего, речь идет о трех сестрах: Анне, Любви и Софии Мингалевых. Каждая дожила до глубокой старости, все они имели самые лучшие особняки в городе. В современной книге о них сказано так: *«В Истре и по сей день можно услышать, что сестры Мингалевы были прототипом трех сестер Прозоровых из пьесы А.П. Чехова «Три сестры». Это не более чем легенда: дамы почтенного возраста, какими были Мингалевы в 1880-х годах, не очень-то похожи на юных героинь пьесы»* [21, с. 111].

Фамилия Мингалевых была известна и далеко за пределами заштатного города. Это подтверждается ежегодно издававшимися справочниками, в которых перечислялись имена и должности служащих лиц во всех губерниях и уездах Российской империи. В одном из таких изданий конца XVIII века впервые был указан Егор Иванович Мингалев, в начале следующего столетия стали печатать имя его сына Сергея. Ну а во второй половине XIX столетия появились уже имена внуков Мингалевых. Так, например, в издании 1868 года [2,3,4] можно увидеть сразу трех представителей этого семейства: Александра Сергеевича Мингалева (служил в Петербурге), его сестры Любви (работала в Москве) и брата Василия (служил во Владимирской губернии).

В данной публикации собраны все известные материалы о семействе Мингалевых, а также представлены сведения из многочисленных архивных дел, большая часть которых не публиковалась.

Анна Сергеевна Цурикова (Мингалева)

Наиболее известным, уважаемым и активным благотворителем среди представителей рода Мингалевых была Анна Сергеевна (22.7.1818 г.– 7.1.1907 г.), которая после замужества взяла фамилию мужа Цурикова Павла Григорьевича.

В московском архиве ЦИАМ (ныне именуется «ЦГА Москвы») хранится метрическая книга Вознесенской церкви города Звенигорода за 1818 год, в ней имеется такая запись: *«Июль, 22. У соленаго пристава Сергея Егорова Мингалева родилась дочь Анна, крещена 24 дня»* [32].

В отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ) сохранились воспоминания родственников по линии мужа Павла Григорьевича – С.М. Попова и А.М. Шуберт, в которых упоминается и Анна Сергеевна. В частности, описывается история ее знакомства с молодым купцом: *«Как-то, еще до своего замужества, проезжая на богомолье в Аношин монастырь мимо избы Цуриковых постучала к ним и попросила дать напиться воды. И вот к ней вышел сын Цурикова Павел и подал ей ковшик с водой. Это была первая встреча с Мингалевыми. Павел Григорьевич, пленившись красотой и изяществом Анны Сергеевны, влюбился в нее и тогда же застал желание жениться на ней, когда он будет владельцем фабрики, но никому об этом заранее не рассказывал»* [11, л. 6]. Видимо молодые друг другу понравились, далее в тексте говорится: *«За период, последовавший за их помолвкой, Павел Григорьевич и Анна Сергеевна стали друг с другом переписываться. В сохранившихся ее письмах к нему она писала: «как скучает подолгу, не видя его, и как она ждет их свидания»* [11, л. 7].

Тут следует отметить, что Мингалевы и Цуриковы были довольно далеки друг от друга по происхождению и воспитанию. Родитель невесты Сергей Егорович, хоть и не был по рождению дворянином, а заслужил это звание за 9 лет до породнения с Цуриковыми, вероятнее всего, никогда не работал на «черных работах». Он долгие годы был уездным служащим и имел возможность дать Анне и другим своим детям домашнее образование. В противоположность этому отец будущего мужа Григорий Михайлович все время был дворовым человеком, крепостным помещика Рубцовского имения Голохвастова, и оставался в неволе до самой своей смерти. Г.М. Цуриков был специалистом по устройству водяных плотин и занялся этим прибыльным делом недалеко от селца Ивановское на реке Истре. Здесь он построил сначала мельницу, потом фабрику по выделке сукна. Со

временем разбогатея, Григорий Михайлович в 1830 году выкупил четверых своих детей (включая Павла) на волю [29]. Но вот хорошего образования дать им не смог. Сын Павел у кого-то (скорее всего у служителя приходской Покровской церкви в Рубцово) обучился начальной грамоте, но не более того. Юноша помогал отцу, осваивал хитрости различных профессий и ведения коммерческих дел. Незадолго до женитьбы он стал купцом 3-й гильдии города Звенигород.

В мае 1837 года в Петропавловской церкви села Лужки Звенигородского уезда произошло венчание молодых (жениху было 25 лет, а невесте еще не исполнилось и 19). В уже упомянутых воспоминаниях А.М. Шуберт сказано: *«Выход замуж Анны Сергеевны за богатого человека явился истинным благодеянием для ее семьи»* [11, л. 9]. Молодые супруги стали жить в сельце Ивановское вблизи суконной фабрики.

Увы, Господь не даровал Павлу Григорьевичу и Анне Сергеевне своих детей. И, возможно, поэтому Цуриков часто и крупно жертвовал различным церквям и монастырям, а также благотворительным организациям и отдельным людям [6]. Анна Сергеевна одобряла добрые начинания Павла Григорьевича, это хорошо видно по тем делам, которые она самостоятельно совершала уже после смерти мужа. Нет никаких сомнений, что супруги Цуриковы были по-настоящему милосердными и нравственными людьми, искренне верующими в Бога.

Павел Григорьевич скоропостижно скончался 5 января 1878 года от простуды в возрасте 66 лет. Его похоронили в склепе внутри Успенской церкви, которую за 10 лет до этого он сам же построил вблизи суконной фабрики и дома, где проживал с женой. После смерти купца Цурикова осталось богатое наследство, значительные суммы по завещанию были пожертвованы в несколько храмов и монастырей. Супруге Анне Сергеевне помимо большого денежного капитала досталась суконная фабрика с постройками и жилыми домами при ней, а также приобретенные земельные участки в Воскресенске и других местах Звенигородского уезда.

После кончины мужа вдове около 10 лет пришлось заниматься делами фабрики. Анна Сергеевна в этом мало что понимала, в управлении производством ей помогал бывший компаньон мужа Максим Ефимович Попов. Однако производственные дела шли все хуже. Чтобы избавиться от хлопот и переживаний, в октябре 1887 года Цурикова решила продать Ивановскую фабрику Попову. Тот согласился дать денег намного меньше, чем реально стоило предприятие. Таким предложением Анна Сергеевна *«была пора-*

жена и оскорблена, на все согласилась и уехала из Ивановского навсегда, чтобы уже никогда туда не возвращаться. Она переехала в г. Воскресенск, где ею (а может быть и раньше – Павлом Григорьевичем) были построены три дома между монастырем и городом: один – самый большой для нее самой, другой поменьше – для ее сестры Любови Сергеевны, бывшей начальницы Екатерининского института, вышедшей в отставку, и третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры Софы» [11, л. 23].

Описание владения Анны Сергеевны имеется в воспоминаниях Истринского старожила Марии Ивановны Майоровой. И хотя она видела имение в советское время и много позже смерти вдовы, но все равно сведения старожила очень ценные: *«Усадьба Цуриковых располагалась в начале улицы (Советской, ранее Дворянской – прим. Авт.) по левой стороне за монастырской прачечной и начиналась с фруктового сада (а вдоль изгороди – сирень). Усадебный дом – один из самых красивых домов в Воскресенске. Это было большое двухэтажное деревянное здание, покрашенное белой краской. Здание с архитектурными украшениями, с резными наличниками. Под стать и интерьеры: рассказывали, – внутри прекрасные залы, мрамор, зеркальный камин. С северной стороны дома – большая веранда» [41].*

Хотелось бы немного рассказать о том, какой была Анна Сергеевна Цурикова. К сожалению, обнаружено не так много данных на эту тему, лишь в уже упоминавшихся воспоминаниях родственников мужа удалось обнаружить некоторые факты. Вот что пишет Анна Михайловна Шуберт: *«В отличие от своего жениха Анна Сергеевна была благовоспитанной светской барышней, получившей хорошее домашнее образование, причем владела французским языком [...] Очень большое культурное влияние стала она оказывать на всю семью Цуриковых. [...] Анна Сергеевна пыталась также научить свою золовку игре на рояле, но из этого ничего не вышло» [11, л. 8-10].*

А вот слова Сергея Максимовича Попова о тетушке: *«Анна Сергеевна была замечательный человек и имела большое влияние на всю нашу семью. Выходя замуж за простого необразованного человека, она, будучи дворянкой и образованной девицей, но без средств, сумела возвысить до себя своего мужа, нисколько не разыгрывая из себя жертвы, напротив – уважала и любила мужа и, обладая большим вкусом и выдающимся умом, поставила свой дом одним из первых в уезде. Гостеприимству Цури-*

ковых не было пределов. Дядя мой (Павел Григорьевич – прим. Авт.) любил особенно духовенство, а Анна Сергеевна всех высокопоставленных, хотя и ко всем вообще относились ласково и гостеприимно» [13]. К сказанному про супругов Цуриковых можно добавить, что они «очень любили племянников, тем более, что сами остались бездетными» [12]. Этим, видимо, объясняется то, что сначала Павел Григорьевич, а потом и его жена, много средств и сил тратили на школы для детей простых граждан, пытались сделать получение образования более доступным.

Анна Сергеевна, судя по всему, придерживалась консервативных взглядов, особенно когда уже была в преклонном возрасте. Этим, видимо, объясняется известный эпизод об увольнении учителя Ивана Павловича Чехова (брата знаменитого писателя) за, казалось бы, невинный проступок: попытку «музичировать» на глиняных горшках на территории школы, в которой Цурикова была попечительницей [21, с. 159].

Анна Сергеевна после смерти мужа подхватила эстафету его добрых начинаний. «Забота о нуждающихся, опека над неимущими стали главным делом ее жизни» [21, с. 121]. Она продолжила начатое Павлом Григорьевичем дело поддержки народного образования в родном городе. Стала попечительницей не только женского, но и мужского училища в Воскресенске, оплачивала все текущие расходы, как то: зарплата учителей, покупка школьного инвентаря и учебных пособий, отопление и ремонт помещений. Когда стали открываться библиотеки при училищах, Анна Сергеевна поддержала и это полезное начинание, выделив необходимые средства (16 и 50 рублей) [15]. Важно также то, что книгами могли пользоваться не только учащиеся школ, но и местное население.

Поддержка народного образования не ограничивалась заштатным городом Воскресенском. В уездном центре Звенигороде было свое училище для девочек («Маршинское»), которому вдова также помогала. Кроме того, Анна Сергеевна оказывала помощь Московскому Екатерининскому институту благородных девиц.

Помогала Цурикова и общественным благотворительным организациям. Когда в 1893 году в Воскресенске состоялось открытие «Елисаветинского Комитета при Вознесенской гор. Воскресенска церкви», основной целью которого было оказание помощи бедным, Анна Сергеевна внесла 100 рублей. И продолжала жертвовать такую же сумму ежегодно (для сравнения, остальные вкладчики ограничивались обычным взносом по 5 рублей, в их числе были сестры Любовь и София Мингалевы) [30].

В 1896 году было учреждено «Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице». Цурикова участвовала в выработке устава этой организации и была выбрана в почетные члены. Стоит отметить, что и здесь вклад Анны Сергеевны намного превышал пожертвования других благотворителей. Сохранился отчет общества, в котором указаны взносы его членов, и среди них: «А.С. Цурикова – 50 руб., С.С. и Л.С. Мингалева – по 3 руб» [14].

Это далеко не полный список благодеяний вдовы. Когда весной 1893 года в селе Дарна сгорела деревянная Петропавловская церковь, встал вопрос: а где теперь молиться прихожанам? Ведь новый храм быстро не выстроить, да еще нужно собрать на это средства. На выручку пострадавшим пришла милосердная Анна Сергеевна. В результате в основном на ее средства была быстро выстроена храмовая пристройка к существовавшей в селе деревянной церковно-приходской школе. Это временное помещение для Богослужений очень выручило местных прихожан, пока сооружалась новая каменная церковь. Вдова также материально помогла Казанскому храму в селе Малинки (ныне Полевшина).

Умерла Цурикова 7 января 1907 года. Анна Сергеевна прожила 88 с половиною лет – дольше всех своих близких родственников. В отличие от родителей, братьев и сестер, вдову похоронили не в ограде приходской Вознесенской церкви, а на территории Новоиерусалимского монастыря. Это сделано было, думается, в знак уважения многочисленных благодеяний Анны Сергеевны. В течение своей жизни она помогала монахам данной обители, продолжая тем самым добрые начинания мужа, который в 1870-е годы потратил огромные личные средства на ремонтные работы в Воскресенском соборе и других храмах Новоиерусалимского монастыря. Через некоторое время на месте захоронения Цуриковой появился красивый памятник, который, к счастью, сохранился до наших дней.

В городе Воскресенске на протяжении всего XIX века не было богоугодного заведения для больных и престарелых, власти никак не могли своими силами его построить, так как для этого не удавалось собрать необходимый капитал. Этот вопрос удалось решить, когда им решила заняться Анна Сергеевна. Она завещала после своей кончины передать на организацию Дома призрения собственную городскую усадьбу и поручила это выполнить своим родственникам – племяннику С.М. Попову и сестре С.С. Мингалевой.

Реализовать волю умершей удалось не так скоро. 7 декабря 1909 года Чрезвычайное Звенигородское уездное земское собрание рассматривало заявление «Кандидата Прав Сергея Максимовича Попова о желании пере-

дать Звенигородскому Уездному земству принадлежащее ему владение, заключающееся в домах с строениями и землею при них, состоящее в г. Воскресенске Московской губернии на Дворянской улице, под № 44, под устройство в этом владении «Дома Призрения» и обеспечивающий на его содержание капитал в размере 300.000 рублей» [24]. При рассмотрении этого заявления властями было принято положительное решение, в первом пункте которого сказано: «Выразить С.М. Попову глубокую благодарность за столь ценный дар»; а в четвертом говорилось: «Исходатайствовать учреждение [...] Устава «Дома Призрения» и разрешение на присвоение ему имени действительного статского советника Павла Григорьевича Цурикова и его супруги Анны Сергеевны и на постановку их портретов в этом учреждении» [26].

Какова судьба Дома призрения и соответственно усадебного дома Цуриковой? В оставшиеся несколько лет до революции богадельня, судя по всему, работала по назначению. О дальнейшей судьбе этого учреждения говорится в воспоминаниях все того же старожила М.И. Майоровой: «После революции в здании (главного усадебного дома – прим. Авт.) размещился детский дом для сирот. [...] с 1927 года это усадебное здание предоставили школе им. Тимирязева (позже – им. А.П. Чехова). В народе ее называли – «белая школа», в отличие от «красной» – Тимирязевской, что из красного кирпича. [...] В 1933 году [...] в бывшем усадебном доме разместилась уже другая школа – семилетняя школа №2. В 1934 году ей присвоили имя всеобщего любимца героя-летчика Водопьянова – одного из спасателей челюскинцев. [...] Дом Цуриковой, как и усадьба, не сохранился. В страшные для Истры дни оккупации 1941 года здания были разрушены. В настоящее время на месте дома школьный стадион» [41].

Ранее уже неоднократно упоминалось имя Сергея Максимовича Попова, который владел Ивановской суконной фабрикой после своего отца Максима Ефимовича. Он был племянником Цуриковых и очень хорошо к ним относился, ранее уже приводились его слова о любимой тетушке. Сергей Максимович приложил немало усилий и средств по увековечиванию памяти дяди и тети, и других членов рода Мингалевых. Так принадлежавшее фабрике училище, построенное еще Павлом Григорьевичем, было переименовано в «двухклассное земское училище имени П.Г. и А.С. Цуриковых». Все тот же С.М. Попов в 1910 году внес капитал в 46 тысяч рублей, чтобы устроить «Приют для хроников имени вдовы действительного статского советника Анны Сергеевны Цуриковой» [20].

Но, оказывается, это был не последний случай увековечивания памяти Цуриковых. Брат Василий Сергеевич Мингалев, из тех денег, что ему перешли по наследству от умершей сестры Анны, в 1908 г. (или годом ранее) пожертвовал значительную сумму строящемуся в Воскресенске 4-классному училищу (об этом подробнее будет сказано далее).

Если просуммировать все сказанное, то получается, что перед революцией три (!) учреждения города Воскресенска и еще школа в Ивановском носили имя Анны Сергеевны или обоих супругов Цуриковых, в них висели портреты благодетелей. Где они теперь? ...

Благотворительная деятельность Анны Сергеевны Цуриковой (при жизни):

<i>год</i>	<i>место</i>	<i>подробности</i>	<i>сумма</i>
<i>Регулярные пожертвования</i>			
1878(?)-1907 г.	Воскресенск	Попечительница училища для девочек	проценты (до 1000 р.) с капитала
до 1907 г.	Воскресенск	Попечительница училища для мальчиков	
до 1907 г.	Звенигород	Мариинская женская школа	500 руб. ежегодно, 5.000 руб. в 1907 г.
с 1880 г.	Москва	Екатерининское училище	проценты (до 1000 р.) с капитала 12.874 руб.
с 1893 г.	Воскресенск	Елисаветинское общество (помощь бедным)	100 руб. ежегодно
1896 г. ...	Воскресенск	Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице	50 руб. ежегодно (?)
... 1894 г. ...	Воскресенск	Содержание странноприимного дома при Новоиерусалимском монастыре	1200 руб. ежегодно (?)
... 1905 г. ...	Воскресенск	Содержание хора певчих при Вознесенской церкви	400 руб. ежегодно

<i>Разовые пожертвования</i>			
1886 г.	Полевшина (Малинки)	Ремонт Казанской церкви: кровля, окраска стен, устройство каменной ограды	
1893 г.	Дарна	Устройство временного храма после пожара	
1904 г.	Воскресенск	Пожертвование на устрой- ство иконы Святого Феодо- сия Угличского в Вознесен- ской церкви	
1904 г.	Звенигород	Братство Саввы Сторожев- ского	50 руб.

Благотворения после смерти Анны Сергеевны Цуриковой (на ее деньги)

<i>место</i>	<i>подробности</i>	<i>сумма</i>	<i>через кого</i>
Воскресенск	«Цуриковский дом при- зрения» (в доме усадьбы, в котором жила Анна Сергеевна)	капитал 300.000 руб.	С.М. Попов, сестра С.С. Минга- лева
Воскресенск	Приют для хроников имени вдовы ... Анны Сергеевны Цуриковой (при больнице)	капитал 46.000 руб.	племянник С.М. Попов
Воскресенск	Строительство 4-классного городского училища	около 20.000 руб.	брат В.С. Мингалев
Полевшина (Малинки)	На восстановление само- стоятельного причта в Казанской церкви	3.500 руб. и капитал 20.000 руб.	брат В.С. Мингалев

Предки Мингалевых

Отцом Анны Сергеевны был Сергей Егорович. О нем речь еще впереди, а пока стоит рассказать о его родителе.

Самое раннее упоминание о Егоре Ивановиче Мингалеве (1739? – 28.9.1817) обнаружено в архивном деле конца XVIII века, в котором говорится об обмене местами служения двух секретарей Московской губернии. Документ, к сожалению, очень краткий, в нем лишь сообщается, что *«желают быть перемещены: первой коллежской протоколист Егор Мингалев в Звенигород, а второй провинциальной секретарь Петр Кудрявцев на его место в Волоколамск. [...] октября 15 дня 1789 года»* [22].

Обмен местами служения состоялся, только, видимо, несколько позже. Имя Егора Ивановича напечатано в официальном справочнике 1791 года: *«в Звенигороде: [...] В Уездном суде: [...] Секр: Егор Мингалев»* [9] (потом его имя упоминалось в аналогичных изданиях еще 5 лет). Умер Егор Иванович 28 сентября 1817 года, а его жена Мария Ивановна еще раньше – 26 апреля 1810 года [39, л. 33, 72]. Оба погребены в Звенигороде на кладбище близ Вознесенской церкви (ни погост, ни старый храм до наших дней не сохранились, на историческом месте теперь построена новая церковь).

В обнаруженных документах семьи Мингалевых упоминается только один сын – Сергей Егорович (1783? – 12.1.1863). Недавно в архивах были обнаружены копии аттестата о его службе. В нем написано, что трудиться юноша начал в том же уездном суде, где служил его отец. Всего Сергей Егорович проработал в Звенигороде на разных должностях более двух десятков лет, с годами получая очередные классные чины: *«в службу вступил в Звенигородский Уездный Суд подканцеляристом 1798-го ноября 9-го, произведен Губернским Регистратором 800 [1800 г.] мая 16-го, Коллежским Регистратором 803-го декабря 31-го, Губернским Секретарем 807-го декабря 31-го, Коллежским Секретарем 810-го декабря 31-го, перемещен в город Звенигород Соляным Приставом 811-го декабря 22-го, награжден Титулярным Советником 814-го декабря 31-го, определен Звенигородским Винным Приставом 818-го декабря 18-го»* [17, л. 6].

1 сентября 1811 года молодой служащий сочетался браком, об этом событии сделана запись в метрической книге: *«Женился Звенигородской Вознесенской церкви прихожанин уездного суда повытчик Сергей Егоров сын Мингалев, первым браком и понял за себя города Воскресенска купца Бориса Михайлова, дочь ево девицу Настасию Борисову, о коих обыск с поручительством чинен был»* [39, л. 40]. О жене Анастасии Борисовне (1794? – 12.8.1869) сведений очень мало. В браке с Сергеем Егоровичем она родила как минимум 9 детей. В исповедных и метрических книгах удалось найти информацию о ее родителях.

Самые ранние сведения об отце Анастасии – Борисе Михайловиче Пителевском (1765? – 14.1.1832) – обнаружены в исповедной росписи 1894 года, где он записан как *«Господина Фонмендина управитель, 29 [лет]»* [33]. Там же указана семья: *«жена ево Елена Иванова, 25, сын их Иван Борисов, 9»*. Спустя 5 лет в аналогичном документе записана уже другая супруга – *«Праскева Петрова, 30 [лет]»* [34] (получается, что он второй раз женился). При этом в состав семьи помимо сына Ивана вписана еще дочь Настя (6 лет), будущая жена Сергея Мингалева. С тех пор состав семьи, судя по документам, не менялся.

С самого начала XIX века Борис Михайлович в документах отмечался как купец г. Воскресенска, причем его имя в списках жителей обычно указывалось первым (возможно по величине объявленного капитала). Но не всю жизнь Б.М. Пителевский оставался в этом сословии: согласно ревизской сказке он *«За необъявлением капитала выбыл в мещане в 1818 году»* [24]. Причина такого «социального понижения» осталась неизвестной, возможно бывший купец разорился. Умер Борис Михайлович 14 января 1832 года в Воскресенске.

Возвращаясь к Мингалевым, следует отметить, что в семье Сергея Егоровича после его женитьбы родилось в Звенигороде шестеро детей (сведения получены как из послужного списка, так и из метрических книг). Первым на свет 24 июня 1812 года появился сын Алексей. Он упоминался в составе семьи Мингалевых в исповедных росписях 1818 и 1820 годов, а позже его имя не встречалось, вероятно, умер ребенком. Екатерина родилась 5 ноября 1813 года и уже через 3 года скончалась. Следующая дочь Мария появилась на свет 20 июля 1815 года и прожила более 60 лет, о ней будет сказано далее, также как и о сыне Александре, родившемся 1 июля 1816 года. О дочери Анне, родившейся 22 июля 1818 года, уже ранее говорилось подробно. Последним ребенком в Звенигороде появился на свет Николай, случилось это 6 мая 1820 года. Он, видимо, не дожил до совершеннолетия.

23 марта 1820 года, как следует из записи в аттестате, Сергей Егорович был *«перемещен в город Богородск (ныне г. Ногинск) помощником надзирателя питейного сбора»* [17, л. 6]. На новом месте родились еще две дочери: 2 сентября 1822 года Люба и 26 июля 1824 года София. Обе дожили до преклонных лет, о них речь еще впереди.

Трудно сказать, как долго служил бы Мингалев в Богородске, и как в дальнейшем сложилась судьба этого семейства, если бы в 1827 году *«Богородское правление питейного сбора»* не упразднили, в результате чего Сергей Его-

рович был «уволен из Ведомства Московской Казенной Палаты» [17, л. 6]. По существующему порядку при увольнении он мог претендовать на следующий классный чин коллежского ассессора, который позволял получить дворянство, причем не только для себя лично, но и для членов семьи тоже. Мингалев решил этой возможностью воспользоваться. Несколько месяцев ушло на сбор и оформление нужных документов и 18 апреля 1828 года Сергей Егорович вместе с женой Анастасией Борисовной и детьми Александром, Марией, Анной, Любовью и Софией были включены в *«Алфавитный список Дворянским родам, занесенным в Родословную книгу Московской губернии по 3-й части»* [18].

Примерно в это же время семья Мингалевых переехала на новое место жительства в Воскресенск. Почему именно этот заштатный город был выбран – об этом нигде не говорится. Но можно предположить, что это, видимо, как-то связано с тем, что отсюда родом была жена Анастасия Борисовна, здесь проживал ее отец Борис Михайлович Пителевский. И хотя к моменту переезда семьи тот уже не был купцом, но наверняка помог родственникам с обустройством на новом месте жительства. Несколько лет спустя 5 ноября 1831 года в семье Мингалевых появился последний ребенок – мальчик Вася.

Сергей Егорович и его жена Анастасия Борисовна прожили долгую жизнь. В справочном издании Шереметевского, посвященном некрополям, приводятся такие сведения: *«Мингалев Сергей Егорович, коллежский ассессор, † 12 января 1863, 72 л (лет), (похоронен) с женою А.Б. Мингалевой (Защит. г. Воскресенск Моск. губ., при Вознесенской церкви). [...] Мингалева Анастасия Борисовна, † 12 августа 1869, 76 л. С мужем С.Е. Мингалевым (погребена там же)»* [40].

Братья и сестры Мингалевы

Первой, начиная с 1835 года, в ежегодных исповедных ведомостях Вознесенской церкви г. Воскресенска в составе семьи Мингалевых перестала упоминаться Мария Сергеевна (20.7.1815 – 3.11.1876). Ей в это время было уже 20 лет и надо полагать, что девушка, начав самостоятельную жизнь, куда-то уехала. Чем в жизни занималась – увы, нигде ничего не удалось найти. Мария родилась самой первой из детей, она же раньше всех и умерла. В том же справочнике Шереметевского о ней написано: *«Мингалева Мария Сергеевна, девица, дочь коллежского ассессора, † 3 ноября 1876, 61 г. С отцом С.Е. Мингалевым»* [40].

Следующей из под опеки родителей вышла Анна. Это и понятно, дочь в 1837 году вышла замуж и уехала жить в сельцо Ивановское, о ней подробно было рассказано выше.

Среди четверых оставшихся братьев и сестер Мингалевых старше других был Александр Сергеевич (1.7.1816 – 20.7.1890). Можно сказать, что он добился по службе очень больших высот – его работа была напрямую связана с Царским двором. В архиве обнаружен формулярный список, в котором сказано, что он 1 февраля 1840 г.: «*Поступил на службу во 2-й Департамент Гражданской Палаты*» [19]. А уже 4 декабря 1842 г. «*Назначен помощником старшего бухгалтера Придворной Конторы*». Находилось это учреждение в Петербурге, там проживал и работал Мингалев.

Дальнейшая карьера молодого человека шла по нарастающей – Александр Сергеевич по выслуге лет получал очередные классные чины. В конце 1850 года он уже был старшим бухгалтером в конторе Императрицы. В 1855 году у него родилась дочь Мария. В документе указано и имя супруги: «*Женат первым браком на дочери обер-берггаутмана 6-го класса Дмитриева Екатерине Павловне*». В 1859 году Александр Сергеевич был награжден орденом Св. Станислава 3 степени [16]. В справочнике за 1868 год о нем сказано: «*Собственная Ея Императорскаго Величества Канцелярия [...] Чинов. Канцел.: СС (статский советник), Алдр. Серг. Мингалев*» [2,3,4].

Где проживал остаток своей жизни старший брат – напрямую об этом нигде не говорится. Вероятнее всего, что и после выхода на пенсию он продолжал пребывать в столице. По крайней мере, скончался Александр Сергеевич точно там (20 июля 1890 года в возрасте 74 лет), об этом сказано в метрической книге: «*Отпевание совершено в С-Петербурге в церкви Ивановского девичьего училища ведомства Императорскаго человеколюбиваго общества*» [35]. Тело Мингалева перевезли в Воскресенск и погребли на том же кладбище при Вознесенской церкви, где ранее упокоились его родители и сестра Мария.

Как в начале своей трудовой деятельности Александр оказался в столице, да еще при Императорском дворе – осталось загадкой, ведь Мингалевы были не из знатного рода. Возможно, в этом ему посодействовала родная сестра Любовь Сергеевна (2.9.1822 – 23.7.1907), которая в 1834 году поступила в «Московское училище ордена Св. Екатерины» и окончила его через шесть лет. А еще через пару лет в 1842 году она переехала в Петербург. Там девушка оказалась «в должности наставницы в семействе обер-

гофмаршала графа В.Д. Олсуфьева» [10] и занималась воспитанием детей этого вельможи. Обращает на себя внимание то, что непосредственным начальником у брата Александра был *«Заведывающий Конторою, сост. при Ея Имп. Величестве Об.-Гофмейст. Граф Василий Дмитриевич Олсуфьев»* [1]. Как видим, совпадает все: титул, фамилия, инициалы. Думается это не случайное совпадение, что брат и сестра оказались связанными с этим знатным человеком, да, причем в одно время. И кто первым из них оказался в Петербурге, а потом помогал другому с устройством на престижное место, осталось непонятно.

Более 10 лет Любовь Сергеевна прожила в столице Империи, а потом вернулась в Москву в родной институт Св. Екатерины. Работала там *«пепи-ньеркой, классной дамой, инспектрисой»*. И, наконец, 24 августа 1867 года Мингалева была назначена на высокую должность начальницы родного Екатерининского училища, на которой оставалась более полутора десятков лет до 1883 года. После увольнения она возвратилась в Воскресенск.

Сохранился очень живой, интересный рассказ одной из воспитанниц Екатерининского института Анны Клименко, озаглавленный «Воспоминания институтки». Эта небольшая книжица была выпущена к 100-летию училища, на обложке написано: *«Посвящается Любови Сергеевне Мингалевой»*. На нескольких страницах с большой теплотой и любовью рассказывается о педагогическом таланте и душевных качествах любимой воспитательницы: *«не строгостью и страхом, а любовью и бесконечной добротой она сумела овладеть сердцами вверенных ей попечению детей и действовала на нас обаятельно. [...] В маленьких классах Любовь Сергеевну по-институтски «обожали», с годами это обожание переходило в крепкую, прочную привязанность и безграничное уважение [...] От других девочек я потом узнала, что они все пережили то, что переживала я: каждая «новенькая» испытала на себе привет и чарующую ласку Любови Сергеевны. Великое, великое ей за это спасибо!»* [8, с. 5-8]. Далее в тексте говорится, как в 1902 году автор приехала в гости в Воскресенск и ее радушно встретили: *«Приняла меня Любовь Сергеевна действительно как родную, и не только она, но и обе сестры ей (Анна и София – прим. Авт.), которые тоже живут в Новом Иерусалиме, и такие же чудесные, привлекательные старушки, как и она сама. Любовь Сергеевна, окруженная родными и друзьями, пользуется уважением и любовью»* [8, с. 17].

Говоря о Любви Мингалевой нельзя не упомянуть о благотворительных делах, которые она совершала вместе с сестрами. Об этом уже немного

говорилось (когда речь шла об Анне), кое-что будет добавлено в рассказе о другой сестре – Софии.

Любовь Сергеевна прожила долгую жизнь. В 1907 году 23 июля (на полгода позже, чем сестра Анна) Мингалева умерла, совсем немного не дожив до своего 85-летия. Похоронена была на том же кладбище, что и ее родственники. Замуж не выходила, и детей у нее не было. И все же Любовь Сергеева в конце жизни о себе говорила: *«Да, это недаром прожитая жизнь!»*. Думается, что это были искренние ее слова.

Самую младшую из сестер Мингалевых звали София Сергеевна (26.7.1824 – 22.9.1910). О ней тоже известно не так много. Можно предположить, что большая часть ее жизни (если не вся) прошла в Воскресенске. Не исключено, что среди других братьев-сестер именно она дольше всех пробыла в родном городе. В пользу такого предположения говорит и то, что именно ей достался родительский дом, об этом факте говорилось в приводимой ранее цитате: *«третий небольшой (родительский был перестроен) для их сестры Софьи Сергеевны»*.

К сожалению, нигде не сказано, каким родом деятельности занималась София Сергеевна. Но о чем точно можно говорить, так это о том, что она вместе со своими сестрами, будучи в зрелом возрасте, занималась благотворительными делами, тому есть несколько документально подтвержденных свидетельств. Выше уже сообщалось про *«Елисаветинский комитет»* и что сестры София и Любовь вносили взносы по 5 рублей ежегодно, а благотворительному обществу при Воскресенской земской лечебнице они жертвовали по 3 рубля. В другом архивном деле, в котором говорится об учреждении в городе Воскресенске пожарного общества, приводятся такие сведения: *«Список лиц приславших за почетные билеты на спектакли, данные обществом в 1910 г.: Мингалева Софья Сергеевна – 10 руб.»* [28].

До недавнего времени оставалась неизвестной точная дата кончины младшей сестры. И вот в метрической книге городской Вознесенской церкви за 1910 год была обнаружена искомая запись: *«Сентябрь, [умерла:] 22, [погребена:] 24. Софья Сергеева Мингалева, девица, дочь Коллежского Ассесора. [Возраст:] 86»* [36]. Она умерла последней из детей Сергея Егоровича.

Кончина С.С. Мингалевой оставила еще один «след» в архивных документах. В марте 1912 года племянник С.М. Попов отправил письмо на имя городского старосты Воскресенска, в котором было написано: *«о желании моем пожертвовать г. Воскресенску 2.000 р. для улучшения водоснабжения в городе в память покойной Софьи Сергеевны Мингалевой»* [38]. Этих

денег хватило на сооружение двух «*простых колодезей*» в городе: «*один на площади, против пожарного сарая, а другой на 2 Клинской улице*».

Самым младшим ребенком в семье Мингалевых был Василий Сергеевич (5.11.1831 – 20.11.1908). Наиболее ранняя информация о нем относится к детству, когда мать Настасья Борисовна в 1835 году подала прошение о включении сына в Дворянскую родословную книгу, в которую ранее были занесены старшие дети. В указанном архивном деле имеется также прошение самого Василия Сергеевича 1856 года о «*перечислении*» его в Дворянскую родословную книгу по Владимирской губернии. Из документа становится понятна причина такого решения – женитьба на местной дворянке: «*По состоявшему за женою моею Ольгою Николаевою в Меленковском уезде имению в числе 76 душ, я на основании [...] закона [...] желаю быть записанным в означенную женою моею в родословную книгу Владимирского Дворянства*» [17, л. 29]. В деле приводится также копия брачного свидетельства, в котором сказано: «*25 января 1854 года вступил в первый законный брак с дочерью Коллежского Ассесора Николая Сергеевича Арицыбашева девицею Ольгою Николаевной [...] Жених резервного батальона 17-й пехотной дивизии запасного батальона Бородинского егерского [...] полка*» [17, л. 42].

Судя по следующей информации, он вскоре уволился из армии, однако остался жить в имении жены и стал служить на гражданских должностях. Такой вывод следует из фразы, обнаруженной в трудах местных Владимирских краеведов: «*В Меленковском уезде большим влиянием в 70-х годах пользовался гласный из дворян В.С. Мингалев*» [7]. А в каталоге Петербургского архива имеются данные о присвоении предводителю дворянства г. Меленки Василию Сергеевичу звания почетного гражданина.

Далее следует рассказать об одном интересном архивном деле, в котором собраны материалы по наследству В.С. Мингалева. Среди прочих бумаг имеется копия «*Акта о рождении*» у Василия Сергеевича младенца в 1892 году, в котором сказано: «*21 ноября сего года в три часа утра от законной жены его Марии Александровны, урожденной Радышкевич, 22 лет от роду. Младенцу этому при Святом Крещении [...] дано имя Анна*» [23]. Обращает на себя внимание, что в качестве жены указана другая женщина (что стало с первой супругой – нигде не объясняется). В деле также говорится о том, что роды случились в г. Томашево (Люблинская губерния, ныне Польша), и еще сказано, что Мингалев служил там мировым судьей.

Из других данных следует, что в начале XX века Василий Сергеевич вернулся на жительство в родной Воскресенск. При этом указывается его

чин – *«Действительный Статский Советник»*. Это был очень высокий гражданский чин в Российской империи, соответствующий воинскому званию генерала. В связи с этим стоит напомнить, что в таком же чине был и его старший брат Александр. А если еще вспомнить, что сестра Анна была вдовой действительного статского советника П.Г. Цурикова, то получается, что трое представителей рода Мингалевых-Цуриковых достигли больших вершин в своей карьере.

Когда в 1907 году умерла Анна Сергеевна, то часть ее наследства перешла младшему брату (речь шла о больших суммах, сотнях тысяч рублей). В результате Василий Сергеевич под конец своей жизни стал богатым человеком. Увы, он был уже в солидном возрасте, вероятно, серьезно болел (вскоре умер от болезни сердца) и догадывался, что жить ему осталось недолго. Как оказалось, после получения наследства Господь отвел ему чуть более года. Но сколько добрых дел он успел за это время совершить!

Во-первых, младший Мингалев помог городскому Вознесенскому храму в проведении строительных работ по расширению церковного здания. По документам его вклад оценен в 7.250 рублей. За оказанную помощь городские власти вынесли решение: *«Действительному Статскому Советнику Василию Сергеевичу Мингалеву выразить от Собрания уполномоченных за сделанное им пожертвование искреннюю благодарность; память почившей Анны Сергеевны Цуриковой почтить вставанием»* [37].

Во-вторых, Василий Сергеевич материально поспособствовал строительству в Воскресенске каменного 4-классного училища (в будущем школа им. Чехова). Конкретный размер его вклада неизвестен. Но по косвенным свидетельствам он мог достигать 20 тысяч рублей. Через два года (уже после кончины жертвователя) школа была построена и городские власти признали: *«желательным увековечить память почивших благотворителей Павла Григорьевича и Анны Сергеевны Цуриковых и Василия Сергеевича Мингалева посредством повешения портретов гг. Цуриковых и Мингалева в помещении вышеупомянутого училища»* [27].

В-третьих, в последние месяцы своей жизни В.С. Мингалев помог еще одному храму – Казанской церкви села Малинки. Она долгих 70 лет не имела своего причта по бедности прихода, и местные прихожане давно мечтали о возобновлении в храме регулярных Богослужений. И вот пришла помощь, о которой в журнале Московской Духовной Консисории 4 июля 1908 года было написано так: *«прихожанин Василий Сергеев Мингалев пожертвовал Казанской села Никольскаго церкви 20.000 руб. с тем, чтобы при этой*

церкви был образован самостоятельный причт из священника и псаломщика. Означенные 20 тысяч руб. должны составлять нефиксированный капитал церкви и вновь образованный причт имеет пользоваться лишь процентами с этого капитала» [31]. Кроме того благодетель отдельно пожертвовал 3.500 рублей «на постройку домов для причта».

Но и это еще не все! 5 ноября, т.е. буквально за пару недель до своей кончины, Василий Сергеевич Мингалев успел совершить еще одно доброе дело – подарил городу участок земли «в г. Воскресенске на Дворянской улице, мерою всего 370 квад. саж.» [25].

Какой яркий пример для остальных! Состоятельных людей в России хватало. А вот добрых дел от них было не очень много.

20 ноября 1908 года Василий Сергеевич в возрасте 77 лет умер «от паралича сердца» [23] и был, судя по сведениям все того справочника Шереметевского, похоронен при приходской Вознесенской церкви [40], где до этого были погребены его родители, брат и сестры.

У Василия Сергеевича Мингалева остались дети от двух браков. Про Анну, родившуюся от второй жены, уже говорилось. О ней лишь известно, что при достижении совершеннолетия и вступлении в права наследования, она вместе с матерью проживала в Москве на ул. Волхонка в съемной квартире. Имя сына от первого брака – Петр – упоминается в деле об опекунстве над упомянутой сестрой Анной. Кроме того в справочнике 1894 года обнаружена запись о нем: «*Правител. Сенат. Департамент первый: [...] Пет. Вас. Мингалев – Секр. при Об.-Прокур.*» [5] (подобные же строки имеются в аналогичных изданиях 1896 и 1901 гг.).

Заключение

Думается, многих интересует вопрос: прервался ли дворянский род Мингалевых, остались ли живы его потомки?

Точного ответа на этот вопрос пока нет, на данный момент можно сказать лишь следующее. Трудно сказать почему, но все 4 сестры Мингалевых не имели потомства (брак Анны Сергеевны оказался бездетным, а Мария, Любовь и София и вовсе не выходили замуж, в метрических книгах в записях об их смерти для всех писалось: «*девица*»). В отличие от сестер у братьев дети были. Известно, что у Александра Сергеевича была дочь Мария. Но вышла ли она замуж, были ли у нее дети – информация об этом не попадалась. Тоже самое можно сказать про Петра и Анну – детей Василия

Сергеевича. И все же, учитывая, что в общей сложности у братьев Мингалевых было трое детей, то вероятность продолжения этого рода довольно велика. Другое дело, что прошло уже целое столетие, сменилось несколько поколений людей, и знают ли ныне живущие потомки о своих корнях?

Еще вопрос: а какую память оставили Мингалевы, остались ли какие-то их личные предметы, вещи? В качестве ответа следует в первую очередь упомянуть о сохранившемся красивом памятнике Анне Сергеевне Цуриковой на территории Новоиерусалимского монастыря. А вот все захоронения около городской Вознесенской церкви, где были похоронены члены семьи Мингалевых, уничтожили, снесли и сам храм. Теперь на этом месте стоят корпуса завода «Углемаш», ныне уже несуществующего предприятия.

Почти все Мингалевы имели свои жилые дома в Воскресенске. Это были лучшие в городе особняки, двухэтажные (как правило, низ каменный, верх деревянный). Вероятнее всего, что эти здания не пережили войну (возможно, что какие-то из вспомогательных усадебных построек и уцелели – этот вопрос не изучался). Вполне возможно, что у старожилов города Истра могли сохраниться отдельные вещи, которые когда-то принадлежали Мингалевым. Но это, что называется, под вопросом. А вот о чем можно сказать с уверенностью, так это о том, что в архивах сохранилось несколько документов, составленных лично или подписанных отдельными представителями этого дворянского рода. Но, честно говоря, их совсем немного.

Мингалевы достойны добрых слов потомков. Эта статья призвана восстановить память о них.

Список источников и литературы:

1. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1857: [В 2-х ч.]: Ч. 1. – СПб.: Имп. Академия наук, 1857. – С. 18.
2. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1868: [В 2-х ч.]: Ч. 1. – СПб.: Имп. Академия наук, 1868. – С. 34.
3. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1868: [В 2-х ч.]: Ч. 1. – СПб.: Имп. Академия наук, 1868. – С. 585.
4. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1868: [В 2-х ч.]: Ч. 2. – СПб.: Имп. Академия наук, 1868. – С. 522.
5. Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1894: [В 2-х ч.]: Ч. 1. – СПб.: Имп. Академия наук, 1894 г. – С. 317.
6. Благотворитель земли Истринской. Доброй памяти Павла Григорьевича Цурикова: Сборник статей по материалам газеты Истринского благочиния «Духовная Нива» (2012-2014 годы) [Текст] / С.П. Носиков, С.Ю. Мамаев, П.В. Малкин – Истра, 2014. – С. 21 – 24.

7. Глазунов, С.Р. Земские гласные Владимирской губернии в 70-80-х гг. и «третий элемент» [Текст] /С.Р. Глазунов, И.И. Шулуш //История земств и Советов России: (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) – Владимир, Владим. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 11.

8. Клименко, А. Воспоминания институтки: К столетнему юбилею Московского Екатерининского института [Текст] /А. Клименко. – СПб, 1903. – 18 с.

9. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1791 [Текст]. – СПб, Академия наук. – С. 116.

10. Московское училище ордена Св. Екатерины. 1803-1903 гг.: исторический очерк [Текст]. – М., 1903. – С. 551.

11. НИОР РГБ. Ф. 547. П. 8. Д. 8. Л. 6-23.

12. НИОР РГБ. Ф. 547. П. 8. Д. 5. Л. 24.

13. НИОР РГБ. Ф. 547. П. 9. Д. 2. Л. 4.

14. Отчет Благотворительного Общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1896/97 г. [Текст]: Год первый. – М. – С. 4.

15. РГИА Ф. 91. Оп. 3. Д. 573. Л. 22. об. 25 об.

16. РГИА Ф. 472. Оп. 34. Д. 87. Л. 117-119.

17. РГИА Ф. 1343. Оп. 25. Д. 4102. Л. 6, л. 29, л. 42.

18. РГИА Ф. 1343. Оп. 51. Д. 251. Л. 59. Об.

19. РГИА Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1446. Л. 42. Об.

20. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии [Текст]. – М., 1910, № 4. – С. 272.

21. У стен Нового Иерусалима: История города Воскресенска – Истры [Текст]. – М.: Лето, 2010. – 432 с.

22. ЦИАМ Ф. 16. Оп. 1. Д. 267. Л. 2.

23. ЦИАМ Ф. 49. Оп. 1. Д. 560. Л. 3.

24. ЦИАМ Ф. 51. Оп. 8. Д. 226. Л. 93. Об.

25. ЦИАМ Ф. 65. Оп. 26. Д. 10. Л. 126.

26. ЦИАМ Ф. 65. Оп. 28. Д. 47. Л. 1. Об. 1.

27. ЦИАМ Ф. 65. Оп. 43. Д. 344. Л. 10. Об. 10.

28. ЦИАМ Ф. 65. Оп. 44. Д. 431. Л. 143.

29. ЦИАМ Ф. 98. Оп. 3. Д. 50. Л. 69. Об. 71.

30. ЦИАМ Ф. 114. Оп. 1. Д. 55. Л. 9.

31. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 744. Д. 434. Л. 6.

32. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 745. Д. 1153. Л. 7.

33. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 747. Д. 676. Л. 447. Об.

34. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 747. Д. 738. Л. 4. Об.

35. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 780. Д. 880. Л. 85.

36. ЦИАМ Ф. 203. Оп. 780. Д. 4060. Л. 280. Об.

37. ЦИАМ Ф. 522. Оп. 2. Д. 12а. Л. 6.

38. ЦИАМ Ф. 522. Оп. 1. Д. 13. 1912 г. Л. 3.

39. ЦИАМ Ф. 608. Оп. 2. Д. 1746. Л. 33, л. 40, л. 72.

40. Шереметевский, В.В. Русский Провинциальный Некрополь [Текст] /В.В. Шереметевский. – М., 1914. – С. 559.

41. Экскурсия в прошлый век. Воспоминания М.И. Майоровой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ierusalem.ru/?p=932>. – Загл. с экрана.

В.Б. Маслова

**ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ: ПОИСК И НАХОДКИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ
(из опыта работы)**

«Сегодня дети – завтра народ»

С. Михалков

Когда-то Эйнштейн, Бор, Планк собирались раз в две недели и говорили об устройстве мира. Они называли это Академией. В результате родилась теория относительности. По-моему, идея создания районного краеведческого общества, которую предложила библиотека имени Чехова, очень правильная. Объединение разрозненных нот районного (и не только) краеведения в интересную мелодию – дело непростое. Вы основоположники нового пространства.

И это очень созвучно идеям современной педагогики, которая не так давно начала говорить о том, что в мире, где много неопределенности, агрессии и хаоса, очень важно создавать, проектировать развивающую образовательную среду. Хотя еще педагог-новатор Виктор Федорович Шаталов говорил про «принцип соленого огурца»: какой бы толстокожий огурец не был, в рассоле он рано или поздно просолится.

Отвечать на вызовы времени конечно важно. Например, о том, как осуществить прорыв в науке, здравоохранении и образовании. Но так же необходимо помнить, что невозможно выстроить что-то новое (продуктивное) без опоры на старые испытанные работающие социальные модели организации общества. Мне посчастливилось 30 лет работать в одной из самых старейших школ Истринского района – Павловской школе. И все эти годы мы с моими коллегами думаем над тем, как ценности, смыслы, значения, образы мирового культурного пространства сделать возможностями для развития личности ребенка. И сегодня я хочу поделиться этими размышлениями с Вами.

Образование можно назвать «образованием» только тогда, когда это процесс рождения, созидания нового в духовной сфере человека. Но новое

может возникнуть только в результате творческого процесса. Необходимо создать условия, особую событийную среду, которая бы затрагивала личность ребенка – его восприятие культурных контекстов, воспитывало бы вкус, эмоционально развивало ребенка, помогало проявлять ценностные смыслы.

Краеведение, безусловно, одна из духовных скреп нашей жизни. Изучение истории своей страны, своего села, своей семьи затрагивает глубинные пласты человеческой души, будит такие переживания, которые обращают человека к его внутреннему миру, к дефицитарным ныне человеческим ценностям: сочувствию, взаимопониманию, глубине восприятия и осмысления явлений жизни. Только тогда краеведение, краезнание становится краелюбием. Ведь патриотизм – это чувство, чувство глубоко нравственное и очень важное для безопасности страны. Любая нация выживает лишь тогда, когда в ее гражданах воспитаны такие качества как патриотизм и трудолюбие.

Прочитав это, кто-то скажет: «Ну, ты, Маслова, – капитан очевидности! Это же ясно!» Но, видимо, не для всех. В наше время закрывают краеведческие отделы библиотек, музеев, найти средства на издание книг о Героях Отечества очень непросто. Мы должны сделать все для того, чтобы нашим детям хотелось жить в собственной стране, чтобы они любили нашу Родину и старались приумножать ценности нашей русской культуры. «Нам есть что помнить, нам есть чем гордиться!»¹ Краеведам надо объединяться, чтобы не пропасть поодиночке.

Отдельного внимания краеведов достоин мир детства, сложный, противоречивый, со своими парадоксами и драматическими коллизиями. Взрослое краеведение редко ориентируется на ребенка. Для приобретения опыта существования в пространстве культуры, культурной компетентности для ребенка необходимо выстроить систему взаимосвязанных, взаимодействующих педагогических, психологических, театральных, мультимедийных методов и средств. С ребенком нельзя работать не всерьез, от случая к случаю, эпизодически, скучно. Дети познают мир в себе преимущественно через действие, через игру. Поэтому и формы работы с ребенком должны быть действительно-игровыми, познавательными, увлекательными, творческими. Поколение «Шестого айфона» с его клиповым мышлением нуждается в динамике, разнообразии, но при этом в глубине, духовном погружении, грамотном профессиональном подходе.

¹ Надпись на дверях музея Отечественной истории деревни Падиково.

В Павловской школе накоплен богатый опыт создания творческой событийной краеведческой среды. С 1978 года в школе работает краеведческий музей. Его руководителями в разные годы были педагоги школы: Швайковская Л.Р., Максимова Т.А., Конюхова Н.С. Сейчас музеем руководит молодой талантливый педагог – Горбачева В.Ю. Большую роль в реализации краеведческих программ играла администрация сельского совета Павловской Слободы под руководством Лукьянова Б.Д. и его заместителя Комоловой Е.А.

Много успешных краеведческих программ Павловской Слободы осуществили педагоги и учащиеся школы, объединенные интеллектуально-психологическим клубом «Апрель»². Расскажу о методах реализации некоторых краеведческих апрелевских проектов. Работа эта всегда поэтапная:

Первый этап – мотивационный, организационный, подготовительный. Все начинается с изучения литературы. В сборе, анализе нужной для нас информации помогает так же главный музейный метод – экскурсии. Мы активно посещаем лекции РИА Новости «ЛектоРИА», где дети не только насыщают себя информацией, но и учатся грамотно излагать и представлять свои исследования. Для изучения биографий наших современников мы активно используем игру «100 вопросов взрослому», в которой востребован такой важный навык – умение задавать герою своего интервью интересные серьезные вопросы. Очень живыми, познавательными, яркими были апрелевские встречи с выдающимися нашими современниками: народными артистами России Романом Мадяновым и Александром Михайловым, журналистом, писателем драматургом Леонидом Жуховицким, Героем России Евгением Зеленовым, киножурналистом Ксенией Рождественской, протоиереем и настоятелем храма Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Павловская Слобода Владиславом Провоторовым, режиссером Михаилом Голомзиным, народным художником России скульптором Сергеем Казанцевым, писателями-краеведами Михаилом Кураевым, Сергеем Мамаевым. «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная», – писал А.С. Пушкин. Общение с умными успешными современниками – это один из способов постижения жизни, выстраивания собственного позитивного жизненного сценария.

² Интеллектуально-психологический клуб «Апрель» создан в 2003 году на базе МОУ «Павловская СОШ». Директор школы Хмеленок Е.В., руководитель клуба Маслова В.Б. С 2018 года клубные программы активно поддерживает Истринский МОУ ДО «Центр развития творчества детей и юношества «Ровесник», директор Хотеева Л.В.

На первом этапе краеведческого проекта очень важна тесная интеграция школьного и внешкольного, дополнительного образования, урочных и внеурочных занятий школьников. Каждый наш проект начинается с тесного сотрудничества с библиотеками: Павлослободской детской сельской и Истринской районной библиотекой имени А.П. Чехова. Трудно здесь переоценить роль наших любимых библиотекарей. Т.И. Кривич (Павлослободская детская библиотека), В.В. Королевич (Истринская центральная библиотека) – главные помощники в проведении поисков нужных книг и архивных документов. Самой, пожалуй, серьезной проблемой при работе по краеведческим программам является нехватка краеведческой литературы для детей. Взрослые исследования зачастую написаны серьезным, научным языком и очень сложны для освоения ребенком. Настоящее время грешит тем, что книги, особенно краеведческие, не всегда проходят профессиональную редактуру и издаются с грамматическими, стилистическими, фактическими ошибками. Работа с архивными документами также требует определенного навыка. Да и не все архивы для детей открыты. Здесь очень важна роль «переводчика» – педагога, библиотекаря, детского писателя, который сможет помочь ребенку освоить краеведческий материал.

Второй этап: представление исследований юных краеведов на общешкольной конференции «Шаг в будущее». Например, весной 2018 года Никита Мозжухин выступил с проектом «Домовая резьба Павловской Слободы». Летом этого же года юный исследователь был принят на архитектурное отделение Московского художественного лицея на Крымском валу. Краеведческая работа иногда становится одним из способов профессионального самоопределения ребенка.

Третий этап – событийный. Разработчики проектов придумывают технологию, которой можно рассказать о своем проекте творчески, включив в него как можно больше ребят. Это всегда праздники – дни радости, развлечения и обучения. Например, театральное представление «Золотые страницы истории» рассказало о самых интересных эпизодах истории нашего села, начиная с XII века. В год 100-летия летчика А.А. Артамонова, Героя Советского Союза, нашего земляка, прошла театрализованная презентация книги «Алешино небо». Вечер «О Павловской Слободе с любовью» рассказал о жизни в Павловской Слободе композитора А.П. Бородина, о дальнейшей судьбе крестьян, живших в «доме Бородина» в 20 веке. Научноградские: «Гроза 1812 года», «Дому Романовых 400 лет», «Славный град

Москов», «Великая Отечественная война», «Я люблю Подмоскowie» – это путешествия по станциям, выполнение тематических творческих заданий.

Тесная дружба связывает клуб «Апрель» с Музейно-выставочным комплексом «Новый Иерусалим», туристско-информационным центром «Русская Палестина»³. На творческих встречах с Любовью Казарновской ребята представляли в театрализованной форме свои проекты «Очарование русского романса», «Мир русской оперы». В галерее «Гармония» проходил вечер, посвященный творчеству народного художника России, нашего земляка, С.С. Казанцева. Апрельский дискуссионный клуб в рамках проекта «Под знаменами Октября» провел интересный диспут «Революция – это зло или благо?». Квест «В поисках вчерашнего дня» разработал и провел для ребят писатель-краевед, педагог школы «Рождество» большой друг «Апреля» С.Ю. Мамаев. Ребята в деревне Ивановская осваивали навыки краеведческого поиска. Школа как пространство культуры органично сочетает методы музейной, библиотечной и театральной досуговой педагогики.

Задача четвертого этапа перевести проект на новый смысловой, понятийный уровень. В издательской деятельности мы опирались на помощь администрации нашего села, на ресурсы центра «Ровесник». Книга – уникальный и надежный хранитель прошлого опыта, источник воспоминаний для участников важного дела, источник вдохновения для тех, кто думает над созданием своих проектов. За 15 лет истории интеллектуально-психологического клуба «Апрель» издано 12 книг – сборников, в которых представлены краеведческие проекты, разработанные и проведенные в Павловской Слободе. Это лишь часть всего спектра краеведческих программ.

Наши проекты были представлены на ежегодном конкурсе Губернатора Московской области А.Ю. Воробьева. И трижды отмечены высокими наградами : Первая (2013 г.) и две Вторых премии (2015, 2017 гг.).

Заключительный этап любого серьезного дела – это рефлексия, осмысление произошедшего, обсуждение плюсов и минусов работы, извлечение ценного опыта.

Все наши проекты призваны очеловечить современное образование. Общество потребления пропагандирует успешность, апофеозом которой в школе являются баллы ЕГЭ. Но развитие нельзя измерить количественно. На каких весах можно измерить изменение невесомых внутренних процессов? При этом любое учение бесполезно, если оно не учит главному – Умению Жить, умению быть Человеком!

³ Директор Мощицкая О.В.

Мы обязаны сохранить для будущих поколений бесценный опыт прошедших веков, познакомить детей с историей своей Родины, ее прошлым и настоящим так, чтобы были затронуты глубокие струны детской души. Только тогда мы сможем назвать наши программы эффективным средством патриотического воспитания. Удачи всем нам на этом пути!

Список источников и литературы:

1. Маслова, В.Б. Алешино небо [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Колор-Бокс, 2016. – 82 с.
2. Маслова, В.Б. «Апрель» – 15 лет [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Русские, 2018. – 40 с.
3. Маслова, В.Б. Игры на пользу и на радость [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Генезис, 2018. – 400 с.
4. Маслова, В.Б. Интеллектуальная мозаика [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Генезис, 2013. – 160 с.
5. Маслова, В.Б. Нам 10 лет [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Русские, 2013. – 40 с.
6. Маслова, В.Б. Родные тропинки [Текст] / В.Б. Маслова. – М.: Русские, 2018. – 40 с.
7. Маслова, В.Б. Старые письма [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Перо, 2016. – 84 с.
8. Маслова, В.Б. Страницы родной истории [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Генезис. – 2013 с.
9. Маслова, В.Б. Ступеньки [Текст] /В.Б. Маслова. – М.: Генезис, 2008. -163 с.
10. Педагогика искусства [Текст] /сост. А.Б. Никитина, Т.А. Климова. -М.: МАКС Прес, 2013. – 480 с.
11. Сейненский, А.Е. Школьное историческое краеведение [Текст] /А.Е. Сейненский. – М.: Педагогическое общество России, 2014. – 192 с.
12. Хмеленок, Е.В. Стань мастером [Текст] /Е.В. Хмеленок, Ж.Е. Барышева, В.Б. Маслова. – М.: Генезис, 2013. – 112 с.

ВКЛАД ДЕДОВЧАН В КУЛЬТУРУ НАШЕГО КРАЯ

Появление и формирование Дедовска происходило в беспокойном двадцатом веке. Город Дедовск в Истринском районе возник в 1913 году с постройкой Дедовской бумагопрядильной мануфактуры. Уже в самые первые годы фабрика стала одной из наиболее крупных и современных мануфактур того времени. Из разных концов страны на фабрику приезжали рабочие – первые жители будущего города. В 1917 году поселок Дедовской фабрики стал центром революционного движения Звенигородского уезда, а с конца 1920-х годов началась вторая волна активного строительства – появлялись новые жилые дома и объекты инфраструктуры. В предвоенные годы фабричный поселок был самым крупным населенным пунктом Истринского района, здесь проживали около 15 тысяч человек.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 7 октября 1940 года Дедовский рабочий поселок с территорией 650 гектаров был преобразован в город Дедовск. Эта дата сейчас официально считается днем основания города.

В 1946 году при фабричном клубе был организован драматический кружок, участники которого – 32 работника кордной фабрики – регулярно выступали перед зрителями со своими спектаклями. В 1948 году начала свою работу акробатическая группа из 22 человек. Ни одно мероприятие в городе не проходило без их участия. В газете отмечали: «Всегда большой интерес вызывает у зрителей акробатический этюд со стаканом воды. Сколько надо упорной тренировки, чтобы с установленным на лоб стаканом воды, меняя положение корпуса, опуститься, пролезть через железное кольцо и подняться на ноги, не расплескав содержимого в стакане!».

В 1955 году в клубе появился свой инструментальный квинтет, организатором которого выступил бухгалтер Николай Александрович

Стефановский. Квнтет также радовал своими выступлениями рабочих фабрики и даже выезжал на гастроли по району.

В 1950 году в городе началось строительство Дома культуры, которое затянулось на долгие 5 лет. Торжественное открытие Дома культуры текстильщиков состоялось 30 декабря 1955 года. 1 января 1956 года распахнул свои двери перед горожанами Дом культуры Дедовской ордена трудового Красного знамени прядильно-ткацкой фабрики – так тогда называлось это учреждение. Четыре кружка: музыкальный, вокальный, спортивный, драматический, а также университет культуры (для подготовки руководителей самостоятельных коллективов и массовиков-затейников) – это творческие коллективы Дома Культуры. Первым директором Дома культуры текстильщиков назначили Анну Андреевну Григор. Она более 60 лет прожила в Дедовске, около 30 лет руководила дедовским Домом Культуры с момента его открытия. Мать-основательница – так звали Анну Андреевну земляки-ветераны.

В начале войны Анна Андреевна пошла добровольцем в армию, окончила водительские курсы и стала военным шофером. В послевоенные годы работала заведующей клубом Дедовской ткацко-прядильной фабрики. Самые яркие страницы ее большой жизни связаны с историей Дедовска.

Именно под ее руководством ДК стал центром культурной жизни города, где проводились выставки, работали кружки, организовывались творческие вечера, концерты, встречи с известными артистами. «Какие только вечера не проводились в ДК! – вспоминает секретарь партийного комитета фабрики Зинаида Федоровна Васильева. – Здесь и в армию провозжали, и паспорта вручали, и рабочих славили, и свадебные церемонии устраивали. Каждый праздник справляли всем народом. Если приезжали артисты, то непременно известные. Жизнь в ДК бурлила и выплескивалась за его пределы, на улицы города».

В конкурсе Домов культуры Московской области дедовский очаг культуры занимал второе место. В 1967 году он стал третьим в Советском Союзе среди домов культуры текстильной и легкой промышленности. Учитывая эти заслуги, в 1967 году Анну Андреевну наградили Орденом Трудового Красного Знамени, а в 1975 году ей присвоили звание Заслуженный работник культуры РСФСР.

Именно Анне Андреевне Григор принадлежит инициатива создания в 1978 году хора ветеранов г. Дедовска «Поющие сердца». Ныне в репер-

туаре «Поющих сердец» песни разных жанров: о Великой Отечественной войне, народные, авторские, фольклорные. Хор неоднократно давал концерты в Москве, Истре и в Дедовске.

Песни ветеранов звучали в зале имени П.И. Чайковского, в Колонном зале Дома Союзов. Коллектив выступал в госпитале ветеранов в деревне Крюково, в санатории «Истра», в Совете ветеранов и школах Дедовска. «Поющие сердца» традиционно участвуют в праздновании Дня Победы на территории Ленино-Снегиревского военно-исторического музея.

В 2011 году хор возглавила Ольга Скуратович, выпускница кафедры народного хора Московского государственного института культуры. И уже на следующий год «Поющим сердцам» было присвоено почетное звание «Народный коллектив».

Сегодня хор – это вторая семья для его участников, где они вместе отмечают дни рождения, праздники, помогают и поддерживают друг друга. Зрителям и самим ветеранам жизнь в прямом смысле продлевают песни.

В Дедовске существует еще один знаменитый на всю страну хор «Напевы России». Коллектив существует уже более 70 лет. Образовался он в 1933 году при Дедовской прядильно-ткацкой фабрике. В годы войны коллектив вел активную творческую деятельность, выступая в многочисленных прифронтовых госпиталях, в цехах фабрики, провожая на фронт ее работников, поднимал боевой дух бойцов.

В послевоенное время хор принимал активное участие во Всероссийских и Всесоюзных конкурсах народного творчества. Руководит коллективом заслуженный работник культуры России, композитор, поэт Анатолий Александрович Шелепнев. Творческая деятельность этого талантливейшего человека в коллективе – 52 года.

Анатолий Александрович Шелепнев родился 6 июля 1945 года. Трудовую деятельность начал в 1966 году в Истринской детской музыкальной школе преподавателем по классу баяна, работал в Дедовске в хоре баянистом. С 1975 г. руководит хором русской песни «Напевы России». В 1981 г. стал директором Ново-Петровской детской музыкальной школы. С 1983 г. до 2017 г. Анатолий Александрович – директор Дедовской детской музыкальной школы. За это время Дедовскую ДМШ окончили более 1300 человек, около 60 выпускников стали профессиональными музыкантами.

С 1984 г. по настоящее время Анатолий Шелепнев возглавляет творческое объединение композиторов и поэтов-песенников Подмосковья. Является председателем музыкального общества Истринского района и членом президиума Музыкального общества Московской области. Анатолий Шелепнев — композитор, пишет произведения для народных хоров, детских хоров, делает переложения для ансамблей баянистов-аккордеонистов, сочиняет оригинальную музыку для баяна.

В 80-х и 90-х годах песни Шелепнева печатались во всесоюзных и всероссийских периодических музыкальных изданиях, таких как песенники «Сельские вечера» издательства «Советский композитор» (1982-1989 гг.), нотные сборники «Репертуар русских народных хоров» издательства «Советский композитор» (1985-1991 гг.), нотные сборники «Всероссийское хоровое общество» издательства «ВХО» (1985-1989 гг.). А в 1990 г. в издательстве «Советский композитор» был издан песенник «Популярные русские народные песни», составителем которого является А.А. Шелепнев. В 1992 г. в издательстве «Советский композитор» был издан нотный сборник популярных русских песен «По Муромской дорожке», составителем сборника, а также автором обработок трех песен которого является А. Шелепнев. Тогда же в издательстве «Композитор» вышел авторский сборник «Тебе Подмосковье». В 2001 г. издательством «Всероссийское музыкальное общество» выпущен авторский сборник «Напевы России». В 2004 г. в издательстве «Кифара» был издан нотный сборник «Подмосковные зори», а в 2008 г. в издательстве «Кифара» — авторский сборник «Отпусти меня город».

В 2014 году Шелепнев А.А. был награжден стипендией Губернатора Московской области за успешный творческий проект — издание песенного сборника «Родное Подмосковье» в Московском издательстве «Музыка». Анатолий Александрович является составителем сборника и автором трех песен, входящих в него. Также А.А. Шелепнев награжден Знаком «За заслуги перед Московской областью III степени».

В 2013 г. он был избран Членом президиума Хорового общества Московской области. В 2014 г. приказом Министерства культуры Московской области был назначен экспертом комиссии, присваивающей звания «народный» музыкальным коллективам Домов культуры. С 2005 года ежегодно работает экспертом в областных комиссиях в Красногорском, Истринском и Волоколамском районах. Кроме того, работает в жюри областных, межзональных и районных конкурсов.

Песни Анатолия Шелепнева в разные годы становились призерами областных и Всероссийских конкурсов композиторов. Его произведения исполняются детскими хорами, входят в репертуар народных хоров РФ. Возглавляемый А.А. Шелепневым хор русской песни «Напевы России» является лауреатом Первого (1976 г.), а затем и Второго (1987 г.) фестивалей народного творчества. В 2001 г. хор становится дипломантом Международного фестиваля «Мировая деревня»; в 2002 г. – лауреатом IV Всероссийского фестиваля «Поет село родное» и Дипломантом этого фестиваля в 2003 году. Также в 2003 году коллектив стал дипломантом Всероссийского конкурса-фестиваля в г. Смоленске. За эти годы коллектив неоднократно выезжал в гастрольные поездки: г. Курган, г. Ростов-на Дону, Краснодарский край, дважды побывал в Германии (1993, 1994 гг.).

Приятно, что народный коллектив, хор русской песни «Напевы России» является постоянным участником многочисленных мероприятий, проводимых в Дедовске и Истринском районе. Этот коллектив хорошо знают и в Московской области. Участниками являются 32 жителя г. Дедовска, но коллектив постоянно растет.

Одно из последних творений Анатолия Шелепнева – музыка на стихи Тамары Ворониной «Крымский мост». Тамара Николаевна Воронина поет в хоре «Напевы России», является его старостой, отвечает за связи с общественностью. Родилась 24 апреля 1975 года в городе Ярославле. После замужества переехала в город Дедовск и работала сменным мастером на Дедовской фабрике технических тканей, позднее коммерческим директором фирмы «ДЕФО». Ее семья была награждена губернаторской премией как лучшая семья Подмосковья в 2006 году. Супруг Тамары Николаевны окончил аспирантуру, все три сына получили высшее образование и красные дипломы. Сейчас все вместе работают в семейной фирме.

Стихи Тамара Воронина писала с детства, публиковались они в газетах и поэтических сборниках. В 2015 году ее пригласили в Российский союз писателей. Тамара Николаевна ведет активную общественную деятельность, участвует практически во всех творческих мероприятиях города и района. Она является читателем нашей библиотеки и всегда с радостью принимает участие в наших литературно-музыкальных гостиных, выступает ведущей на творческих вечерах в библиотеке. Горожане любят ее стихи, наполненные глубоким смыслом и, в то же время, доступные

пониманию любого читателя. Сейчас Тамара Николаевна собирает материалы для сборника стихов поэтов Истринского края. В сборнике, кстати, будут и стихи Анатолия Шелепнева. Не без участия Т.Н. Ворониной Дедовский Лицей стал одним из лучших в области.

Первые шаги в творчестве на фабрике сделал и наш уникальный земляк Евгений Алексеевич Обухов (родился 1 июня 1954 года) — российский филателист и журналист, с 2005 года — главный редактор журнала «Филателия», литератор. Член Союза писателей России. Лауреат премий «Литературной газеты» («Золотой теленок»), «Московского комсомольца» («О'балдуй»), «Крокодила», «Вечерней Москвы», почетный член Московского союза филателистов. После окончания московского пищевого института (МТИПП, 1976) работал инженером, корреспондентом районного радио, служил в Советской Армии.

С 1984 года — заведующий отделом журнала «Филателия СССР» (затем — «Филателия»), в 1990-е годах — специальный корреспондент журнала «Крокодил». В 1999 — 2005 годах — заведующий отделом юмора (4-й Главный администратор «Клуба 12 стульев») «Литературной газеты». В 2001—2002 годах был автором и ведущим (совместно с С.С. Власовым) телепередачи «Вокруг смеха». В 2001—2002 годах — главный редактор газеты «12 стульев», в 2002—2003 годах — журнала «Аншлаг». С 2005 года — главный редактор журнала «Филателия».

Евгений Алексеевич, является читателем нашей библиотеки и завсегдаем наших литературных и музыкальных вечеров. В фонде имеется большое количество книг Обухова, которые всегда доступны нашим читателям и пользуются популярностью среди любителей его творчества.

На одном из таких вечеров Евгений Обухов отметил, что очень рад видеть людей, которые знают его столько лет. Еще молодым, начинающим журналистом он приходил на дедовскую фабрику, общался с людьми, делал свои первые материалы. Давно это было, но по-прежнему приятно вспоминать.

И в заключение хочется отметить, что уже к середине XX века Дедовск стал крупнейшим промышленным центром и самым большим населенным пунктом Истринского района. Вся жизнь города была связана с основным градообразующим предприятием — Дедовской кордной фабрикой, продукция которой была известна во многих уголках страны.

Сейчас Дедовск занимает второе место в районе по численности населения.

Несмотря на то, что Дедовск принято считать промышленным городом, наши жители творческие и талантливые личности. И мы гордимся, что большинство из них – наши читатели.

Список источников и литературы:

1. Мамаев, С. Дедовск. Век перемен. [Текст] Т. 1 /С. Мамаев. – М. : Перо, 2015. – 152 с. : ил.
2. Мамаев, С. Дедовск. Век перемен. [Текст] Т. 2 /С. Мамаев. – М. : Перо, 2016. – 152 с. : ил.
3. Мамаев, С. Дедовск. Век перемен. [Текст] Т. 3 /С. Мамаев. – М. : Перо, 2017. – 152 с. : ил.
4. Мосалев, М. Ветеранский полк [Текст] Т. 7 /М. Мосалев. – М. : Делмос, 240 с. : ил.

О.В. Анискина

ЛЮДМИЛА ШАТАЛОВА ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Мой доклад посвящен творческому пути талантливого художника и исследователя графического наследия великих русских поэтов А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова Людмиле Николаевне Шаталовой.

Она прожила большую жизнь – 93 года и оставила громадное творческое наследие: множество картин и исследовательских материалов. Рядом с ней поднялась целая плеяда талантливых художников. Ее дочь – известный керамист Наталья Васильевна Полторацкая. Члены семьи: Владимир Семенович Петров – художник, скульптор, медальер; керамист Татьяна Пунанс и скульптор Денис Петров.

Вклад Людмилы Николаевны и ее семьи в развитие культурного пространства нашего края неоценим. В Истру она приехала в 1954 году из Москвы вслед за мужем Василием Тимофеевичем Полторацким. ЦГАЛИ направило его, блестящего ученого, в Подмоскovie под Истру для организации института ветроэнергетики.

Поселившись в выделенной мужу квартире в особнячке на улице Панфилова, недалеко от монастыря, Шаталова исходила с этюдником все окрестности, много работала. Рассказывала, что именно тогда влюбилась в наши места.

За спиной уже была учеба в Суриковском институте, война и работа в Окнах Роста, вступление в Союз художников СССР, частые творческие поездки. Ученица Осьмеркина и Лентулова, она создала множество картин и гравюр, стала активным пропагандистом графического искусства. Была членом шефской бригады московских художников, которые приезжали к нам в Истру.

К изучению графики М.Ю. Лермонтова приступила уже состоявшимся художником-графиком, а талант ее был признан Игорем Грабарем еще во время учебы в художественном вузе. Начало исследованиям положил счаст-

ливый случай, о котором рассказывала сама Людмила Николаевна: к ней в руки попала газета со статьей И.Л. Андроникова «Тайна Н.Ф.И.». В статье был опубликован, привезенный в Россию И.Л. Андрониковым портрет Н.Ф. Обрезковой (в девичестве Ивановой), одной из адресаток поэтических строк Лермонтова.

Особый взгляд, глаз художника, подсказал Людмиле Николаевне, что среди графических зарисовок Лермонтова есть еще портреты этой женщины. Так началось исследование, которое было сродни графологическому расследованию и продолжилось более двадцати лет.

Людмилой Николаевной был создан собственный метод исследования рисунков на рукописях поэтов, который она назвала «пиктографическим». Привлекший внимание Людмилы Николаевны рисунок Лермонтова с множеством фигур людей и животных, был найден под обложкой рукописи юношеского романа «Вадим». Этот рисунок был ею многократно увеличен, и тогда исследователю среди кажущегося хаоса открылся ряд сцен. Этот рисунок для простоты обозначения Людмила Николаевна назвала «Вадимов лист». С таким названием он и вошел в лермонтоведение. Ее первый биограф, помощник в исследованиях и друг Е.Н. Фадичева в своей книге «Художник Лермонтов» пишет: «Впервые к нему как к произведению графики в конце 80-х годов прошлого века обратилась Л.Н. Шаталова. Ее профессиональный взгляд увидел в «Вадимовом листе» не только талантливо исполненные рисунки, но вложенное в них определенное содержание. Толчком же, вызвавшим интерес к работе незаурядного художника, стал увиденный при значительном увеличении с помощью лупы отдельных фрагментов листа, автопортрет его автора, т.е. Лермонтова. Как считает Шаталова, автопортретов здесь несколько» [2].

Людмиле Николаевне удалось вычленить 20 сюжетных сцен в «Вадимовом листе». Привлекая колоссальный литературоведческий материал, письма, воспоминания современников, она смогла расшифровать смысл этих сцен, определить их участников и указать на автопортреты М.Ю. Лермонтова. Поэт фиксировал события своей жизни, изображая себя в них участником или свидетелем. Ей удалось понять, что этот лист стал своеобразным дневником юноши, а также каталогом его будущих литературных сюжетов.

Шаталова публиковала свои открытия в московских газетах и журналах, особенно интересными стали публикации в журнале «Студенческий меридиан» в 1984-1987 годах. Ее открытия в официальном лермонтоведении вызывали холодное молчание, а затем в «Литературной газете» была

опубликована разгромная статья о дилетантах, которые вторгаются в творческую лабораторию гениального поэта. Дилетантом назвали и Людмилу Николаевну.

Но Шаталова продолжила свою работу. Открытые ею шифры и пиктограммы в рисунках поэта давали совершенную уверенность в результатах исследований. Печататься она продолжила в местной газете, которая тогда называлась «Ленинский путь», позже «Истринские вести». С 1979 по 2001 год ею было опубликовано около 40 статей о работе с рисунками Лермонтова и Пушкина. На страницах газеты прозвучали ее предложения о создании памятных знаков Святейшему Патриарху Никону и Михаилу Юрьевичу Лермонтову для закрепления памяти о пребывании великих людей на Истринской земле.

К Людмиле Николаевне обращались известные коллекционеры и ученые лермонтоведы за консультациями. Так коллекционер Москвин попросил помощи в атрибутировании двойного лермонтовского портрета, эту историю Людмила Николаевна описала в статье «Двойной портрет». Исследователь И.Т. Пахомов пригласил ее познакомиться с новонайденной в архивах поэмой, которая, по его мнению, могла принадлежать Лермонтову. Людмила Николаевна смогла рассказать ему сюжет этого произведения еще не знакомясь с текстом, так как установила события первой юношеской любви поэта по его рисункам. Это событие описано в книге М. Коршунова «Мальчишник» [1].

Она изучила около 400 рисунков Лермонтова, практически все лермонтовское рисуночное наследие. Шаталовские расшифровки складывались в значительные информационные массивы, которые были показаны на выставках и лекциях художника. Она встречалась с людьми в краеведческом музее, школах, домах культуры нашего района. За большую просветительскую работу Людмила Николаевна была удостоена звания Почетный гражданин города Истры.

Шаталова установила очень важный для нас факт, что в августе 1830 года юный Лермонтов посетил Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. Это стало основой краеведческих исследований и проектов, которые ведет Центральная библиотека им. А.П. Чехова.

Сформировалась краеведческая программа «Лермонтовская тропа в Воскресенск (Истру)». Начало программы положил проект – создание библиографического указателя исследовательских материалов Л.Н. Шаталовой, а также статей о ней. Неоценимый вклад в создание указателя внесла

ветеран РГБ, ученый секретарь Московского Лермонтовского общества Е.Н. Фадичева. Она передала нам картотеку статей Людмилы Николаевны, некоторые статьи, опубликованные в московских изданиях. Написала вступительную статью к нашему указателю.

В настоящее время Елена Николаевна очень способствует развитию лермонтовской темы как направления краеведческого исследования. Она передала библиотеке свои книги «Художник Михаил Лермонтов» и «Мой дух бессмертен силой, Мой гений веки пролетит...» – исследования и размышления о Лермонтове, передала нам работы Людмилы Николаевны Шаталовой, способствовала заключению договора библиотеки о творческом сотрудничестве с Московским Лермонтовским обществом.

Сформировалась традиция в августе, когда Михаил Лермонтов пришел в Новый Иерусалим, а у Людмилы Николаевны день рождения, проводить Шаталовский вечер. В год столетнего юбилея художника семья передала библиотеке 10 портретов Лермонтова, выполненных Шаталовой. Мы получили работы, которые теперь называем «Галерея Лермонтовских образов Людмилы Шаталовой». На основе ее открытий создана авторская экскурсия Ольги Анискиной «Паломник Лермонтов», которая проводится каждое лето в нашем городе.

О художнике Людмиле Шаталовой, ее Лермонтовских портретах и ее уникальных исследованиях графики поэта мною сделан доклад в мае 2018 года в Пятигорске на Международной научной лермонтовской конференции. Доклад вызвал интерес современных исследователей. В сентябре 2018 года меня пригласили на Лермонтовские чтения в г. Ярославль. Рассказ об исследованиях Людмилы Николаевны вызвал неподдельный интерес и предложение извлечь из архива неопубликованную статью Людмилы Николаевны «Автопортрет. 1837 год» для публикации в сборнике Лермонтовских чтений в Ярославле. Нами было получено согласие наследницы Н.В. Полторацкой на публикацию статьи. Она попросила озвучить статью также и на наших Воскресенских краеведческих чтениях.

Таким образом, со временем все отчетливее проявляется большое значение тех открытий, которые сделала Л.Н. Шаталова, ее влияние на развитие нашего культурного пространства. Мы видим свою задачу в том, чтобы собрать и опубликовать исследовательские статьи Людмилы Николаевны, а также статьи журналистов В.И. Шокман, С.Л. Гумеровой-Капраловой, которые писали о самой художнице и ее открытиях для дальнейших исследований. А также в том, чтобы создать альбом портретов Михаила Юрьевича

Лермонтова, которые выполнены Л.Н. Шаталовой и составляют коллекцию Центральной библиотеки им. А.П. Чехова.

Список использованной литературы:

1. Коршунов, М. Мальчишник: Пушкин, Лермонтов – судьба: поэзия и родственные связи [Текст] //М. Коршунов, В. Терехова. – М.: Терра-Книжный клуб, 1999 г. – С. 414 – 420.
2. Фадичева, Е.Н. Художник М. Лермонтов. Материалы об исследованиях рисунков Лермонтова [Текст] /Е.Н. Фадичева. – М., 2012. – С. 34.

СОЛЖЕНИЦЫН НА ИСТРИНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Для нас имя А.И. Солженицына – объект краеведческих исследований. Основная статья на которую ссылаются известные всем краеведческие источники и интернет – статья С.Л. Гумеровой–Капраловой в газете «Истринские вести» за 1995 год в №74-75 на первой странице. Почти полностью статья вошла в краеведческие издания, которые есть в каждой библиотеке нашего округа:

- Истринская земля. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004.,
- Об Истре с любовью. – В 2 тт. – Т. 2. – М: Флинта: Наука, 2002.

Александр Исаевич приехал на Новоиерусалимский кирпичный завод, где в 1945 году отбывал срок заключения. *«Приехал показать сыновьям, где и как работал, — пояснил Александр Исаевич. — Хочу посмотреть завод и поселок».*

Принято считать, что история современного Новоиерусалимского завода берет начало с 1914 года, когда он был основан потомками Саввы Морозова.

Предшественником кирпичного производства является промысел по изготовлению изразцов. Он берет начало от монастырских заводов, руководимых привезенными патриархом Никоном белорусскими и шведскими мастерами.

В середине 40-х гг. завод, пострадавший от боевых действий работал с большими перебоями, не хватало электроэнергии. Поселка как такового не было. В 1940-е годы были построены баня, медпункт, почтовое отделение. Военнопленные немцы построили 4 жилые дома, общежитие, они принимали участие и в реконструкции завода. Сразу после войны началось его восстановление. Как и на многих стройках того времени, здесь работали немецкие военнопленные и политические заключенные.

Приказом от 26 ноября 1948 года здесь был организован исправительно-трудовой лагерь. Хотя официально лагеря существовали только с 1948 года, заключенные на Ново-Иерусалимском кирпичном заводе работали и в 1945 году. Летом и осенью 1945 года в лагере при заводе находился А.И. Солженицын, осужденный по 58 статье на 8 лет. Этим месяцам заключения посвящена глава «Фашистов привезли» второго тома «Архипелага ГУЛАГ».

К 100-летию юбилею писателя в Центральной библиотеке имени А.П. Чехова был реализован проект «Солженицын на Истринской земле». В рамках проекта сотрудники библиотеки знакомят читателей с жизнью и творчеством писателя, делая акцент на факте пребывания писателя в заключении и посещения писателем Ново-Иерусалимского кирпичного завода в 1995 году.

Занятия проходят в форме библиотечного урока, который включает в себя рассказ библиотекаря о биографии писателя, сопровождающийся показом презентации. Слушатели знакомятся со статьей С.Л. Гумеровой-Капральной. Чтение отрывка – главы 6 «Фашистов привезли!» из художественного произведения «Архипелаг ГУЛАГ» всегда производит большое впечатление на аудиторию.

Проект востребован среди учащихся школ, профколледжа и активно используется в краеведческой работе библиотеки.

Список источников и литературы:

1. Гумерова – Капралава, С.Л. Солженицын на Ново–Иерусалимском кирпичном заводе / С.Л. Гумерова – Капралава // Истринские вести. – 1995. – №74 – 75. – С. 1.
2. Истринская земля [Текст]. – М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 848 с.: ил.
3. Об Истре с любовью: сборник историко-художественных произведений [Текст] Т. 2. /сост. В.Н. Жуков. – М: Флинта, 2002. – 424 с.

ИСТОРИЯ ПАВЛО-СЛОБОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Написание истории библиотеки на первый взгляд простая задача, но, приступив к работе, пришлось столкнуться с рядом трудностей. Например, в газете «Истринская стройка» за 1949 сказано, что в Павловской Слободе работали 4 библиотеки [20]. Таким образом, первейшей задачей становится разграничение информации о библиотеках: сельской, школьной и библиотеки воинской части («базовской»); где и когда находились, кто работал и так далее; разделение понятий библиотека и изба-читальня (изба-читальня была чем-то вроде читального зала, где можно было почитать газеты, поиграть в шахматы). Это осложнялось недостатком информации, особенно о первых годах истории: в газетах обрывочные сведения, и нет уже в живых тех, кто мог бы сообщить недостающие факты.

Павло-Слободская библиотека неоднократно меняла свое местоположение и юридическую принадлежность. Для данной работы главным критерием является общедоступность библиотеки для жителей села.

Павло-Слободская библиотека – старейшая библиотека Истринского района. Впервые она упоминается в 1872 г. как школьная библиотека для внеклассного чтения при Павловском церковно-приходском училище: «пожертвованная десятирублевая библиотека (книги издавались в конце XIX в.) умершим московским протоиереем... Руководства и книги для учителей – 8. Книги для внеклассного чтения – 186. Журналы и газеты не поступают. Библиотекой пользуются учащиеся и местное население»[30].

Десятирублевой называлась маленькая библиотека стоимостью в десять рублей, устраиваемая земством из расчета на 1 версту в радиусе [12].

Из «Доклада уездной земской управы о состоянии народного образования в уезде на 1901 г.» узнаем, что «Кроме библиотек пришкольных с небольшим сравнительно каталогом книг для пользования взрослого населения в уезде... учреждены бесплатно-народные библиотеки». Такая

библиотека существует при Павловском двухклассном училище [33]. «Павловская библиотека состоит из 501 кн. Отдел I – книги религиозно-нравственные 57 томов; отдел II – научные и сельскохозяйств. 60 т.; отдел III – легкого чтения: повести, романы, рассказы 144 т. Остальное – брошюры разного содержания. Библиотека открыта в марте 1899 г. В течение 1900 г. читателей было 287 человек, которыми за весь год было взято 9354 книги» [33]. Вероятно, в этой библиотеке работал «Крестьянин Павловской Слободы Алексей Ефимович Камышлин... депутат 2-й Государственной Думы от Московской губернии. Заведовал библиотекой... в родной Слободе. В 1906 г. был подвергнут... тюремному заключению» [28–с. 35]. Примечательно, что заведование такими библиотеками не оплачивалось [33].

После революции Павло-Слободская библиотека впервые упоминается в 1921 г. «В 1921 г. дом купца В.Т. Живописцева был передан в ведение Павловского отделения Артсклада. До 1925 г. оно использовалось под клуб, библиотеку и читальню» [27. – с. 144].

В 1931 году это, вероятно, был единственный очаг культуры на селе. «А самый клуб, превращен исключительно в читальню» – пишет корреспондент в статье «С культурой неблагополучно» в газете «Истринская стройка» [8].

Но в 1936 году особого внимания библиотеке не уделялось. В статье Копылиной «Негде развернуть работу» [19] читаем: «Павло-Слободская библиотека помещается в избе-читальне. Книжный фонд здесь большой – 8606 экземпляров, 1300 читателей. Библиотекарь опытный, любит свое дело ... и все же библиотека работает не так, как нужно. Помехой является отсутствие помещения: для библиотеки в избе-читальне отвели маленькую комнату, помещение для читального зала сельсовет выделить отказался... Шумно... Изба-читальня, где помещается библиотека, не отапливается. Даже электричество сельсовет счел излишним проводить в избе-читальню и библиотеку. Все колхозные избы и даже темные лестницы некоторых колхозных домов освещены электричеством, и только одна читальня без света».

Некоторое время Павло-Слободская изба-читальня считалась одной из лучших в районе, но в 1938 г. работа в ней прекратилась. «Избу-читальню редко кто посещает, кроме билльярда и заняться больше нечем. При избе-читальне работали кружки, но сейчас их нет ни одного» [27.–с. 155].

Заведовал избой-читальней Морковин Василий Евдокимович (1907-1943 гг.), который впоследствии погиб на фронте [18.–с. 238].

Библиотекой до войны заведовала Зинаида Ивановна Морозова. Работа библиотеки также считалась образцовой. В 1940 г. книжный фонд составлял 9000 экземпляров, в библиотеке было записано 1415 читателей, посещения составляли 60 человек в день [27.– с. 155].

Но в 1949 г. картина меняется: читателей 800 человек, а книжный фонд всего 3000 томов [25]. Вероятно, это связано с тем, что библиотека была утрачена во время войны, скорее всего, сгорела (хотя фашисты в село не вошли – линия фронта проходила в 3 км от Павловской Слободы, немецкие самолеты совершали налеты по несколько раз в день и сбрасывали бомбы, возможно, библиотека была разрушена во время такого налета). Косвенным подтверждением является первая инвентарная книга, датированная 1942 годом, которая бережно хранится в библиотеке. Уже в июле 1942 г. в библиотеку стали поступать новые книги.

С возрождением библиотеки связано имя учительницы начальных классов Варвары Николаевны Беляевой, которая заведовала библиотекой до 1957 г. О ней с большой благодарностью и уважением отзывались читатели [23; 26; 5]. В 1956 году библиотека переезжает в новое «благоустроенное просторное помещение» [9], где были оборудованы абонемент, читальный зал и книгохранилище. Книжный фонд вернулся на почти довоенный уровень – 8000 экземпляров, количество читателей – около 1000 человек [7]. В 1957 году Варвара Николаевна уходит на пенсию, ее преемницей становится Дубинкина Елизавета Ипполитовна. Сохранился акт передачи; любопытно, что кроме книг, мебели и другого имущества числился портрет Сталина.

С приходом Дубинкиной Е.И. начинается новый этап в истории библиотеки. Библиотека активно сотрудничает с читателями: создан совет библиотеки из местных художников, поэтов, учителей; проводится много различных мероприятий: литературно-музыкальные вечера, читательские конференции, диспуты и др.; при библиотеке создан кружок юных друзей книги, которые не только читают, но переплетают книги [1; 24; 32; 39; 17; 34; 38; 15; 37; 14]. «В Павловской Слободе нет сельского клуба. Поэтому всю массовую работу проводит библиотека. Да так проводит, что о каждом вечере, народном гулянье, празднике долго вспоминают односельчане» [3]. Елизавета Ипполитовна начинает заниматься краеведческой работой – ведет летопись истории села [13].

Павло-Слободская библиотека первой в районе применила новый метод обслуживания читателей – открытый доступ к книжному фонду [29; 4]. Библиотека делилась опытом работы, неоднократно принимала у себя

почетных гостей: в 1967 г. здесь прошел областной семинар методистов районных библиотек [6; 35]. А в 1968 г. Павло-Слободскую библиотеку посетил заместитель министра культуры ОАР (Объединенная Арабская Республика – фактически Египет) Эль-Шепити, который интересовался постановкой библиотечного дела: «прощаясь, гость сказал, что теплее его еще нигде не принимали» [11]. В 1977 г. библиотеку посетил писатель В.С. Голышкин [16].

Павло-Слободская библиотека неоднократно побеждала в различных смотрах и соревнованиях. Так, в 1968 г. библиотека была награждена Дипломом I степени как «Лучшая библиотека РСФСР» во Всесоюзном смотре библиотек [2]. Этот диплом, а также множество других наград хранятся в библиотеке. А в 1969 году библиотека победила в социалистическом соревновании, посвященном 100-летию со дня рождения В.И. Ленина среди библиотек Подмосковья, ей присуждено переходящее Красное знамя [36]. Дубинкина Елизавета Ипполитовна была занесена на районную Доску почета [10].

Занималась Елизавета Ипполитовна и пропагандой здорового образа жизни. Однажды произошел такой забавный случай: «Елизавета Ипполитовна Дубинкина пришла к председателю сельпо Алексею Ивановичу Молчеву. Она просит:

- Прекратите в закускойной продажу спиртных напитков. У нас завтра в агитпункте литературный вечер, а рядом закусовая – рассадник пьянства.

- Завтра день полочки на предприятиях, и мы должны взять деньги! – отвечает председатель сельпо. – Да что вы, собственно волнуетесь, мы же в закускойной водкой не торгуем, там в розлив продаются лишь «перцовка», «зубровка», «горный дубняк», «лимонная» и прочие цветные напитки... Переговоры так ни к чему не привели...» [22].

С большим уважением и любовью относились читатели к Елизавете Ипполитовне. Их насчитывалось более 1000, фонд составлял 12000 томов [31]. После ее ухода библиотекой заведовала с 1979 по 1994 г. Татьяна Сергеевна Осипова.

С февраля 1968 г. существует детская библиотека, которой бесценно руководит Кривич Татьяна Ивановна. Сейчас детская библиотека имеет отдельное помещение, в которое переехала в 1987 г. и фонд в 12000 экземпляров, а начиналось все «с маленькой комнаты и трех сотен книжек» [21.–с. 63].

С 1994 г. и по настоящее время Павло-Слободской сельской библиотекой руководит Золотарева Екатерина Николаевна. Есть еще второй библиотечарь Ломачевская Нина Андреевна. Библиотека принимает участие в различных конкурсах. В 2003 г. она награждена дипломом III степени в районном конкурсе по профилактике наркомании среди молодежи. В 2015 г. библиотека вошла в состав МУК «Павло-Слободский КДК».

При библиотеке существуют 5 клубов по интересам: литературное общество «Зов души», объединившее местных поэтов разного возраста, профессий и уровня творческого мастерства; клуб любителей путешествий «Ветер странствий»; женский клуб «Сударушка», клуб «Путь к здоровью» и клуб «Логические игры». Два клуба награждались премией Губернатора «Наше Подмосковье» III степени: «Зов души» в 2014 г. и «Логические игры» в 2016 г.

В библиотеке проводятся различные мероприятия: литературно-музыкальные вечера, экскурсии, лекции, выставки, встречи с интересными людьми и др. Также ведется краеведческая работа – разработан экскурсионный маршрут «Павловская Слобода: путешествие сквозь века», пользующийся большой популярностью. Посещают библиотеку около 1000 читателей, фонд насчитывает около 15000 экземпляров. Библиотека продолжает славные традиции, оставаясь культурным центром на селе.

Список источников и литературы:

1. Алексеев, Р. Культурно-массовая работа на селе [Текст] /Р. Алексеев // Истринская стройка. – 1957. – №112. – С. 3.
2. Бадзер, Е. Итоги смотра библиотек [Текст] /Е. Бадзер //Ленинский путь. – 1968. – №26. – С. 4.
3. Бадзер, Е. Талант зажигать сердца [Текст] /Е. Бадзер //Ленинский путь. – 1969. – № 61. – С. 1.
4. Балакирева, Ю. Хорошая форма обслуживания читателей [Текст] /Ю. Балакирева //Ленинский путь. – 1959. – № 73. – С. 3.
5. Бастова, А. Вечер сказок [Текст] /А. Бастова //Истринская стройка. – 1956. – № 46. – С. 2.
6. В сельскую библиотеку со всей области [Текст] // Ленинский путь. – 1967. – № 40. – С. 3.
7. В Павло-Слободской сельской библиотеке [Текст] // Истринская стройка. – 1957. – №57.
8. Ваза, А. С культурой неблагополучно [Текст] /А. Ваза //Истринская стройка. – 1931. – № 31.
9. Васильева, В. Новые библиотечные помещения [Текст] /В. Васильева // Истринская стройка. – 1957. – №75. –С. 4.
10. Гвардейцы труда юбилейного года [Текст] //Ленинский путь. – 1967. –№ 125. – С. 1.

11. Гость из ОАР [Текст] // Ленинский путь. – 1968. – № 133. – С. 3.
12. Для народного учителя [Текст]. – 1911. – №3. – С. 33.
13. Дубинкина, Е.И. «В чем ты видишь продолжение веяний Октября?» [Текст] /Е.И. Дубинкина // Ленинский путь. – 1970. – № 134. – С. 3.
14. Дубинкина, Е.И. Проводы зимы – веселый праздник [Текст] /Е.И. Дубинкина // Ленинский путь. – 1969. – № 42. – С. 4.
15. Дубинкина, Е.И. «Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет» [Текст] /Е.И. Дубинкина // Ленинский путь. – 1968. – № 138. – С. 4.
16. Канашева, Ф. Библиотека принимает гостей [Текст] /Ф. Канашева // Ленинский путь. – 1977. – № 18.
17. Карпов, В. Выставка картин [Текст] /В. Карпов //Путь Ильича. – 1961. – №175. – С. 4.
18. Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. [Текст] / Редкол. Л.Т. Новикова, В.Я. Азаров, Я.И. Мартынов. – Т. 8. Истринский р-н. – М.: Мысль, 1997. – 436 с.
19. Негде развернуть работу [Текст] // Истринская стройка. – 1936. – № 13. – С. 3.
20. Курбатов, Н. Новый облик советского села [Текст] /Н. Курбатов //Истринская стройка. – 1949. – № 134.
21. Мамаев, С. Павловская Слобода. Век перемен [Текст] /С. Мамаев. – М.: Генезис, 2014. – 114 с.
22. Новолодский, С. Живут на селе коммунисты [Текст] /С. Новолодский //Путь Ильича. – 1960. – 7 дек. – С. 2.
23. Носов, С. Опытный библиотекарь [Текст] / С. Носов //Истринская стройка. – 1954. – № 42.
24. Ольнев, А. Пропагандист книги [Текст] /А. Ольнев //Путь Ильича. – 1958. – № 33. – С. 2.
25. Осипов, Н. В сельской библиотеке [Текст] /Н. Осипов // Истринская стройка. – 1949. – № 145.
26. Павлов, Н. В сельской библиотеке [Текст] /Н. Павлов //Истринская стройка. – 1955. – № 6.
27. Павловская слобода: 500 лет в истории России [Текст] /М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова, М.И. Соколова и др. – М.: Лана, 2004. – 176 с.
28. Пэнэжко, О. (протоиерей). Храмы Истринского района [Текст]: [в 2 ч.] /Протоиерей Олег Пэнэжко. – Владимир, 2009. – Ч. 2. – 363 с.
29. Растет число читателей [Текст] // Ленинский путь. – 1959. – № 59. – С. 1.
30. РГИА. Ф. 91, оп. 3, д. 573, л. 96.
31. Самсонов, Г., Рапопорт, В. Прошлое и настоящее Павловской Слободы [Текст] /Г. Самсонов, В. Рапопорт //Путь Ильича. – 1960. – № 23. – С. 4.
32. Фролов, М. «Береги честь смолоду» [Текст] / М. Фролов //Путь Ильича. – 1960. – №9. – С. 2.
33. ЦИАМ. Ф. 189. Оп. 3. Д. 38. Л. 5-7.
34. Циприс, В. Библиотекам помогает общественность [Текст] /В. Циприс //Путь Ильича. – 1961. – №4. – С. 1.
35. Циприс, В. Дорогой отцов [Текст] /В. Циприс //Ленинский путь. – 1967. – № 83. – С. 3.

36. Циприс, В. Заслуженная честь [Текст] /В. Циприс //Ленинский путь. – 1969. – № 52. – С. 4.
37. Циприс, В. К Ленинскому юбилею [Текст] /В. Циприс //Ленинский путь. – 1968. – № 142.
38. Циприс, В. Лоцманы в книжных сокровищах [Текст] /В. Циприс //Путь Ильича. – 1966. – № 149.
39. Юные друзья книги [Текст]// Путь Ильича. – 1960. – № 254. – С. 2.

**АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА КОВАЛЕНСКАЯ,
ДЕТСКАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА ИСТРИНСКОЙ ЗЕМЛИ**

В литературной истории Александру Григорьевну чаще всего упоминают как хозяйку имения Дедово. Сейчас это деревня Дедово-Талызино в городском округе Истра. Она находится в 25 километрах по Волоколамскому шоссе от Москвы и в 4 километрах к северу от поселка городского типа Снегири.

В этом имении жили, приезжали на лето, отдыхали талантливые и известные люди, а также члены большой семьи Коваленских, Карелиных, Бекетовых, Соловьевых. Среди них известные внуки Александры Григорьевны, поэты: Сергей Соловьев, Александр Коваленский и двоюродный внук Александр Блок. «Моя литературная родина» — так называл имение Дедово поэт Борис Бугаев, который писал под псевдонимом Андрей Белый.

Но судьба и творчество этой удивительной женщины стоят отдельного внимания. «Русский Андерсен», как называли Александру Коваленскую современники.

21 апреля 1829 года в Оренбурге, в семье Григория Силыча Карелина и Александры Николаевны Карелиной родилась третья дочь, Александра.

Отец Александры, Григорий Силыч (1801-1872) был знаменитым ученым естествоиспытателем, географом и исследователем. Он сделал значительный вклад в исследование западной части Казахстана, восточной части Каспийского моря, а также Семиречья, верхнего течения Иртыша и его притоков. Григорий Силыч был человек железного здоровья, громадной энергии, бесконечно умный, глубоко образованный, красноречивый. Он самоучкой стал выдающимся натуралистом-зоологом, ботаником, палеонтологом, энтомологом. В своих путешествиях он собрал коллекции, которые специалисты именуют колоссальными, его труды и сейчас изучаются учеными, а коллекции украшают музеи страны.

Мать Александры Григорьевны, Александра Николаевна Карелина (1808-1888), в девичестве Семенова, выпускница пансиона благородных

девиц мадам Шредер в Санкт-Петербурге. Близкой ее подругой по пансиону была Софья Михайловна Салтыкова (1806–1888), впоследствии жена А.А. Дельвига, вторым браком замужем за С.А. Боратынским, братом поэта. Александра Николаевна страстно любила литературу, была лично знакома со многими известными поэтами. В институте Александра Николаевна слушала лекции Петра Александровича Плетнева, была его успешной ученицей. Она посвятила себя семейной жизни, воспитанию и образованию детей.

«В ее мировоззрении было много от XVIII века: более всех поэтов она любила Гете и целые дни читала, не сходя с большого вольтеровского кресла. Каждый год аккуратно она осенью перечитывала всего Гете, а весной — Шиллера».¹ Так писал о своей прабабушке внук, Сергей Соловьев.

Всего в семье Карелиных было 4 дочери: Софья, Надежда, Александра, Елизавета. Девочек воспитывали на Вальтере Скотте, капитане Марриете. «Но более всего влияли на мою бабушку Александру Григорьевну рассказы старой казачки Марино, которую она увековечила в одном из лучших своих произведений, поэме «Марино». И чтение Вальтера Скотта, и рассказы Марино рано развили в Сашеньке Карелиной идеалы героизма и рыцарства, которые она желала передать своим детям и внукам».²

Между тем семейная жизнь Карелиных была непростой из-за длительных отъездов, экспедиций отца. Григорий Силыч все чаще уезжал в научные экскурсии, дети видели его редко. Заботу о семье взял на себя друг Карелина Николай Александрович Мансуров. Александра Николаевна с детьми переехала на постоянное жительство в его имение Спасское, расположенное в Оренбургской области. Сейчас на месте имения находится восстановленный и реконструированный храм Христа Спасителя.

Александра Григорьевна описала это чудесное время своей жизни в рассказе «Счастливые дни». Из него можно узнать о подробностях жизни в Спасском. Девочки вставали в 7 часов утра. Обед был в 4 часа. До обеда они занимались уроками, преимущественно немецким языком и письменными переводами. А также существовало строгое правило – до обеда говорили только на французском. Книги читали также на французском. После 5 часов дня у детей было свободное время. Они беспрепятственно могли гулять, где хотели.

¹ Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.

² Там же

Это время своей жизни Александра Григорьевна вспоминает с теплом и радостью. «Она навсегда осталась верна воспоминаниям об Оренбурге и любила рассказывать внукам о своем детстве, о казачке Марино, о горах и ярких цветах своей дикой Башкирии».³

Впоследствии, из-за болезни Александры Николаевны, Карелины продали в Оренбурге домовладение и нажитое имущество. 12 мая 1842 года на трех экипажах семья отправились в дорогу. Через 35 дней Карелины прибыли в Москву. Сначала они поместились на квартире, а потом приобрели недалеко от Москвы имение Трубицыно. Это имение Карелины купили на крупную премию, выданную Григорию Силычу государством. Александре Григорьевне шел четырнадцатый год.

Во многих источниках упоминается, что юная Александра была очень красива и изыскана. Когда ей исполнилось 16 лет, она познакомилась с 28-летним военным инженером Михаилом Ильичом Коваленским.

На личности Михаила Ильича стоит немного остановиться. Впоследствии он сделал достойную карьеру, знал европейские и восточные языки: арабский и персидский, сам составил грамматику неисследованного раньше кавказского диалекта, а кроме того, напечатал выдающийся для того времени труд по политической экономии «Новые начала политической экономии» (М., 1863). «Убеждений он был консервативных и строго церковных, уважал Каткова, но радостно приветствовал реформы 1860-х гг. и энергично работал в Звенигородском уезде, как мировой посредник. Набожность Михаила Ильича и преданность церкви удивляли духовенство... он явился видным деятелем при проведении крестьянской реформы. В качестве мирового посредника в Звенигородском уезде, где у него было имение Дедово, он отстаивал интересы крестьян и в тоже время производил неизгладимое нравственное впечатление на всех дворян, с которыми ему приходилось иметь дело».⁴

Михаил Ильич был гостем в доме Карелиных. Обнаружив довольно однообразное образование девочек, он начал долгими зимними вечерами читать им «Историю государства Российского» Карамзина.

Вследствие непродолжительного знакомства Михаил Ильич просит руки Александры Григорьевны. Мать, Александра Николаевна Карелина, отнеслась к предложению Коваленского отрицательно. Дело было не в нем самом, а в его семье. Его отец, Илья Михайлович Коваленский, был знатен

³ Там же

⁴ Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.

и занимал высокое социальное положение. Но его мать Марфа Григорьевна в прошлом была крепостная крестьянка.

Тем не менее, благословение было получено, и в 1845 году Александра вышла замуж за Михаила Ильича Коваленского.

Так описывает первое посещение молодой женой, Александрой Григорьевной, имения Дедово и знакомство с семьей мужа, Сергей Соловьев:

«Дико и странно показалось Сашеньке в доме Коваленских. Черной Слободы уже в то время не существовало: Илья Михайлович купил имение Дедово, в тридцати верстах от Москвы и в пятнадцати верстах от Нового Иерусалима, и переехал туда с семьей на постоянное жительство. Дедово было тогда большое хозяйственное имение, с флигелями, амбарами, гумном, лошадьми и мифологическими картинами, перевезенными из Черной Слободы. В двух верстах находилось другое имение Коваленских Петровское, почти без хозяйства, — изящная вилла, со множеством цветников и оранжерей. 20-го июля, в Ильин день, на именины Ильи Михайловича, моя бабушка впервые приехала в Дедово. Новая чужая семья, парадные столы, угощение сельского причта и крестьян — все это привело Сашеньку в смущение: так это было не похоже на скромный домик в Оренбурге и имение «дяди Мансурова». Но мальтийский рыцарь, галантный кавалер, румяный и седовласый Илья Михайлович понял, что творилось в душе новой хозяйки Дедова, вывел ее из-за шумного стола и повел по березовой аллее к пруду. Этот пруд, который теперь весь зарос хвощом и тростником и почти превратился в болото, тогда был полон чистой родниковой воды, по берегам до дна был выложен деревянными досками; плакучая ива наклонила свои ветви над сверкающими под солнцем струями: легкие лодки качивались над лазурной зыбью. Меж крестьян ходило предание, что по ночам над прудом и по берегам показывается призрак белой женщины. И как много должно было говорить это предание Сашеньке, выросшей на романах Вальтера Скотта. Ей вспомнились и «Дева озера», и белая дама семьи Авенель...».⁵

В исторических данных и воспоминаниях внука, Сергея Соловьева, есть нестыковка. Формально в документах покупателем и владельцем имения Дедово значится Михаил Ильич Коваленский. В описании первой встречи Дедово указывается, как имение отца, Ильи Михайловича Коваленского.

Спустя некоторое время после свадьбы Михаил Ильич получает должность управляющего казенной палатой. Семья переезжает в Тифлис. В Тифлисе юная Александра Григорьевна погружается в водоворот роскошной

⁵ Там же

светской жизни. «Версаль» – балы при дворе кавказского наместника Воронцова, на которых когда-то блистала «Венера» московская, Александра Григорьевна, встречаясь с Хаджи-Муратом, героем повести Л. Толстого; в середине прошлого века она была яркой фигурой, с пронизательным вкусом и гордым умом.⁶

«На Кавказе Александра Григорьевна встречалась с молодым поэтом Полонским, который тогда еще писал неудачные романы в прозе».⁷

Вместе с тем, у молодой семьи появляются дети. В 1846 году – Александра, в замужестве Марконет, примерно в 1848 году – Николай Михайлович Коваленский (председатель Виленской судебной палаты), в 1852 году – Наталья, в замужестве Дементьева (писательница), в 1855 году – Ольга, в замужестве Соловьева (переводчица, художница), примерно в 1858 году – Виктор (математик, приват-доцент при кафедре механики Московского университета).

После нескольких лет службы на Кавказе Михаил Ильич выходит в отставку. Семья переезжает в имение Дедово. В правоустанавливающих документах значится, что это была деревня при пруде, из 11 дворов, где жили 110 крестьян. Площадь помещичьего участка при Дедове и соседнем Петровском составляла 640 десятин, крестьянский надел – 103 десятины.

Можно уверенно предположить, что именно в Дедово Александра Григорьевна начала писать свои знаменитые сказки. Сначала она сочиняла их для своих детей, для домашнего использования. Вероятно, она делала это в воспитательных целях, так как в этих рассказах говорится о добре и зле, любви к животным, природе. Нельзя исключать, что именно Истринская природа вдохновила писательницу на написание сказок.

По убеждению и настоянию близких Александра Григорьевна решила издать свои произведения. Первая книга «Семь новых сказок» была издана в 1864 году, когда ей было 35 лет. Она написала более 20 волшебных сказок, народных рассказов, сказок о животных и автобиографическую поэму «Марина».

Живший в Дедове художник-передвижник Саврасов сделал к этим сказкам прекрасные иллюстрации. Также иллюстрировала сказки А.Г. Коваленской, Елизавета Меркурьевна Бем своими знаменитыми силуэтами.

⁶ Белый, А. Между двух революций [Текст] /А. Белый. – М.: Художественная литература, 1990. (Серия литературных мемуаров).

⁷ Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.

Интересна аннотация к книге «Семь новых сказок». «Семь новых сказок». Составила А. Коваленская. Спб., 1885 г. Издание 2-е. Это второе, украшенное рисунками издание талантливых сказок г-жи Коваленской является очень кстати, так как в последнее время выходит мало хороших книг для детей. «Изданы сказки (г. Луковниковым) опрятно и даже изящно. Печать четкая и крупная. Про самые сказки говорить нечего: они давно уже известны. В них находятся красивые описания и постоянно присутствует теплая, гуманная мысль. Издательство «Русская Мысль», кн. X, 1885».⁸

В журнале «Семейные вечера» Александра Григорьевна начала печатать повесть «Комариха» – из жизни сельского духовенства. Но быт священников был изображен в этой повести так мрачно, так много было картин запойного пьянства, что цензура приостановила печатание этой повести. Отдельным произведением она так и не вышла.

В противовес этому произведению Александра Григорьевна написала рассказы «Божье дитя» и «Валетка», где вывела идеализированные образы сельских священников.

Еще одна ее повесть таким жестоким и развращенным изображала крепостное право, что так и осталась ненапечатанной. Александра Григорьевна не рискнула ее издавать.

«В своих народных рассказах Александра Григорьевна была всецело под влиянием «Записок охотника» и Платона Каратаева. Надо признать, что народные рассказы Коваленской много слабее ее сказок. К народу она подходила односторонне и несколько сентиментально, речь его передавала слишком украшено и цветисто. После «Власти тьмы» Толстого мы уже не можем читать про таких обсахаренных мужиков и баб. Но это было время господства Тургенева: в Дедове Ивана Сергеевича читали как бога; Толстого считали только его младшим братом, а о Достоевском и не говорили: это был просто писатель дурного тона...»⁹.

Литературные вкусы Александры Григорьевны были односторонние. Поклоняясь Диккенсу, Тургеневу, Лермонтову и Жуковскому, она была равнодушна к тем произведениям искусства, в которых есть титанизм, где самый беспощадный реализм сливается с глубочайшей символикой. Ей были чужды все греки, Библия, Данте, Шекспир, Достоевский.

⁸ Коваленская, А.Г. Семь новых сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kowalenskaja_a_g/text_1885_sem_skazok_olderfo.shtml. – Загл. с экрана.

⁹ Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.

Самым удачным из произведений был сборник рассказов Александры Григорьевны Коваленской «Крутиков». Он выдержал 11 изданий с 1881 по 1916 год. За этот же рассказ Александра Григорьевна получила от Комитета грамотности золотую медаль в память известного педагога Александра Фомича Погосского. Награда была очень почетна в то время. Ее получали передовые педагоги, издатели, писатели, занимающиеся народным образованием.

Александру Коваленскую издавали очень охотно, и 11 изданий отражают лишь часть той популярности, которой пользовались ее произведения. Ее рассказы для детей были бестселлерами того времени, на них выросло не одно поколение российских детей, не только знатных дворян, но и детей простонародья.

Любимыми героями стали «серебряная роса», которой умывается месяц, разезжая по ночному небу в своей колеснице, царевна-глупочка, соловьи Коняшина пруда, голубка, воркующая: «Живите мирно...».

Ее произведения дышат природой, а природа полна аллегорий и символов: сорока символизирует пошлость, аист – семейственность, фиалка – скромность и чистоту сердца...

Мария Андреевна Бекетова, родная сестра матери поэта Александра Блока вспоминала: «Александра Григорьевна была, несомненно, талантливая писательница. Книги ее написаны литературно и живо, со знанием крестьянского и отчасти мещанского быта; местами там, где вступает фантастика, они отзывают балетом. Теперь они уже устарели, но в свое время были очень ценны. Это, во всяком случае, хорошее чтение, и, несмотря на наивную морализацию и некоторую сентиментальность, книги Коваленской заслуживают похвалы и сыграли заметную роль в то время, когда наша литература была еще очень бедна и по большей части пробавлялась переводами с иностранных языков».¹⁰

Многие произведения Коваленской были изданы Санкт-Петербургским комитетом грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе. Это общество занималось введением новых технологий в сельское хозяйство. А использование сложной техники и технологии было невозможно без поднятия уровня общей грамотности. Для массового обучения людей комитет грамотности издавал и распространял книги. Эти книги использовались в школах, на курсах сельских учительниц.

¹⁰ Бекетова, М.А. Воспоминания об Александре Блоке [Текст] /М.А. Бекетова. – М., 1990.

Также книги Александры Коваленской издавались у Сытина – крупнейшего в дореволюционной России книгоиздателя. Он ставил себе целью выпуск книг, доступных для широких слоев населения. Напечатанные на дешевой бумаге, эти книги были бесценны по содержанию. Примечательно, что сказки Коваленской были изданы в одном сборнике с сочинениями Достоевского, Пушкина, Андерсена, Екатерины II под названием «Образцовые сказки русских писателей» (изд. Ступина, составитель Авенариус).

Произведения Александры Григорьевны переводились и издавались во Франции, а позже, очень ограниченно, в Советском Союзе.

Трагичен период жизни Александры Григорьевны Коваленской, связанный с переездом из Дедово в Москву. Витю, младшего из детей, семья решает отдать в гимназию. Переезд достаточно основательный, так как Витя забирает из Дедово своих любимых голубей. Михаил Ильич вновь поступает на службу. Поселились они на углу Остоженки и Троицкого переулка, в доме Кученовой. Но прожили они там недолго. Здоровье Михаила Ильича стремительно ухудшалось, и 1871 году он умер. Александре Григорьевне на тот момент было 42 года.

С тех пор она вынуждена была сама содержать детей, принять на себя заботы по ведению хозяйства имения, вести переговоры с уездным начальством, решать спорные вопросы. Дедово она сохранила, но соседнее Петровское она продала князю Голицыну Н.Ф. за 5 тысяч рублей.

Александра Григорьевна переехала с Наташей, Олей и Витей в тесную квартирку в Калосный переулок и засела за литературную работу. Она писала целые ночи, печатала в разных журналах и кое-как сводила концы с концами. Здоровье ее начало стремительно таять. Доктор решительно запретил ей ночную работу. Средства к существованию стали сильно ограниченными.

Александра Григорьевна приняла решение жить постоянно в Дедово, так как это было дешевле, чем жить в Москве. Она смогла «вывести в люди» и дать достойное образование четверым своим детям, после смерти мужа. Лишь старшая дочь была на тот момент уже замужем.

Доходы ее составляли несколько сот рублей арендной платы за пользование землями усадьбы Дедово. А также значительный доход ей приносили авторские гонорары за публикуемые сказки и рассказы.

«...жили Коваленские очень скромно, и только благодаря мудрой экономии Александры Григорьевны можно было жить так прилично, как они жили, да еще дать возможность двум сыновьям закончить образование

в университете и развлекать детей, посылая их время от времени в Малый театр и в страстно любимую ими итальянскую оперу. При этом она сохраняла свой изящный облик и ту обстановку, которую я описала вначале. Выкраивала она деньги и на поездки любимицы своей Наташи (вторая дочь) к нам в Петербург, где у нее был не только приятный родственный дом, но и друзья, которых она очень любила».¹¹

Живя зимой и летом в Дедове, Александра Григорьевна сблизилась с местным крестьянством, помогала нуждающимся по мере сил. Лечила крестьян и даже делала простые операции. Примечателен, иллюстрирующий это отрывок из ее произведения:

«Научныхъ знаній по части медицины я не имела ни малейшихъ и лечила почти по вдохновенію, придерживаясь самыхъ невинныхъ домашнихъ средствъ, что, однако, не составляло ни малейшей разницы для доверчивыхъ деревенскихъ паціентовъ. Мое дальнейшее въ этомъ отношеніи невежество и по истине диковинныя предписанія, вероятно, сконфузили бы любаго, маломальски смышленнаго врача, но ни мало не смущали добродушныхъ посетителей, которые верили въ мою аптеку безусловно, и все надежды возлагали на мое знаніе. Объяснить это можно только темъ, что ближайшая больница находилась отъ насъ въ 26 верстахъ и хотя она была земская, но докторъ по праздникамъ больныхъ не принималъ, а всякому известно, что иначе какъ въ праздникъ крестьянинъ не можетъ приходить за советомъ, будучи заваленъ работой во все остальные дни недели, а особенно за 25 верстъ, и по нашимъ непроходимымъ во всякое время года дорогамъ. Могу сказать въ свое оправданіе, что, не смотря на мои мучительныя недоуменія, паціенты мои почти всегда выздоравливали, что, какъ нельзя лучше, доказываетъ необыкновенную живучесть русскаго деревенскаго организма.

Въ большинствѣ случаевъ, бабы составляли мою главнейшую практику и нередко въ праздничный день приходили толпами; иныя действительно больныя, другія же, какъ мне казалось, подъ предлогомъ болезни являлись единственно для того, чтобы побеседовать по душе о своей бабской участи. Изъ этихъ-то многочисленныхъ, и, признаюсь, иногда насколько докучливыхъ бесѣдъ, почерпнула я некоторыя сведенія, сильно заинтересовавшія меня».¹²

Александра Григорьевна Коваленская была очень радушной хозяйкой. Любила собирать гостей на пироги, а также по любому подходящему

¹¹ М. Бекетова «Шахматово. Семейная хроника».

¹² Коваленская, А.Г. В сорочке родилась [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kowalenskaja_a_g/text_0020oldorfo.shtml. – Загл. с экрана.

поводу. На лето к ней приезжали многочисленные родные, в том числе и семьями. Она очень любила внуков. В летнее время Дедово было все засажено цветами. Любимыми цветами Александры Григорьевны были розы, коих в имении было множество. Мария Андреевна Бекетова, родная сестра матери поэта Александра Блока вспоминала: «Она была женщиной не только красивой, но и на редкость изящной. Тонкий профиль, благородная осанка, большие голубые глаза красивого разреза и нежный цвет лица. Все, что ее касалось, начиная от костюма и кончая обстановкой ее комнаты, имело отпечаток изящного и своеобразного вкуса. У нее была отдельная спальня, убранство которой производило на меня впечатление даже в четыре года».

Александра Григорьевна прожила долгую и по-своему счастливую жизнь. Она умерла в 1914 году в возрасте 85 лет. Похоронена предположительно в Москве. Местонахождение ее могилы неизвестно.

Имение перешло по наследству ее внуку, поэту Сергею Соловьеву. Последними воспоминаниями о Дедово, он поделился в своей книге «Воспоминания»:

«Я сижу перед темным столом в библиотеке дедовского флигеля. Вспоминаю, как в детстве искал здесь какой-нибудь книжки для чтения, — и не находил: все огромные фолианты в коричневой коже на французском языке: Дидро, Поп, Овидий... В библиотеке темно и в ясный майский день.

Ветви бузины приникли к оконным стеклам и затеняют солнце. Из сумрака выступают два портрета: прадед моей матери Михаил Иванович Коваленский, со смутным лицом, черными глазами, с большой звездой на груди, и украинский философ Сковорода с золотообрезной книгой в руке. А там — лоснящийся, белокурый и голубоглазый «великолепный князь Тавриды» — Потемкин.

Я покидаю библиотеку и иду по флигелю. Вот спальня покойной матери и кабинет отца, выходящий окнами в яблочный сад. Над письменным столом большая картина: Мария Египетская, распростертая под сводом в пещере, сложив руки на груди, читает большую Библию, и волна золотых кудрей осыпала ее плечи. Другая картина, ветхая и потемневшая, прорванная посередине, занимает всю стену: темно-коричневый Геракл, в тяжелом раздумье, на перепутье двух дорог; круглолицая, золотокудрая Киприда, в облаке прозрачной кисеи, склонилась к его коленям и протягивает ему розан; суровая Афина, в медном шлеме, указывает ему вдаль: там — нагие горы и на вершине строгая колоннада.

В пустом шкафу запыленный букет сухих ландышей. Он стоит здесь с моего детства, и я помню, что отец запретил его выбрасывать, никому не объясняя причин. Тогда я не понимал значения этого букета, теперь я гляжу на него с благоговением: он — память какого-нибудь бесконечно счастливого дня, может быть, первого поцелуя юных жениха и невесты.

Я выхожу во двор, золотой светом синего майского дня. Ах, какой острый запах зеленой травы, которая лезет отовсюду, хочет заглушить цветы и заползти в дряхлеющие дома. Весна торжествует в садах и на полянах, птицы свистят в березовой роще, а там, вдали: большой, как озеро, пруд искрится, переливается, трепещет, так и ходит синими зыбями, и в его студёные струи роняют ветви плакучие ивы...».¹³

Имение Дедово полностью сгорело в 1917 году.

Список источников и литературы:

1. А.Г. Коваленская [Текст] // Сказочная энциклопедия / [Будур Н.В. и др.]; под ред. Наталии Будур. – М.: Олма-пресс, 2005. – 606 с.
2. Бекетова, М.А. Воспоминания об Александре Блоке [Текст]: [сборник] / М.А. Бекетова; [составление В.П. Енишерлова, С.С. Лесневского; вступ. ст. С.С. Лесневского; послесл. А.В. Лаврова; примеч. Н.А. Богомолова]. – М.: Правда, 1990. – 669 с.
3. Бекетова, М.А. Шахматово. Семейная хроника [Текст] / М.А. Бекетова; сост. В.П. Енишерлов, С.С. Лесневский. - М.: Правда, 1990. – 672 с.
4. Белый, А. Между двух революций [Текст] /А. Белый. – М.: Художественная литература, 1990. (Серия литературных мемуаров).
5. Коваленская, А.Г. В сорочке родилась [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kowalenskaja_a_g/text_0020oldorfo.shtml. – Загл. с экрана.
6. Коваленская, Александра Григорьевна [Текст] // Словарь членов Общества любителей Российской словесности при Московском Университете. (1811- 1911) – М.: Директ-Медиа, 2013. – С. 138.
7. Коваленская, А.Г. Семь новых сказок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kowalenskaja_a_g/text_1885_sem_skazok_oldorfo.shtml. – Загл. с экрана.
8. Майкова, Н. Дедово-Талызино уголок русской культуры. Из истории усадеб Истринского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ierusalem.ru/?p=1238>. – Загл. с экрана.
9. Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев. – М.:Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.
10. Смирнов, М. Последний Соловьев [Текст] / М. Смирнов //Наука и религия. – 2011. – № 2. – С. 22 – 26.

¹³ Соловьев, С.М. Воспоминания [Текст] /С.М. Соловьев.- М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 496 с.

В.В. Лобацевич

ДВЕ ЧАЙКИ – ДВЕ СУДЬБЫ

Полна талантливыми и интересными людьми земля Истринская. Все знают, что в Истре проживал А.П. Чехов, произведения которого мы изучаем, читаем со школьной скамьи, а мне бы хотелось рассказать о незаслуженно забытом писателе Николае Зотовиче Бирюкове (14 февраля 1912 – 31 января 1966 гг.), написавшем много достойных произведений.

А.П. Чехов и Н.З. Бирюков написали произведения с одинаковым названием «Чайка». Свой доклад я так и назвала – «Две чайки – две судьбы».

«Семейная любовь – наиболее распространенное чувство между людьми и наиболее прочное, а потому самое важное и самое благотворное из всех добрых чувств человека». Так писал когда-то Николай Чернышевский. Практически каждый из нас с юных лет мечтает обрести семью и гармонию, но это удается, к сожалению, не всем. Особенно тяжело найти свою вторую половинку людям с ограниченными возможностями. Известному советскому писателю Николаю Бирюкову, большую часть своей жизни проведенную в инвалидной коляске, посчастливилось встретить женщину, которая полюбила его таким, какой он есть.

Осенью 1930 года Николай Бирюков с другими студентами проходил практику на Дулевском фарфоровом заводе – ребята копали котлован. И когда работы уже подходили к концу, в котлован неожиданно хлынули подпочвенные воды. Николай Бирюков был бригадиром студенческого отряда и одним из первых бросился ликвидировать аварию. Пробыв 8 часов в холодной воде, Николай заболел. К сожалению, диагноз был установлен неверно, и, в результате роковой ошибки врачей, Бирюков с восемнадцатилетнего возраста остался прикованным к постели...

Кто знает, как бы сложилась жизнь тогда еще начинающего писателя, не встреть он свою Аню. Они познакомились в 1936 году, когда с момента злосчастной аварии прошло 6 лет, и это знакомство стало судьбоносным

для каждого из них. Молодая учительница из Москвы приехала в подмосковный дом инвалидов, чтобы навестить совершенно незнакомого ей человека, о чем попросила одна из ее учениц. Впервые увидев Николая Бирюкова, девушка была поражена стойкостью духа больного человека, его жизнелюбием, чувством юмора. Молодые люди очень быстро нашли общий язык, подружились, а вскоре между ними возникло и самое светлое чувство – любовь. Аннушка, как ласково любил называть Анну Ильиничну Николай Зотович, стала не только его женой, но и лучшим другом, грамотным врачом, первым читателем произведений мужа, строгим критиком, внимательным редактором.

Несмотря на свою физическую неподвижность, Бирюкова называли «самым подвижным» писателем Советского Союза, ведь он сумел побывать в разных уголках огромной страны. Все это было бы невозможно без физической и моральной поддержки Анны Ильиничны.

Не стало исключением и желание Николая Зотовича отправиться в Узбекистан, хотя подобное путешествие стало бы испытанием даже для здорового человека. В путь Бирюковы отправились весной 1939 года. Застав строительство Большого Ферганского канала, семья осталась в Узбекистане на целый год. Анна Ильинична помогала мужу вести дневниковые записи, опираясь на которые Николай Зотович напишет роман «Воды Нарына». Книга выйдет в печать лишь в 1949 году, ибо все планы нарушит война.

Во время Великой Отечественной войны Николай Бирюков пишет, пожалуй, свое самое известное произведение – роман «Чайка», за который он в 1951 году удостоится звания лауреата Сталинской премии СССР.

Николай Зотович, вместе с ним – его замечательный друг и помощник Анна Ильинична Бирюковы, были очень гостеприимными людьми. Их навещали фронтовики, труженики тыла, учителя, школьники, курсанты.

На сочувственные слова, предложения отдохнуть, Николай Зотович отвечал: «Я не беспомощен. Есть глухонемые и слепые, безрукие и безногие. У меня глаза видят, и уши слышат, а руки, как видите, и перо крепко держат... Идет война... При любом, даже самом, казалось, безвыходном, положении нужно найти в себе силу и мужество, чтобы быть на первой линии огня. Особенно сейчас, когда враги человечества – фашисты – терзают нашу Родину... Разумеется, я воевать с винтовкой не могу. Я буду с врагами Отчизны сражаться пером...».

Фронтовые газеты, журналы печатали его статьи, очерки, памфлеты.

Приезжали к Николаю Зотовичу и пинские партизаны, и мать Лизы Чайкиной, скромная, трудолюбивая колхозница. Она была одной из слушательниц его произведения еще в рукописном варианте: «...Мать и дочь... Они обнялись и сквозь слезы смотрели друг другу в глаза», – читал автор романа. Аксиныя Прокофьевна, бледная, закусив губу, просила его: «Читай, читай...». Он продолжал: «...Катя крепко-крепко прижала к себе мать, так крепко, что заныли руки, и поцеловала ее... Она прощалась с матерью и не знала, что прощалась навсегда...». В глазах Аксиныи Прокофьевны – глубокая боль: «Такая была Лиза, такая...».

Какживые, встают со страниц этой книги участники грозных, смертельно опасных событий: «Ходит больше по ночам... Сбегутся к ней люди, и она говорит... Большие слова и горячие, силы вбивает в тебя великие. Слушаешь ее и чувствуешь: да ведь богатырь ты! И такая лютая злость в тебе к врагу... И вот идет она от деревни к деревне...».

Главы романа читались по радио. Еще гремели орудия на Западе... Бойцы на фронте слушали повествование о народной героине-партизанке. С фронта Бирюковым приходили благодарственные письма. Книга эта входила в Берлин вместе с Советской Армией, как солдат. – «За Лизу Чайкину», «За нашу Чайку!»... «Чайка» вела воинов на штурм рейхстага...

В начале 1945 года издательство «Молодая гвардия» выпустило роман.

Катя Волгина... Зимин, Федя, Михеич... Предатель Стребулаев... Гестаповцы Макс фон Ридлер, Карл Зюсмилх... Борьба добра и зла...

В течение нескольких лет Николай и Анна Бирюковы жили под Москвой, в чеховских местах, близ Истры, в деревне Бужарово. Сюда к нему приезжал великий писатель, властитель лесных тайн, знаток природы и чародей русского языка – Михаил Михайлович Пришвин.

Николай Зотович Бирюков, автор знаменитой повести «Чайка», вспоминал о своей беседе с Пришвиным, его взволнованный рассказ:

– Получил письмо с фронта от молодого бойца, что в разгромленном немцами местечке нашел мою книгу и стал читать при свете степного пожара. Но огонь уходил от него, потому что сгорела трава, и он, читая книгу, должен был двигаться под пулями, при разрывах артиллерийских снарядов и мин... И так, продвигаясь вперед, за ночь он прошел три километра и к рассвету кончил весь том. А теперь пишет просьбу прислать его продолжение... Конечно, такой жаждущий живой воды мог бы и с другой книгой идти за пожаром...». Пришвин скромно заметил: «Но какая-то капля живой воды, несомненно, заключается и в моем творчестве».

«В жизни встречаются люди, души которых являются как бы отражением воспитавшего их времени. Заглянешь в такую душу, и поймешь целую эпоху», – говорил Н. Бирюков.

«...Все силы души сосредоточивались на мысли дать книгу вовремя, чтобы она помогла людям в их титанической схватке с фашистскими ордами. Закончил в марте 1944 года. Книга успела повоевать. Среди многочисленных писем фронтовиков есть у меня и такие, в которых рассказывается, как бойцам перед атакой читали «Чайку». Артиллеристы, штурмовавшие Берлин, сообщили мне, что на снарядах, выпущенных ими по последнему фашистскому логову, они писали: «За нашу Чайку!». Роман вышел из печати в начале 1945 года...» («О себе»).

В 1950-е годы в Китайской Народной Республике специальным постановлением массовым тиражом были изданы и рекомендованы для духовно-нравственного, патриотического воспитания две популярные русские книги: «Как закалялась сталь» Николая Островского и «Чайка» Николая Бирюкова»...

«Когда вы прочитаете книгу Бирюкова, вы полюбите эту отважную, смелую, страстно любившую жизнь и людей девушку, нашу современницу. Когда перед полетом в космос моим позывным стало слово «чайка», рядом со мной я почувствовала мою старшую подругу. Она имела полное право на этот полет, ибо еще в суровые годы в жестокой борьбе с немецко-фашистскими захватчиками Чайка помогла нам проложить дорогу в космос».

Валентина Терешкова

...На Черном море курсируют теплоходы «Лиза Чайкина» и «Николай Бирюков».

Первые годы после Великой Отечественной войны семья Бирюковых жила в селе Бужарово, что в Подмоскowie. Казалось, тихая, уютная обстановка как нельзя лучше подходила для отдыха и работы, но Николай Зотович долго так жить не мог. И вновь они с Анной Ильиничной отправляются в путь, на сей раз по реке Волга, чтобы своими глазами увидеть, как заново отстраивается Советское государство. Результатом поездки станет книга очерков «На мирной земле».

Но длительные разъезды не могли не сказаться на состоянии здоровья писателя, и в 1955 году по настоянию врачей семья Бирюковых переехала

в Ялту. Первые годы Анна Ильинична и Николай Зотович жили в районе «Чайная горка» на улице Западной (ныне – улица Щербака), а уже в 1959 году они поселились в уютном домике в Пионерском парке. Николай Зотович и Анна Ильинична очень любили детей, поэтому в их новом ялтинском доме часто слышались детские голоса соседских ребятишек, которые могли спокойно забежать в гости к дяде Коле и тете Ане, а те обязательно напоили бы их горячим чаем, накормили вкусными конфетами.

«Не было бы Ани, не было бы «Чайки», не было бы «Вод Нарына», не было бы меня самого», – так говорил Николай Зотович о своей любимой жене. Анна Ильинична и после смерти Николая Зотовича в 1966 году продолжала жить, прославляя имя своего мужа. Остается только догадываться, скольких титанических усилий стоило ей в 1970 году открыть музей писателя, ведь это бесконечные бумажки, встречи, разъезды, нервы... Она несла имя Николая Бирюкова по всему миру, пропагандировала его творчество, работала с подрастающим поколением.

Жизнь, наполненную волевыми свершениями, непрекращающейся борьбой, прожили Николай Зотович и Анна Ильинична Бирюковы. Они всегда шли рука об руку, вместе преодолевая все трудности на пути. С 15 ноября 2003 года они вновь рядом друг с другом, но уже на небесах. Своим примером эти замечательные люди продолжают вдохновлять ялтинцев до сих пор. Дай Бог каждому из нас прожить такие же достойные жизни и быть до глубины души преданными своим родным и близким.

Статья написана при содействии сотрудников Ялтинского дома – музея Н.З. Бирюкова.

**ЯРОСЛАВСКАЯ ЧЕХОВКА – РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР
ИНФОРМАЦИИ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА**

В этом году у Ярославской библиотеки имени Чехова двойной юбилей: исполнилось 115 со дня ее основания и 100 лет со дня присвоения имени А.П. Чехова. Основателем библиотеки был купец первой гильдии, потомственный Почетный гражданин города Ярославля, гласный городской Думы Николай Константинович Андронов.

Имя Антона Павловича Чехова библиотека получила в 1918 году. Имя, как спустя годы мы выяснили, оказалось неслучайным! Дело в том, что одна из дочерей основателя библиотеки, Нина Николаевна Андропова, вышла замуж за родного брата жены А.П. Чехова – Владимира Леонардовича Книппера. Их сын Владимир Владимирович Книппер, с одной стороны – внук купца Андропова, а с другой – это любимый племянник Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. Он автор удивительной книги «Пора галлюцинаций». Книга подарена нам потомками купца Н.К. Андропова и хранится в фонде библиотеки. В библиотеке хранятся также кресло и зеркало, когда-то принадлежавшие отцу Владимира Владимировича, редкие, еще дореволюционные книги, фотографии, подлинные вещи Андроновых. Все это передали в библиотеку внука и правнуки купца Андропова. Такая необыкновенная история библиотеки и ее связь со знаменитым родом Книппер-Чеховых дали нам импульс для серьезной и плодотворной работы.

В 2000 году библиотека получила грант губернатора Ярославской области на реализацию проекта, приуроченного к 100-летию библиотеки. В рамках его реализации в библиотеке была оформлена экспозиция, посвященная удивительной истории библиотеки имени А.П. Чехова. Материалы по истории библиотеки публиковались в российском профессиональном журнале «Библиотека» и в местной прессе. Так начиналась и развивалась работа по формированию единого чеховского пространства, одной из главных целей которого стало сохранение памяти Чехова

на Ярославской земле. Большую помощь и поддержку в этом вопросе нам оказали коллеги из Чеховских библиотек России, ведущие российские чеховеды.

С 2000 года наша библиотека участвует в различных российских и международных форумах, конференциях, чтениях, темы которых связаны с именем А.П. Чехова. Это Всероссийские научно-практические конференции «А.П. Чехов в информационно-библиотечном пространстве России» и «Продолжение Чехова» в г. Таганроге, Чеховские книжные фестивали на родине великого писателя, научно-практические конференции «А.П. Чехов и краеведение» и «А.П. Чехов в культурном пространстве XXI столетия» в Ярославле, заседания Международного Сообщества чеховских музеев и библиотек, читательская конференция в городе Ноябрьске Ямало-Ненецкого автономного округа.

В 2012 году наша библиотека была принята в Международное сообщество Чеховских музеев и библиотек, и с этого года стала его постоянной участницей. Библиотека имени А.П. Чехова Ярославля принимала участие в проекте «Международная экспедиция «А.П. Чехов «Остров Сахалин. 1890-2012». Члены экспедиции, а это была Всеукраинская общественная организация «Русская школа», решили повторить путь А.П. Чехова из Москвы на остров Сахалин. С этой целью они посетили город Ярославль, через который проезжал А.П. Чехов в 1890 году, отправляясь на Сахалин. Мы встречали их в цветущем вишневом саду, где символично было посажено новое вишневое дерево.

Свой вишневый сад мы посадили у стен библиотеки в 2007 году. Сад насчитывает более 45 деревьев, и «свои» вишни есть в нем у многих известных ярославцев и гостей нашей библиотеки. Теперь, когда сад вырос, у нас появилась и новая вишневая аллея, на ней с 2016 года высаживают свои вишенки наши именитые гости. С появлением вишневого сада доброй традицией стали чаепития с вишневым вареньем под сенью деревьев. Здесь мы ежегодно отмечаем концертами День России, здесь проводятся праздники цветущего вишневого сада, День памяти А.П. Чехова, различные акции, летние читальные залы, флешмобы.

В Таганроге, неоднократно появлялись статьи о нашем вишневом саде, а в 2017 году в газете «Новый Таганрогский курьер» вышла большая статья под названием «Сад, который не увядает».

В 2013 году, в юбилейный для библиотеки год, мы были организатором научно-практической конференции «А.П. Чехов в культурном простран-

стве XXI столетия», которую поддержала Российская библиотечная ассоциация. На это масштабное мероприятие приехали коллеги из Таганрога, Батайска, Вологды, Углича, Истры. Поступили заочные доклады от ведущих чеховедов России – И.Е. Гитович и А.П. Кузичевой, от коллег из Москвы, Клина, из Удмуртии, Южно-Сахалинска и Ялты. По результатам работы конференции был издан сборник.

Последние 5 лет в библиотеке проводятся Чеховские дни в Ярославле «Среди милых ярославцев». У библиотеки большие творческие связи с известными в России и за рубежом чеховедами: А.П. Кузичевой и И.Е. Гитович, В.Б. Катаевым, А.Н. Подорольским, Э.Д. Орловым, А.Г. Головачевой, М.А. Волчкевич, коллегами из Таганрога, Москвы, Новочеркасска, Истры, Батайска, Углича. Многие из них побывали на Чеховских днях в Ярославле, на днях памяти Чехова, на празднике цветущего вишневого сада. Добрым другом библиотеки стала Евгения Филипповна Чехова.

В этом году, к 100-летию присвоения имени А.П. Чехова, мы провели в Ярославле и в Угличе, научно-практическую конференцию «Вся Россия – наш сад». Также были проведены Молодежные Чеховские дни. Студенты и преподаватели ярославского колледжа культуры подготовили спектакль «Юбилей» и показали его читателям и сотрудникам библиотеки. Для детей была подготовлена игра «Путешествие к Чехову». Для студентов прошли литературно-музыкальные программы «А.П. Чехов и К.Д. Бальмонт», «А.П. Чехов и Л.Н. Трефолев» в исполнении фольклорного коллектива «Зоренька».

Наша библиотека аккумулирует все, что связано с именем и памятью А.П. Чехова. Мы проводим бенефисы писателя, литературные часы, викторины, литературно-музыкальные программы, вечера. В библиотеке создана Чеховская гостиная, убранство которой выполнено совершенно в духе пространства Чехова. Здесь есть и «окно» в вишневый сад, и афиши к спектаклям Антона Павловича, его портрет, газеты и альманахи из Таганрога. Тут же размещена и генеалогия рода Чеховых, а также «Жалобная книга».

Наша библиотека помогает всем желающим приобщиться к миру Чехова, раскрыть его, полюбить писателя. Наше чеховское пространство уже стало материальным – в том числе, как ни парадоксально это прозвучит, и в виртуальном мире тоже. Мы развиваемся. Мы идем в будущее. Но мы не разрываем связь с прошлым, черпая оттуда, из истоков бескрайнего океана по имени «Антон Чехов», вдохновение, доброту и любовь к миру.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Модераторы:

Вартанова Татьяна Владимировна, директор МУК «Истринская ЦБС» (Муниципальное учреждение культуры «Истринская централизованная библиотечная система» городского округа Истра Московской области)

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, зав. сектором издательских проектов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (г. Москва)

Николаева Елена Вячеславовна, заведующая отделом мемориальной работы Библиотеки-читальни им. И.С. Тургенева (г. Москва)

Дудолодова Ольга Ивановна, заведующая отделом краеведения и мемориальной работы Центральной библиотеки имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)

Участники:

Андрюхина Ольга Сергеевна, заведующая Дедовской городской библиотекой №1 (Московская область, г. Дедовск)

Анискина Ольга Васильевна, член Московского Лермонтовского общества, заведующая организационно-массовым отделом Центральной библиотеки имени А.П. Чехова (Московская область, г. Истра)

Викторова Валентина Геннадьевна, заведующая Библиотекой-филиалом № 12 имени А.П. Чехова МУК «Централизованная библиотечная система города Ярославля» (г. Ярославль)

Воронцова Евгения Александровна, кандидат исторических наук, зав. сектором издательских проектов Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля (г. Москва)

Гольцев Александр Николаевич, кандидат химических наук, руководитель краеведческого клуба «Слобода заповедная» МУК «Павло-Слободский КДК» (Московская область, с. Павловская Слобода)

Грушина Анна Филипповна, кандидат исторических наук, председатель Союза краеведов России, главный редактор «Московского журнала», член Совета Московского краеведческого общества, Заслуженный работник культуры РФ

Евтушенко Светлана Петровна, методист, экскурсовод Культурного центра им. Любови Орловой (Московская область, г. Звенигород)

Золотарева Екатерина Николаевна, ведущий библиотекарь Павло-Слободской сельской библиотеки МУК «Павло-Слободский КДК» (Московская область, с. Павловская Слобода)

Королевич Вера Васильевна, заведующая методико-библиографическим отделом Центральной библиотеки им. А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС») (Московская область, г. Истра)

Лебедева Екатерина Алексеевна, провизор ГБУЗ ЦЛО ДЗМ (аптека №26) (г. Москва)

Лобацевич Виктория Валерьевна, заведующая Бужаровской сельской библиотекой МУК «Истринская ЦБС» (Московская область, с. Бужарово)

Логинов Василий Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор Факультета фундаментальной медицины МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Мамаев Сергей Юрьевич, преподаватель НОУ «Православная школа «Рождество», руководитель музея «Усадьба Рождествено» (Московская область, г. Дедовск)

Маслова Вероника Борисовна, педагог-психолог, учитель мировой художественной культуры МОУ «Павловская СОШ», руководитель интеллектуально-психологического клуба «Апрель» ЦРТДиЮ «Ровесник» (Московская область, г. Истра)

Молодцова Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического отдела Музейно-выставочного комплекса Московской области «Новый Иерусалим» (Московская область, г. Истра)

Муравьева Валерия Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий библиотекарь Дедовской городской детской библиотеки (Московская область, г. Дедовск)

Носиков Сергей Павлович, кандидат технических наук, краевед (Московская область, г. Истра)

Павленко Алла Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории МАИ (г. Москва)

Рожкова Людмила Юрьевна, ведущий библиотекарь Центральной библиотеки имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС») (Московская область, г. Истра)

Фадичева Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Московского Лермонтовского общества (г. Москва)

Центральная библиотека имени А.П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
143500, Московская область, г. Истра,
ул. 9 Гвардейской дивизии, д. 49
Телефон: 8(498 31)51981.
E-mail: IstraBiblioteka@yandex.ru

ВТОРЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ
«ИСТРИНСКАЯ ЗЕМЛЯ:
ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА. ДЕЯТЕЛИ»

Сборник материалов
Научно-практической конференции
13 декабря 2018 года

Корректор
Мария Парамонова

Верстка
Михаил Лукьянов

Издательство «Современные информационные системы»
Адрес: 115054, Москва, ул. Большая Пионерская,
д. 15, строение 1, 1-й этаж, помещение II, офис 3М.
Подписано в печать 09.10.2019. Формат 60х90/16. Печ. л. 10
Печать офсетная. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии «Тверская фабрика печати». Заказ № 11011

